

**«ОБО ВСЁМ,
ЧТО СОВЕРШИЛОСЬ ТУТ»**

«ОБО ВСЁМ, ЧТО СОВЕРШИЛОСЬ ТУТ»

**Воспоминания, материалы о репрессированных
жителях Судостроя—Молотовска
и о репрессированных родственниках жителей
Архангельска и Северодвинска**

Архангельск
2017

УДК 94(470.11)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Арх)61-361ю14я43
О 21

Составитель: Галина Викторовна Шаверина,
руководитель Северодвинского отделения
регионального объединения
пострадавших от политических репрессий «Совесть»

«Обо всём, что совершилось тут» : воспоминания, материалы о репрессированных жителях Судостроя—Молотовска и о репрессированных родственниках жителей Архангельска и Северодвинска : [сборник : 16+ / сост. Г. В. Шаверина].— Архангельск : [б. и.], 2017.— 240 с., 32 вкл. л. ил. : ил.
ISBN 978-5-9909869-9-2

В сборник вошли воспоминания о репрессированных жителях Судостроя—Молотовска, а также свидетельства северодвинцев и архангелогородцев о репрессированных родственниках. Сборник дополнен сведениями о реабилитированных жителях города, не вошедших в список «Поморского Мемориала» (Книги памяти жертв политических репрессий Архангельской области), и сведениями о дальнейшей судьбе людей, названных в «ПМ».

Книга обращена ко всем, кто хочет знать подлинную историю страны.

УДК 94(470.11)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Арх)61-361ю14я43

ISBN 978-5-9909869-9-2

© Г. В. Шаверина, составление, 2017
© ОАО «ИПП «Правда Севера», 2017
© М.М. Антонова, оформление
обложки, 2017

Мы расскажем, мы еще расскажем,
Мы возьмем и эту высоту,
Перед тем как мы в могилу ляжем,
Обо всём, что совершилось тут.

Лидия Чуковская

От составителя

В книге собраны воспоминания пострадавших от политических репрессий: членов раскулаченных семей, арестованных и безвинно осужденных, репатриированных. Всех рассказчиков объединяет то, что их судьба связана с городами Северодвинском и Архангельском. Но будь они собраны в любом другом месте нашей Родины — они бы точно так же отразили значительный период истории Советского Союза, который сопровождался государственным террором против собственного народа. Все это — трагические страницы истории двадцатого века.

Рассказы различных категорий пострадавших от репрессий типичны — меняются только имена и места событий, касается ли это раскулаченных, арестованных, репатриированных. Важно отметить, что арестовывались, высылались, осуждались по сфальсифицированным делам люди, чем-либо примечательные. Причем никакие заслуги перед государством не могли защитить от репрессий: ни участие в революционных событиях, ни достижения в хозяйственном строительстве, ни служба в преданном большевикам латышском стрелковом полку, ни участие в войне.

При прочтении следственных дел и приговоров обращают на себя внимание стандартные формулировки обвинений. В 1937—1938 годах рабочие чаще всего обвинялись в агитации против выборов в Верховный Совет, в антисоветской агитации, в критическом отношении к займам; инженерно-технический состав — в участии в контрреволюционной правотроцкистской шпионской организации; в шпионаже обвинялись лица, побывавшие в плену, в командировке за границей, имев-

шие контакт с иностранными гражданами, по национальному признаку.

Схожи и судьбы детей у репрессированных: в семьях раскулаченных — высокая детская смертность по дороге и в первые месяцы и годы обустройства на спецпоселениях, лишения и голод, учеба детей в отрыве от семьи, аресты в годы Большого террора. В семьях «врагов народа» — отчуждение со стороны соседей, знакомых и даже родственников из-за страха попасть под подозрение в сочувствии, отказ детям «врагов народа» в приеме в пионеры и комсомол, принудительное направление на учебу в школы ФЗО (фабрично-заводского обучения), ограничения при поступлении в высшие учебные заведения. Каждая судьба — это история последовательного уничтожения крестьянства, рабочих и интеллигенции.

Воспоминаниями делятся люди, которые сегодня намного старше своих преждевременно ушедших из жизни родителей.

Надеюсь, что материалы сборника хоть в малой части дополнят историю репрессий. Пусть это станет небольшой частью нашего общего покаяния перед безвинно пострадавшими.

Галина Шаверина

Часть I. «В Северной области расстрелять 750 человек»

Краткие сведения о расстрелянных жителях Судостроя

На пике репрессий в 1937—1938 годах по печально известному приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года все «репрессированные кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы» разбивались на две категории. К первой категории были отнесены «наиболее враждебные элементы», подлежащие немедленному аресту и «по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ». В Северной области подлежало расстрелять за четыре месяца 750 человек. Приказ предписывал следствие вести в упрощенном и ускоренном порядке. По Северной области тройка была утверждена в следующем составе: председатель — Бак, члены — Коржин и Рябов. О ходе и результатах операции следовало доносить пятидневными сводками. По установленным на октябрь 2016 года данным о расстрелах жителей Судостроя—Молотовска (50 человек) — половина (25 человек) была расстреляна в январе 1938 года, 15 человек в октябре—ноябре того же 1938 года.

Арнольд Эрнестович, 1883*, русский, уроженец Санкт-Петербурга, образование высшее, находился в распоряжении начальника строительства завода № 402. Арестован 2 июня 1937 года. 2 ноября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Расстрелян 2 ноября 1937 года. Место захоронения — Донское кладбище, Москва. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 31 октября 1961 года [1].

Бекетов Серафим Дмитриевич, 1905, уроженец Шенкурского уезда, нормировщик труда на Судострое, по решению тройки УНКВД по Архангельской области расстрелян 19 ноября 1937 года [2].

Богачев Илларион Арсентьевич, 1899, уроженец д. Чучка Холмогорского уезда, житель Молотовска, рабочий шпалозавода № 402, имел на иждивении троих несовершеннолетних детей. Арестован 8 января 1938 года. По постановлению тройки УНКВД 20 января 1938 года за «контрреволюционную деятельность» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 14 июня 1989 года [3].

Бороздин Александр Михайлович, 1904, уроженец Санкт-Петербурга, административно-хозяйственный работник Судостроя. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области расстрелян 20 января 1938 года за «подозрение в шпионаже и контрреволюционную агитацию» [4].

Васильев Павел Михайлович, 1875, уроженец д. Покровская Шенкурского уезда, житель Архангельска, агент по снабжению завода № 402. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 20 января 1938 года по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 8 марта 1957 года [5].

Вейдеман Роман Александрович, 1904, уроженец Эстонии, житель Молотовска, бригадир литейного цеха отдела главного

* Здесь и далее после фамилии год рождения.

механика завода № 402, на иждивении имел сына. Арестован 21 июля 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 2 октября 1938 по ст. 58-6, 58-11 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 14 июля 1989 года [6].

Видякин Петр Петрович, 1878, уроженец и житель Архангельска, кассир конторы Судостроя. Арестован 16 ноября 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 20 января 1938 года за «контрреволюционную деятельность» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 14 июня 1989 [7].

Гаев Василий Васильевич, 1880, уроженец д. Лопата Сольвычегодского уезда, житель Молотовска, маляр на Судострое. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «антисоветскую клевету и террористические намерения против вождей ВКП(б)» 13 января 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 28 декабря 1961 года [8].

Гаврилюк Петр Георгиевич, 1883, уроженец Украины, житель Судостроя, сторож коммунального отдела на заводе № 402. По постановлению тройки УНКВД по Северной области за «контрреволюционную деятельность» 13 января 1938 незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 14 июля 1989 года [9].

Герасименко Иван Фомич, 1905, уроженец Мариуполя, житель Молотовска. По приговору Военного трибунала войск НКВД СССР по Архангельской области 4 сентября 1941 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 28 марта 1990 года [10].

Герасимов Алексей Степанович, 1911, уроженец д. Морщинская Каргопольского уезда, житель Судостроя, плотник гражданского строительства. Арестован 8 января 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную деятельность» 20 января 1938 года

незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 27 июля 1989 года [11].

Гольб Александр Владимирович, 1877, уроженец Москвы, житель Исакогорки, начальник станции «37-й километр железнодорожной ветки ст. Исакогорка — строительство завода № 402». Арестован 17 февраля 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную фашистскую агитацию» 31 октября 1938 года расстрелян [12].

Деревягина Валентина Афанасьевна, 1916, уроженка Вологодской губернии, жительница п. Судострой, рабочая на строительстве завода № 402. Арестована 7 февраля 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 13 января 1938 за «контрреволюционные террористические настроения в отношении вождей ВКП(б)» незаконно расстреляна. Посмертно полностью реабилитирована 14 июня 1989 года [13].

Десятов Николай Дмитриевич, 1896, уроженец д. Алешинская Архангельской губернии, житель Архангельска, старший нормировщик гидростроя № 3 на Судострое, на иждивении имел двоих детей. Арестован 18 июля 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 26 января 1938 года по ст. 58-9, 58-11 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 6 июня 1957 года [14].

Зайцев Геннадий Иванович, 1877, уроженец Вологодской губернии, житель Молотовска, плотник Судостроя, имел троих несовершеннолетних детей. Арестован 22 декабря 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 13 января 1938 года за «антисоветскую агитацию» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 31 мая 1989 года [15].

Зайцев Павел Иванович, 1895, уроженец Вологодской губернии, житель Молотовска, плотник-бригадир строительства, имел четверых несовершеннолетних детей. Арестован 22 декабря 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 13 января 1938 года за «антисоветскую агитацию»

незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 31 мая 1989 года [16].

Залесов Василий Федорович, 1912, уроженец Вологодской губернии, житель поселка строительства объекта № 402, плотник на бирже № 18. Арестован 13 декабря 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 17 января 1938 года за «антисоветскую агитацию» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 17 июля 1989 года [17].

Зеленин Николай Кузьмич, 1896, уроженец д. Большое Андрианово Архангельского уезда, житель п. Судострой, служащий, на иждивении имел двоих детей. Арестован 23 декабря 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 13 января 1938 года по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 16 декабря 1970 года [18].

Ижмяков Александр Дмитриевич, 1886, уроженец д. Борисовская Архангельского уезда, житель Молотовска, десятник. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 26 января 1938 года за «контрреволюционную агитацию» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 11 октября 1957 года [19].

Икко Иосиф Иванович, 1911, уроженец Санкт-Петербургской губернии, житель Молотовска, машинист, на иждивении имел двоих детей. Арестован 23 июля 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 1 ноября 1938 по ст. 58-9, 58-10 УК РСФСР незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 11 ноября 1964 года [20].

Карпов Марк Владимирович, 27 лет, уроженец Санкт-Петербурга, режиссер Молотовского драмтеатра, осужден за «шпионаж в пользу Японии», 1 октября 1938 года за «шпионаж в пользу японской разведки» незаконно расстрелян. Реабилитирован посмертно [21].

Кисленко Николай Петрович, 1916, уроженец Крыма, житель д. Солза Приморского района, машинист шпалозавода, на

иждивении имел ребенка. Тройкой УНКВД по Архангельской области 5 января 1938 года по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно приговорен к расстрелу. Полностью реабилитирован 18 декабря 1962 года [22].

Козел Корнил Алексеевич, 1876, уроженец Кубанской области, сапожник на заводе № 402, по постановлению тройки УНКВД по АО за «контрреволюционную агитацию» расстрелян 17 января 1938 года [23].

Корельский Егор Константинович, 1874, уроженец д. Кудьма Архангельского уезда, житель Архсудостроя, десятник. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 11 января 1938 года за «контрреволюционную агитацию» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 27 июня 1957 года [24].

Костылев Семен Петрович, 1888, уроженец д. Корняговская Шенкурского уезда, житель Молотовска, фотограф, имел двоих детей. Арестован 10 мая 1920 года. Комиссией Кедрова Архангельской Губчека 10 ноября 1920 года незаконно лишен свободы сроком на 2 года. Повторно арестован 22 декабря 1932 года. По постановлению тройки УНКВД Северного края 13 января 1938 года за «контрреволюционную агитацию» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 14 июня 1989 года [25].

Курячий Николай Семенович, 1886, уроженец Украины, житель Молотовска. Заместитель начальника финотдела завода № 402. Тройкой УНКВД по Архангельской области 11 января 1938 года за «антисоветскую агитацию» незаконно приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 января 1938 года. Полностью реабилитирован 18 июля 1959 года [26].

Левинский-Спектор Игнатий Павлович, 1900, уроженец Бессарабской губернии, житель Судостроя, сметчик сметного отдела Судостроя. По постановлению тройки расстрелян 16 сентября 1937 года [27].

Липпонен Артур Юганович, 1912, уроженец Финляндии, житель Молотовска, рабочий завода № 402. Арестован 8 февраля

1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области по ст. 58-6, 58-8, 58-9 УК РСФСР 5 ноября 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 17 июля 1989 года [28].

Лоскутов Михаил Протасьевич, 1874, уроженец Пинежского уезда Архангельской губернии, сторож отдела промторга на строительстве завода № 402, по решению тройки УНКВД по Архангельской области расстрелян 22 ноября 1937 года [29].

Лукашевич Александр Максимович, 1890, уроженец Белоруссии, житель Молотовска, плотник. Арестован 21 августа 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную агитацию» 31 октября 1938 незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 12 октября 1989 года [30].

Лунин Николай Михайлович, 1882, уроженец Каргопольского уезда Олонецкой губернии, плотник на Судострое, по решению тройки УНКВД по Архангельской области расстрелян 15 февраля 1938 года [31].

Малинский Владимир Фердинандович, 1896, уроженец Польши, прораб строительства завода № 402. За «шпионскую и диверсионную деятельность» 26 октября 1938 года расстрелян. Реабилитирован посмертно 25 марта 1958 года [32].

Миронюк Владимир Иванович, 1892, уроженец Польши, житель Молотовска, прораб завода № 402. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «антисоветскую деятельность» 31 октября 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 30 октября 1974 года [33].

Мовш Самуил Владимирович, 1899, уроженец Полтавской губернии, житель Судостроя, помощник заведующего лесным отделом завода № 402, по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «шпионскую деятельность» 5 ноября 1938 года расстрелян. Реабилитирован посмертно 4 февраля 1957 года [34].

Назанский Аркадий Ильич, 1890, уроженец Украины, житель Молотовска, артист драмтеатра. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную деятельность» 1 ноября 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 5 апреля 1968 года [35].

Останин Николай Германович, 1890, уроженец Житомира, начальник отдела кадров Судостроя, имел на иждивении одного ребенка, по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «шпионскую деятельность» 1 октября 1938 года расстрелян. Реабилитирован посмертно [36].

Пекарский Георгий Федорович, 1891, уроженец Польши, житель Молотовска, агент по снабжению завода № 402. Арестован 19 июня 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области по ст. 58-6 УК РСФСР 1 октября 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 7 октября 1958 года [37].

Рогозин Иван Александрович, 1887, уроженец д. Маковеевская Вельского уезда, житель Цигломени, бухгалтер кирпичного строя. Арестован 10 декабря 1937 года. По постановлению тройки УНКВД за «контрреволюционную деятельность» 17 января 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 9 апреля 1960 года [38].

Руссо Николай Николаевич, 1889, уроженец Украины, житель Судостроя, Архангельска, завхоз завода № 402, на иждивении имел дочь. Арестован 13 июля 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную агитацию» 1 ноября 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 16 мая 1989 года [39].

Скачков Федор Герасимович, 1881, уроженец Владимирской губернии, администратор Молотовского драмтеатра, по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «шпионаж в пользу Японии» 13 сентября 1938 года незаконно расстрелян [40].

Смульский Станислав Францевич, 1875, уроженец Польши, житель Судостроя, механик автопарка завода № 402, на иждивении имел ребенка. Арестован 11 января 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области по ст. 58-5 УК РСФСР 20 января 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 14 июня 1989 года [41].

Соломаха Михаил Иванович, 1909, уроженец Черниговской губернии, житель Судостроя, молотобоец Судостроя, на иждивении имел ребенка. Арестован 5 августа 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную агитацию» 15 сентября 1937 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 28 июля 1989 года [42].

Сосула Степан Павлович, 1908, уроженец Украины, житель Судостроя, грузчик в отделе снабжения гражданстроя, незаконно расстрелян по решению тройки УНКВД по Архангельской области 16 сентября 1937 года. Посмертно реабилитирован 11 сентября 1989 года [43].

Танеев Измаил Мухаметтанович, 1896, уроженец Енисейской губернии, электромонтер Судостроя. По решению тройки УНКВД по Архангельской области незаконно расстрелян 28 октября 1937 года [44].

Тарасов Изосим Матвеевич, 1898, уроженец г. Пинега Пинежского уезда, житель Молотовска, слесарь. На иждивении имел четверых детей. Арестован 19 декабря 1937 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 26 января 1938 года за «контрреволюционную агитацию» незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 11 марта 1958 года [45].

Урсол-Урсов Павел Никифорович, 1899, уроженец Украины, грузчик лесного отдела завода № 402, на иждивении имел двоих детей. Арестован 8 января 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области незаконно расстрелян 20 января 1938 года за контрреволюционную агитацию. Посмертно реабилитирован 27 июля 1989 года [46].

Ухов Михаил Матвеевич, 1911, уроженец Вологодской губернии, житель Судостроя, г. Архангельска, плотник завода № 402. Арестован 8 января 1938 года. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную деятельность» 20 января 1938 года незаконно расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован 27 июля 1989 года [47].

Фаслер Вильгельм Фомич, 50 лет, уроженец Новочеркасска, начальник металлостроя завода № 402. По постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «шпионскую деятельность в пользу немецкой разведки» 11 ноября 1938 года расстрелян. Реабилитирован посмертно 16 января 1989 года [48].

Фомин Василий Калистратович, 1881, уроженец д. Кудьма Архангельского уезда Архангельской губернии, рабочий шпалозавода завода № 402. Расстрелян по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области за «контрреволюционную агитацию» 17 января 1938 года [49].

Чистов Борис Михайлович, 1913, уроженец Нижегородской губернии, житель Судостроя, преподаватель немецкого языка в средней школе при заводе № 402. За «шпионаж в пользу Японии и антисоветскую агитацию» по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области 26 октября 1938 года незаконно расстрелян. Реабилитирован посмертно 22 июня 1968 года [50].

Примечания

1. Москва, Сталинские расстрельные списки [электронный документ]. Режим доступа: Stalin.memo.ru/
2. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД по Северной области № 31 от 14 ноября 1937 года.
3. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 144.
4. Там же. С. 168.
5. Там же. С. 210.
6. Там же. С. 215.
7. Там же. С. 226.
8. Там же. Т. 3. С. 448.

9. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 256.
10. Там же. С. 271.
11. Там же.
12. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД по Северной области № 91/16 от 26 октября 1938 года.
13. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 352.
14. Там же. С. 354.
15. Там же. С. 452.
16. Там же. С. 453.
17. Там же. С. 45.
18. Там же. С. 467.
19. Там же. С. 497.
20. Там же. С. 498.
21. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-11851.
22. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 554.
23. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД по Северной области № 53 от 5 января 1938 года.
24. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 601.
25. Там же. С. 626.
26. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД по Северной области № 57 от 11 января 1938 года.
27. Там же. Протокол № 6 от 15 сентября 1937 года.
28. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. С. 41.
29. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД по Северной области № 31 от 14 ноября 1937 года.
30. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. С. 65.
31. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД по Северной области № 48 от 2 января 1938 года.
32. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-8041.
33. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. С. 145.
34. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-6887.
35. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. С. 191.

36. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-6887.
37. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. С. 320.
38. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД Северной области № 55 от 9 января 1938 года.
39. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 2. С. 525.
40. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-11834. Л. 77.
41. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 3. С. 84.
42. Там же. С. 91.
43. Там же. С. 94.
44. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД Северной области № 28 от 23 октября 1937 года.
45. Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 2001. Т. 3. С. 145.
46. Там же. С. 227.
47. Там же. С. 231.
48. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-6887.
49. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания судебной тройки УНКВД Северной области № 53 от 5 января 1938 года.
50. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-15310.

Часть II.

«Банда во главе с Кирилкиным»

Воспоминания детей и внуков арестованных на Судострое

Начало строительства завода № 402 (Севмашпредприятие, АО «ПО "Севмаш"») и жилого поселка по времени совпало с периодом Большого террора 1937—1938 годов. В отделе документов социально-политической истории (ОДСПИ) ГААО имеются списки, которые составлялись отделом кадров строительства на работников с «компрометирующими» данными. Компроматом служило происхождение, род занятий до прибытия на стройку, семейные связи и тому подобное. Например, у прораба геодезических работ С. М. Брецинского «отец был дворянин, командир роты царской армии, офицер»; у нормировщика И. Н. Некрасова — «хозяйство до сих пор не вошло в колхоз»; десятник И. М. Шкляр «с 1929 года жил у тестя, который был лишен избирательных прав, как торговец»; сметчик Н. Д. Исаев «сочувствовал анархистам-синдикалистам»; прораб-геодезист Е. Ц. Шмиден, 1908 года рождения, «в 1912 году выехал из Польши в Минск» (в возрасте 4-х лет) и так далее [1].

В стране нагнеталась атмосфера поиска вредителей и «врагов народа», шпиономании, нетерпимости к любому

проявлению инакомыслия. Газета «Сталинец Судостроя» постоянно призывала трудящихся на борьбу с вредительством на стройке, писала о классовой бдительности, о троцкистско-бухаринских, фашистских шпионах, о диверсантах, чужаках и враждебных элементах. О нагнетаемой истерии говорят заголовки статей. Вот некоторые из них за 1937 год: «Рука классового врага» (№ 69), «До конца выкорчевать корни вредительства» (№ 71), «Уничтожить всех врагов народа» (№ 87), «Кому доверен отдел оборудования», «Сортировочная станция строится вредительски» (№ 98), «Стереть гадов с лица земли», «Приговор суда приветствую» (№ 101).

Обстановку тех лет хорошо отражают протоколы партийных собраний, заседаний партбюро, докладные записки и другие документы. В выступлениях участников собраний идет речь о низкой бдительности, большой засоренности площадки (так коротко в документах называли строительную площадку), вредительстве. Все подозревают всех.

В отчетном докладе секретаря РК ВКП(б) города Молотовска Левыкина за время с 1 июня по 1 декабря 1938 года говорится: «Враги народа приложили все силы различными путями пробраться, замаскироваться на нашем строительстве. Их действия видны из показаний ныне разоблаченной и арестованной банды во главе с Кирилкиным, он их подбирал и расставлял на руководящие командные хозяйственные посты. Копп, технический директор, Сапрыкин, Гайворонский, Левин, Павлинов, Краснов, Ларин, Триполко, до декабря месяца 1937 года во главе партийной организации сидел английский шпион Щеголихин» [2].

Большевицкая власть требовала активного соучастия в ее делах. Из отчета партийного комитета за период с мая 1937 по май 1938 года следует, что трудящиеся завода № 402 следили за ходом процесса «над антисоветской троцкистско-бухаринской бандой», изучали обвинительную речь прокурора Вышинского. В коллективе проведено 26 митингов с охватом 11 670 человек... «Рабочие и служащие на митингах...

требовали одного: расстрелять взбесившихся псов, и приговор Военной Коллегии Верховного Суда над троцкистско-бухаринской бандой трудящиеся единодушно одобрили... указывали на усиление революционной бдительности... скорейшей ликвидации последствий вредительства на строительной площадке завода № 402» [3].

Особый размах аресты на Судострое приобрели в 1938 году — в период передачи строительства от Наркомата судостроительной промышленности Наркомату внутренних дел СССР.

Примечания

1. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 47. Л. 1—29.
2. Там же. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 6. Л. 20—21.
3. Там же. Л. 17—18.

С мечтой о будущем заводе и городе...

(Об Иване Тарасовиче Кирилкине — первом начальнике строительства завода № 402)

Иван Тарасович Кирилкин родился в 1890 году в городе Шахты Ростовского округа, в шахтерской семье. Работал с 12 лет на шахтах Донбасса коногоном, кочегаром, саночником, электриком. В 1913 году вступил в ряды партии большевиков.

В годы Гражданской войны в Ельце Орловской области возглавлял уездную ЧК. После войны Кирилкин работал в Юзовке, Макеевке, Харькове, руководил коллективами машиностроительных, горных, металлургических заводов. Крупный хозяйственник, он неоднократно бывал за границей с целью изучения многолетнего опыта машиностроения в Германии, Англии, США, Франции.

На Северную Двину Кирилкин приехал после ввода в строй самого большого в СССР Новокраматорского завода тяжелого

машиностроения, начальником строительства и директором которого он был. Десять лет жизни отдал Кирилкин Новокраматорскому заводу. «Пожалуй, это была самая счастливая пора Ивана Тарасовича, да и всей нашей семьи, — вспоминала его жена. — Дети подросли, ходили в школу. Муж дни и ночи пропадал на строительстве. Но домой неизменно возвращался добрым и жизнерадостным» [1]. За сооружение Новокраматорского машиностроительного завода Кирилкин был удостоен высшей государственной награды — ордена Ленина.

По решению Совета труда и обороны, принятому 31 января 1936 года, на берегу Никольского устья Северной Двины началось возведение крупнейшего в Европе судостроительного завода № 402. Эту новостройку поручено было возглавить Ивану Тарасовичу Кирилкину.

В каждом большом деле важнее всего его начало, истоки. Первопроходцам, как известно, достается тяжелее всех. В строительстве участвовали тысячи людей, преимущественно жителей Архангельской, Вологодской областей, входивших тогда в состав Северного края. Большинство из них ранее занималось крестьянским трудом и о промышленном судостроении имело самое смутное представление. Строительство завода и города требовало технических специалистов высокого класса. Вокруг Кирилкина сложился сильный инженерно-технический корпус. Его костяк составляли специалисты, прошедшие производственную школу на Магнитке, в Краматорске. Это Леонид Харитонович Копп (технический директор Судостроя), Василий Андреевич Сапрыкин, Василий Гаврилович Мухин, Протопопов и другие.

К маю 1937 года на стройке работало уже 9750 человек. В течение этого времени был реконструирован кирпичный завод в Глинниках, введены в строй два бетонных завода, карьеры для добычи песка и глины, механические мастерские, цехи металлоконструкций, начались работы по рытью котлована для стапельно-сборочного цеха 50. Выбирались места

под котлованы других цехов. Проложено десять километров внутрипостроечных железнодорожных путей и 15 километров сланевых дорог.

К 1 декабря 1937 года жилой фонд поселка состоял из 193 деревянных домов, построено 17 котельных, 3 бани, прачечная, 4 школы, детские ясли, поликлиника, больница, 12 столовых, 3 хлебопекарни, 6 продовольственных магазинов.

Главный инженер проектной организации Борисов вспоминал, что строительство завода как в 1937-м, так и в 1938 году шло исключительно успешно, в разумной последовательности, начиная с выторфовки, намыва территории с одновременным углублением акватории, строительства дорог, осуществления свайных оснований и фундаментов под первичные объекты... Все это должно быть отнесено к личным заслугам тов. Кирилкина, который показал себя с самого начала с лучшей стороны и в подборе кадров и во всей сложной организации большой стройки... к осени 1937 года на площадке уже было 20 тонн металлоконструкций первоочередных объектов, поставленных заводами.

В апреле 1937-го в Судострое вышла в свет книга «Беломорский богатырь» [2], написанная И. Т. Кирилкиным. В ней первый начальник строительства Северодвинска изложил свои мечты о том, каким будет наш завод и город. Простым и образным языком, но совершенно точно технически, он объясняет строителям основные принципы работы будущего «Беломорского богатыря»: «Наш завод будет более совершенным, чем заграничные». И действительно, уже через 20 лет завод стал флагманом отрасли страны.

Немногим более двух лет продолжалась трудовая деятельность Кирилкина на Судострое, полная проблем, дефицита времени, под девизом «срочно» и с мечтой о будущем заводе и городе, красивом, удобном для его жителей. Но эта романтика приглушалась напоминанием о «врагах народа», среди которых оказались и друзья Кирилкина. Он очень тяжело пережил

неожиданную смерть Орджоникидзе, вероятно, чувствовал, что и над ним сгущаются тучи, особенно после ареста в 1937 году Леонида Коппа.

1937—1938 годы в стране были годами Большого террора. Нагнетался страх, шпиономания, всюду искали «врагов народа», поощрялось доноительство, каралось недоноительство. Оперативным приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00447 от 30 июля 1937 года на территории был спущен план на «врагов народа» и «шпионов». В Северном крае за 4 месяца было предписано расстрелять 750 человек, в лагеря направить — 2000. Арестам в первую очередь подвергались ранее раскулаченные, партийные, советские и хозяйственные руководители, военачальники и другие категории граждан.

Страх был настолько велик, что ни в чем не повинные люди в своих публичных выступлениях клялись в верности, каялись в отсутствии бдительности, клеймили арестованных без вины.

Так, 4—5 октября 1938 года на собрании парторганизации города Молотовска начальник строительства № 203 Кронов говорил, что «банда вредителей и шпионов — Копп Л. Х., Сапрыкин, Ларин и другие во главе с матерым врагом народа Кирилкиным делала все, чтобы задержать ход строительства, сорвать его планы. Что эта банда фашистских наймитов не брезговала ничем...».

Выступившие в прениях девятнадцать человек, отлично знавшие прежнее руководство, один за другим каялись в том, что, подавленные авторитетом Кирилкина, не сумели разоблачить «банду матерых врагов» во главе с начальником Судостроя, главным инженером Сапрыкиным и техническим директором «буржуазным проходимцем» Коппом. А заодно, под видом критики, занимались политическим донотельством на своих коллег, сводили личные счеты. Жесткая партийная дисциплина и инстинкт самосохранения коверкали души людей...

Ивана Тарасовича арестовали 8 сентября 1938 года в Москве. Ордер на арест подписал Лаврентий Берия. Жену Кирилкина уволили с работы, вновь устроиться на работу она смогла только с началом Великой Отечественной войны. Семья жила в постоянном страхе.

Через два с половиной года следствия Кирилкин был осужден Военным трибуналом Архангельского военного округа на 15 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах по статьям 58-7 и 58-11 УК РСФСР за вредительство, дезорганизацию производства и связь с иностранной разведкой.

Вспоминала дочь Кирилкина: «Когда закончилось следствие, маме разрешили приезд. Ее привели в комнату и велели ждать. Он был в костюме, при галстуке, но выглядел так, что мама его едва узнала» [3].

10 декабря 1941 года Иван Тарасович был доставлен в Вятский исправительно-трудовой лагерь для отбытия срока. Через три с половиной месяца, 25 марта 1942 года, Иван Тарасович в лагере скончался от сердечной недостаточности второй степени. Его могила не сохранилась. Приговор Военного трибунала Архангельского военного округа от 26 мая 1941 года в отношении Кирилкина Ивана Тарасовича был отменен Верховным судом СССР 25 августа 1956 года, а дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

5 октября 1982 года по решению Северодвинского горисполкома одна из новых улиц города была названа в честь первого начальника строительства Ивана Тарасовича Кирилкина.

В августе 1988 года на доме № 13 по улице Кирилкина открыта мемориальная доска с надписью «И. Т. Кирилкин. 1890—1942 гг. Один из руководителей важнейших строек первых пятилеток, организатор строительства г. Северодвинска».

Список литературы

1. Стурова В. Русский Ллойд Джордж // Северодвинск. Испытание на прочность: Очерки. Воспоминания. Исследования / Ред.-сост. А. Масленников. Северодвинск, 1998. С. 97.

2. Кирилкин И. Беломорский богатырь // Северодвинск. Испытание на прочность: Очерки. Воспоминания. Исследования / Ред.-сост. А. Масленников. Северодвинск, 1998. С. 104—172.

3. Черняева Л. Первостроители // Там же. С. 178.

4. Шмигельский Л. Светлый и трагический документ эпохи // Там же. С. 99—102.

«Выстрел в портрет Ленина»

(Из воспоминаний Сергея Александровича Боголюбова)

«Обвиняется в терроре.

*Работая директором завода № 109 в гор. Ленинграде, в конце 1941 года сделал злобный вражеский выпад, произведя **выстрел в портрет В. И. Ленина.***

В другой раз пытался произвести выстрел в портрет Главы Советского государства, находившийся в его служебном кабинете, но этот вражеский акт был предотвращен присутствовавшими лицами...» (Москва, Сталинские списки [электронный документ]. Режим доступа: Stalin.memo.ru/)

(Отрывок из документа «Сталинские списки». Так называемые сталинские списки — это перечень людей, осужденных по личной санкции Сталина и его соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к разным срокам, но в большинстве случаев к расстрелу.)

Сергей Александрович Боголюбов родился 18 сентября 1907 года в деревне Владимировке Николаевской губернии на Украине. Его отец был земским врачом, мать фельдшером.

Учился в церковно-приходской, затем в так называемой министерской и трудовой школах. По путевке комитета неимущих крестьян окончил Николаевский кораблестроительный институт в 1927 году.

В течение 11 лет после окончания учебы работал в Ленинграде на заводе «Северная судостроительная» технологом, мастером,

начальником участка турбинного цеха, ответственным сдатчиком кораблей. При подведении итогов за 1938 год Сергей Александрович был признан государственной комиссией лучшим сдатчиком-судостроителем кораблей ВМФ.

С 1939 по 1941 год Сергей Александрович — главный инженер, а затем начальник Народного комиссариата судостроительной промышленности СССР. С 1941 по сентябрь 1942 года Сергей Александрович — главный инженер, а затем директор завода имени Жданова в Ленинграде («Северная судоверфь»).

С наступлением зимы, голода и массовой смертности в Ленинграде директор Боголюбов принял ряд эффективных мер, направленных на спасение рабочих завода. Он добился введения дополнительного питания из суррогатов для всего коллектива завода.

В тяжелейших условиях блокады завод ремонтировал корабли Балтийского флота, выпускал боеприпасы, различную военную технику, и в этом была большая заслуга Боголюбова. Под руководством Боголюбова завод на вновь созданной площадке на Выборгской стороне наладил массовое производство ДОТов. Зимой 1941/42 годов было изготовлено 173 ДОТа.

В 1942 году Сергей Александрович по совместительству с основной должностью директора завода был назначен уполномоченным Военного совета Ленинградского фронта и начальником постройки металлических барж для «водной дороги жизни» на Ладожском озере. За 2,5 месяца было построено 14 барж грузоподъемностью 900 тонн каждая.

Свидетельствует сам С. А. Боголюбов: «Немедленно по окончании баржевой эпопеи я был откомандирован на Север, на завод 402. Я принял завод от Задорожного С. Н. 1 октября 1942 года... Еще во время своего представления в Архангельском обкоме партии меня предупредили о следующем принципиальном положении на заводе. Коллектива на заводе нет, понимая под этим сплоченность работающих, стремящихся к единой цели. Приехавшие из разных областей страны, с раз-

личных судостроительных предприятий рассматривали свое пребывание в Молотовске как временное. Судостроители разделяли себя на ленинградцев и николаевцев, которые в свою очередь делились на балтийцев, ждановцев, мартийцев. Завод не построил к октябрю 1942 года ни одного корабля, ни разу за все время не выполнил план...

В обкоме сказали, что никто из заводских работников не верит в возможность выполнения плана, а о судостроении говорят как об утопии, что на заводе общее депрессивное состояние, вызванное непреодолимыми, как представлялось людям, трудностями недостроенного, неблагоустроенного завода, с неотапливаемыми цехами, территория изрыта ямами, брошенными траншеями... отсутствует дневной свет в цехах...»

В период разгула сталинских репрессий начальник стройки И. Т. Кирилкин, его главный инженер В. А. Сапрыкин и ряд других руководящих работников были арестованы. Стройка перешла в систему НКВД, неконтролируемую и всесильную. Местность покрылась лагерями заключенных...

И снова рассказывает сам Боголюбов: «Система строек НКВД, в отличие от гражданских, сама себе закрывала промежуточные этапы, якобы законченные, и финансировалась Стройбанком без какого-то бы ни было подтверждения заказчиком... На этот незаконченный цех все документы шли в Госплан, а последний спускал через Судпром производственный план заводу... Так и вводились "в строй" то тут, то там "полуживые", недостроенные цехи.

Чудовищные примеры: к моему приезду в конце сентября 1942 года огромный корпусный цех, "принятый" 21 декабря 1939 года, не имел до конца войны отопления. Протекали крыши, свистел ветер, не действовала значительная часть оборудования. Огромный механический — шесть продольных пролетов и седьмой поперечный — был принят в эксплуатацию, когда работала меньшая часть одного лишь пролета малых токарных станков. Точили 76-мм снаряды для фронта. В остальных пролетах станочное оборудование просто стояло на фундаментах,

незакрепленное, нерасконсервированное. Протекали крыши. Кругом сквозняки. И в таком виде были все принятые в эксплуатацию цехи... Котельный цех еще не имел самостоятельного здания... второй механический цех стоял в металлоконструкциях. Стен еще не было. Судомонтажного и трубомедницкого цеха не существовало... Глубоководная набережная по проекту не была начата строительством, не забито ни одной сваи.

Строители НКВД, пользуясь бесправием заказчика, строили по принципу: все сразу — и ничего законченного, пригодного для эксплуатации. Каждый день и ночь требовали от всех работающих на заводе — от рядового рабочего до директора — столько физических сил, напряжения воли, выдержки, терпения, чтобы не свихнуться и не бежать без оглядки из этого проклятого Богом и людьми места. И бежали! Сотни! Но больше становилось людей, полных решимости одолеть препятствие, так как выхода нет... видно было, что каждый из них, не сознавая, совершает подвиг».

Сергею Александровичу удалось организовать работу завода так, что уже в начале 1943 года он стал изготавливать основную продукцию. Через год завод № 402 впервые получил переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны. И с 1944 года начал бесперебойно, уверенно перевыполнять ежемесячный план.

Кроме недостроенного завода Боголюбов увидел здесь второй «блокадный Ленинград». Сергей Александрович вспоминает: «Состояние людей в Молотовске было не лучше, чем в осажденном Ленинграде. Сплошная дистрофия. Даже главный инженер завода Вердников ходил с дистрофическими припухлостями на лице. Многие сотни, а может и тысячи, были поражены цингой. И без того несытная полагающаяся норма питания урезалась из-за неотоваривания фондов на продукты».

Благодаря энергичным действиям директора Боголюбова и нового начальника орс П. А. Камерского к лету 1943 года дистрофия в Молотовске была полностью ликвидирована. Бого-

любов добился в Москве через Микояна продовольственной помощи городу, наладил взаимовыгодные отношения с колхозами, заводом созданы подсобные хозяйства, а в 1948 году Боголюбов добился выплаты льгот Крайнего Севера, что способствовало закреплению кадров на заводе и позднее обеспечило приток квалифицированных специалистов.

О битве за выживание, за тепло в домах и заводских цехах Боголюбов пишет: «Однако вернемся к октябрю 1942 года, когда я принял завод от Задорожного. Жилмассив предприятия не обеспечен на зиму топливом. На отопительный сезон требуется для временных районных котельных 80 тысяч кубических метров дров, а у котельных на начало октября лишь 6 тысяч кубических метров — двухнедельный запас... Уже в начале отопительного сезона расход дров в котельных превышал заготовку и подвоз. Увидев приближающуюся катастрофу — замораживание города, я настойчиво требовал решения исполкома о мобилизации населения на заготовку дров. Со мной не согласились. Центральное отопление замерзло в конце декабря. Тысячи "буржук" делались спешно на заводе за месяц до катастрофы. После этого я никогда ни о чем не спрашивал... Титаническими были дальнейшие усилия заводских работников по восстановлению жилмассива зимой 1942—1943 гг.».

О проблемах с кадрами Боголюбов писал: «Количественный, возрастной и квалификационный состав рабочих кадров был едва ли не единственным по своему несоответствию по всей стране. Завод-гигант, к тому же невероятно недостроенный везде и во всем, располагал 6000 мальчишек и девчонок (по 50% каждого пола) в возрасте 15—18 лет с трехмесячным образованием ФЗО, которых война и трудовая мобилизация вырвала из архангельских деревень, где часто не было электричества, и бросила на наш завод. Все они имели 3-й разряд, как известно, первый снизу рабочей специальности...

Совершенно четко помню: пришел в первый механический цех. Остановился, оглядываю издали пролеты. Что за безобразия,

большинство токарных станков без рабочих. Простой! Не похоже на Винокурова Д. Я., начальника цеха. Подошел Винокуров.

— Где твои рабочие? — спрашиваю. — Не работают!

— Как не работают? Все работают.

— Да что ты говоришь! Нет же рабочих!

Винокуров смеется и говорит:

— Зайдите с обратной стороны, со стороны суппорта.

Зашел. Действительно, стоят "работяги", за станками на деревянных подставках. В то время все станочники у нас работали на высоких подставках...»

В 1942 году возникла угроза демонтажа уже построенного. Государственный комитет обороны принял постановление, подписанное Берией, о демонтаже металлоконструкций всех недостроенных цехов и вывозе их на Урал поднимать заводы, эвакуированные с мест, занятых врагом.

Боголюбов в своих воспоминаниях пишет: «Прочитав постановление ГКО, я понял, какими бедствиями на многие годы грозит заводу его выполнение. Оказалось, что часть конструкций башенного цеха уже была вывезена. Демонтажники уже принялись за "работу". Приказав охране удалить их всех с завода, отобрав пропуска, послал телеграмму Райзеру (наркому строительства заводов черной металлургии) следующего содержания: "Два года назад Вы в напряжении трудились над созданием на Севере величественного судостроительного завода, сейчас же Ваши люди разрушают его. Уверен в Ваших прежних качествах: дальновидности, государственности и глубокой порядочности. Боголюбов"...

Через несколько дней получил ответную телеграмму: "Дано указание прекратить демонтаж завода 402. Демонтажники отозваны. С приветом, Райзер". Буквально ринулся на железнодорожную станцию и приказал сгружать нужное оборудование и какую-то часть еще оставшихся заключенных».

Для подъема морального духа работающих Боголюбов заболтался и о культуре. По его инициативе из Архангельска в тяже-

лом дистрофическом состоянии были привезены артисты Ленинградского театра им. Ленинского комсомола, находившиеся там в эвакуации. Дополнительное питание и лечение обеспечили городу на два сезона великолепнейший театр. Отремонтирован заводской клуб, к клубу пристроен большой зал. В 1948 году Боголюбов добивается показа в заводском клубе фильмов первым экраном, наряду с московскими кинотеатрами.

О производственных делах на заводе Сергей Александрович пишет: «Весь период с октября 1942 года был заполнен напряженной работой за становление серьезного судостроительного производства, несмотря на отвлечение и времени, и энергии, особенно руководящих работников, на вопросы подготовки и воспитания кадров, их быта, питания, тепла, ТЭЦ и всего другого».

«Основная номенклатура завода в 1942 году состояла из следующего:

— заказы фронта: снаряды 76 мм — 10 000 штук в месяц, солдатские котелки — 12 000 штук, бомбы 100 кг... тралы...

— аварийный судоремонт, грузовые суда союзников (ни одного часа промедления), ледоколы, в том числе их вооружение;

— судостроение — обработка и клепка корпусов больших морских охотников — БМО».

Строительство больших морских охотников (БМО) проводилось в недостроенном корпусном цехе и на открытом слипе силами в основном неквалифицированных подростков, с применением разработанной на заводе по предложению Боголюбова блочной технологии. Уже 15 мая 1944 года был сдан первый БМО, а всего в 1944 году сдано 8 кораблей.

В 1943 году завод получил задание приступить к полномасштабному серийному строительству подводных лодок XV серии (проект 96). Должен был сдать четыре артиллерийских корабельных башни Б-2-ЛМ и шесть башен Б-28 и более тысячи разного вида тралов.

В послевоенные годы достраивались цеха, продолжалось строительство БМО. Сергей Александрович в своих воспоми-

нениях пишет: «За время с 1943 по 1945 годы наше предприятие сдало ВМФ более 30 боевых кораблей и отремонтировано большое количество военных судов, ледоколов и иностранных транспортов.

Окончание войны открыло возможности для постройки завода-гиганта, строительства города, привлечения и закрепления кадров, коренного улучшения снабжения, быта и культурного обслуживания населения, состоявшего на три четверти или более из работников предприятия или их семей. За четыре послевоенных года были построены тысячи квадратных метров производственной базы. Ввод в эксплуатацию таких сооружений, как закрытый цех-элинг и наливной бассейн, позволили впервые в СССР осуществить поточно-позиционную постройку крупных кораблей... Первый корабль был построен в два раза быстрее, чем строились подобные корабли раньше. За это достижение работники завода впоследствии получили Государственную премию и звание лауреатов».

Сергей Александрович Боголюбов за свою трудовую деятельность награжден орденами «Знак Почета» (1939), Трудового Красного Знамени (1944), Отечественной войны 1-й степени (1945), Красной Звезды (1942), медалями СССР, Почетной грамотой Президиума ВС РСФСР.

Поздним вечером 30 августа 1949 года при исполнении обычных служебных обязанностей Сергей Александрович был арестован. В 23 часа по телефону его пригласил в горотдел МГБ заместитель начальника областного управления КГБ, старый знакомый Боголюбова. Сам Боголюбов вспоминает об этом так:

«— Ну чего звал, горячку порол!

Прокопович протянул мне какую-то бумагу и без обиняков сказал:

— Сергей Александрович, приказано Вас арестовать. Вот ордер на арест! Распишитесь на обороте.

Я вскочил как ужаленный, с возгласом полного изумления: "Меня?" Мгновенно за моими плечами выросло два чекиста,

сидевших на диване за моей спиной, один из них громадный богатырь... Вторая пара чекистов тоже встала на "товсь"...

Мелькнула мысль спросить: "За что?!", но сейчас же потухла. Вряд ли Прокопович знал, потому что документ о моем аресте был московский, из МГБ, подпись министра Абакумова...

— Распишитесь!

Единственная мысль, которая мною владела в тот момент, не показать слабости, чтобы руки не дрожали при росписи...

Проехали на плавучую пристань — дебаркадер. Распирали голову сумбурные мысли, перескакивая с объекта на объект. Что же завтра получится: участники сегодняшнего совещания придут к девяти в эллинг, а директора нет — расстройство на заводе ударит по срокам окончания швартовых испытаний...

Пробыл я в областной тюрьме несколько суток и не сомкнул глаз. По ночам наваливалась какая-то тяжелая туча. Затем отправили меня в вагоне-заке, под решетками с другими заключенными... Через несколько часов стоянки вагона на запасном пути в Москве нас вывели под конвоем и буквально запихали в крытую машину с маленьким зарешеченным окошком. Все стояли, прижатые друг к другу. День жаркий. Дышать было нечем. Возили по Москве непонятно долго — несколько часов. Становилось многим дурно... Меня выгрузили во дворе внутренней тюрьмы на Лубянке».

Более двух лет просидел Сергей Александрович в Лефортовской тюрьме (Москва). Из них 19 месяцев — в одиночке. В те дни произошла встреча с известным своей особой жесткостью полковником Рюминым. Об этой встрече Сергей Александрович также рассказывал в своих воспоминаниях. Но до этой встречи были несуразные обвинения, провокации, угрозы и лишение сна: «Полковник Романов продолжал вызывать меня на допросы, применив периодически двухнедельное лишение сна. Делалось это просто. В камере запрещено лежать, спать и дремать, сидя на койке... Вечером опять вызов на допрос до утра...

Прошла неделя. Не спал ни минуты ни ночью, ни днем с понедельника до вечера воскресенья. Следующая неделя такая же. Промашку сделал полковник Романов. Эта, по его мнению, пытка без сна для меня была почти как с гуся вода. И вот почему: при испытании в море кораблей режим мы устанавливали жесткий — трое суток не спишь (днем — ходовые в море, по ночам — выборка дефектов в электромашинной части корабля)... Ну а на ходу корабля спать руководителю вовсе не полагается, и опять же интересно и надежно...

После двухнедельного бдения Романов с участием в голосе спрашивает:

— Сергей Александрович(!), может быть, Вам трудно, что я Вас вызываю по ночам?

Бодро отвечаю:

— Да нет, гражданин следователь, вызывайте. Я тренированный!

Тут Романов не выдержал и взорвался.

— Что я тебе — железный? — закричал и вскочил.

Я развел руками.

— Кто же из нас железный? Вы утречком после беседы со мной едете домой на машине. Дома принимаете душ или ванну, жена Вас усаживает за стол с белой скатертью, приятно покусываете, чайку попьете и в чистую постельку... А с допроса возвращаюсь в мрачную камеру и ем прокисшие щи... И в кроватку я не ложусь, а прохаживаюсь по камере по требованию надзирателя. Так кто же железный?..

Убедившись в безуспешности заставить признать себя террористом... передали дело на особое совещание... вот явился какой то "дядя" в штатском и, не представляясь и не разговаривая, сунул мне бумагу:

— Распишитесь!

Запомнились напечатанные на машинке слова: Особое совещание приговаривает к высшей мере наказания — расстрелу... Ангел смерти повернулся и ушел... Прошел месяц, перевели в другую камеру. Начали опять вызывать на допросы... Лишь

потом, в лагерях, я узнал, что была отменена смертная казнь в стране. Значит, повезло!..

Протокол, определяющий мои преступления, я отказался подписать. Видимо, к этому следственное начальство готовилось. Меня днем, не ожидая вечернего перерыва, отвели в камеру. Такого раньше никогда не было. Приблизительно через час меня вновь повели на допрос.

Ввели в обширный кабинет. Надзиратели остались в коридоре. Там, вдалеке, в глубине кабинета у письменного стола, "начальственного" типа и величины, стояли двое. Следователь Носов и ниже среднего роста полковник, как оказалось, Рюмин, начальник Носова и других.

Этот Рюмин, который через четыре года... после смерти Сталина был расстрелян как садист... А сейчас я его видел в живом виде. Находясь еще вдалеке от меня, он сразу же закричал: "Ты будешь подписывать протокол?! С тобой возятся восемь месяцев, тогда как норма три-четыре!.." Я ответил, что ни в чем не виноват и подписывать протокол не буду.

— Ложись, — заорал он и, нагнувшись, вынул из ящика стола черную дубину. Я стоял и размышлял. Ложиться самому — позорно. Тогда что? Вызовет этот полковник четырех надзирателей, и будет свалка... "Конца" два: либо ты потеряешь сознание от тренированного приема, а потом будут выгибать твой позвоночник, и ты калека на всю жизнь, или схвати зубами кому-нибудь горло, и тогда тебя обязательно шлепнут. Но тут два довода против: до глотки Рюмина мне не добраться, перехватят по дороге, а надзиратели — солдаты, они ни при чем. И второе: а как сыновья? Останутся сиротами, а главное, сыновьями врага народа! Навсегда!

Долго я раздумывал, во всяком случае, несколько минут. Рюмин терпеливо ждал и молчал... Наконец я глянул на него и сказал:

— Ладно, лягу!

И лег лицом вниз, на руки. Рюмин, как бешеный, ринулся ко мне и стал неистово бить с хеканьем, как дровосек. Чтобы

как-то снизить позор, я стал вслух считать удары: раз, два, три... двадцать пять... тридцать... Рюмин неистовствовал... тридцать пять... у него схватило сердце, и он плюхнулся в стоящее невдалеке кресло, ткнул дубину Носову и прерывающимся голосом сказал: "Бей!"

Если бы я после реабилитации встретил Носова, я пожал бы ему руку. Уже до этой команды Носов уговаривал Рюмина: "Довольно, хватит, хватит" (Носов сильно рисковал — сочувствие подследственному могло стоить ему жизни или пожизненного заключения).

Носов не осмелился перечить, взял дубину и пять раз слабо ударил меня. К этому времени Рюмин чуть отдышался. Я спокойно лежал. Затем Рюмин вырвал у Носова свое оружие и с воплем: "Кто так бьет?" вновь начал бить. И все же моя взяла! Досчитал я до пятидесяти пяти... и тут Рюмин выдохся окончательно... Крикнул: "Вставай"... По горячке я встал. Вошли надзиратели и повели куда-то, все ниже и ниже... в карцер...

Режим в карцере: девятнадцать часов на ногах, сон пять часов. Сидеть не на чем... и "нечем". Начинает пульсировать кровь в избитых местах, чувствую себя как огромный нарыв. Стоять невозможно, прислонился к стене, плечо сразу заledenело. Ходить невозможно — ноги скованы в суставах таза прилившей кровью. Потрогал избитые места — сущий камень. Хочется повиснуть на каком-нибудь канате, ноги не держат.

Когда через час-два понадобилось в туалет, идти не мог: ноги не двигаются, поэтому два надзирателя подхватили и потащили. Ноги волочились по полу, как замерзшие кочерыжки... Мое начальство, по-видимому, решило, что я сломлен, и подготовило обвинительное заключение об окончании следствия...

Процедура ведения суда следующая: секретарь Коллегии зачитывает обвинительное заключение.

— Вы согласны? — с уверенностью в голосе говорит Ченцов.

— Нет, не согласен. Никакой вины за собой не знаю. Предан Советскому строю. Он мой!

Я почувствовал, что произошло замешательство. Как же так: избивали до полусмерти, ледяной карцер, и вдруг "Нет". После короткого, вполголоса, обсуждения мнений между коллегами суд продолжался...»

Последний, третий суд над Боголюбовым состоялся в сентябре 1951 года. Приговор: 25 лет по статьям 58-8 и 58-10 заключения в особых лагерях МГБ и поражение в правах на 5 лет после отбытия наказания...

После пересыльных тюрем в Свердловске и Омске Боголюбов оказался в лагере МГБ в Новосибирске, отбывал наказание, реабилитирован в декабре 1954 года «в связи с отсутствием состава преступления». В лагере Боголюбова использовали на земляных и других тяжелых физических работах.

Как правило, в годы репрессий непростой была и судьба детей, получавших клеймо «дети врага народа». О судьбе своего старшего сына Александра Боголюбов в октябре 1953 года писал на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова: «...мой старший сын 16-летним юношей бросил школу после моего ареста, в поисках средств к существованию мыкается до сих пор с 1949 года, не получив ни среднего образования, ни специальности, так как его гонят с работы, когда становится известно, чей он сын, даже с такой, как смазчик крана, ученик токаря или слесаря... Муж сестры, Федосов В. П., выгнан с работы и не может найти работу до сих пор...»

В 1956 году С. А. Боголюбов был направлен на работу в Центральный научно-исследовательский институт технологии судостроения. Как и всегда, он был полон идей, направленных на решение проблем судостроительной отрасли. При его непосредственном участии создается в институте научная лаборатория корабельной акустики и строится самая крупная в Союзе специальная экспериментальная база в области акустического исследования. С. А. Боголюбов был научным руководителем темы по созданию боевого корабля из пластмасс и изготовлению пластмассовых гребных винтов. В 1960 году был

назначен главным инженером специального конструкторского бюро по механизации и автоматизации судостроительного производства.

Сколько надо было силы воли, чтобы после всех тяжелейших испытаний, незаслуженных и долгих, начать работать с таким же энтузиазмом, как и в былые годы. Сергей Александрович о пережитом написал воспоминания «Триумф и... пропасть», но не успел доработать до конца. 28 августа 1990 года он скончался.

Список литературы

1. Из воспоминаний Боголюбова С. А. Северодвинск: ФГУП «ПО» «Севмашпредприятие» / Сост.: В. Н. Зуев, Л. А. Подшивалов, 2007.
2. Крылова А. Дело всей жизни// На трудовой вахте. НПО «Ритм». Ленинград. 1990. 4 окт. № 36. С. 3.

Первый технический директор (О Леониде Харитоновиче Коппе)

19 ноября в 1937 году на Судострое был арестован технический директор строительства завода № 402 (в настоящее время ОАО «ПО "Севмаш"») Леонид Харитонович Копп. Из рассказа сестры Леонида Харитоновича, Сарры Харитоновны, работнику Северодвинского краеведческого музея Виктории Антоновне Прищепиной: «Мой брат родился 19 ноября 1886 года в Москве. Был старшим из четверых детей. Затем отец переехал в Гуляй-Поле... работал главным бухгалтером на заводе сельскохозяйственных машин. Леонид окончил гимназию, а затем Харьковский институт, факультет машиностроения... во второй половине 20-х годов он работал в строительной организации «Индустрой» и на объявленный конкурс представил проект крупного завода тяжелого машиностроения, который и был принят для дальнейшего проектирования и строительства в Краматорске. По окончании проектирования Л. Х. Копп был на-

значен главным инженером Крамماشстроя, ставшего его любимым детищем» [1].

В 1936 году нарком тяжелого машиностроения Орджоникидзе назначил Коппа техническим директором строительства Архангельского судостроительного завода № 402.

В 1937 году последовал арест, четыре года унижительного, с избиениями, следствия. По сфабрикованному следователями делу в 1941 году осужден на 8 лет лагерей и пять лет поражения в правах. Леонид Харитонович с августа 1941 года отбывал срок в Архангельской трудовой колонии несовершеннолетних (ТНК), работал технологом в литейном цехе спецзавода № 1.

В 1942 году Копп вместе с начальником спецзавода Виктором Семеновичем Яновым был повторно арестован. Обоих обвинили в том, что они враждебно настроены по отношению к советской власти и ВКП(б), в обоюдных беседах, а также с другими работниками завода вели антисоветскую агитацию, восхваляли условия жизни в фашистской Германии. В практической работе на заводе № 1 создавали условия для массового выпуска брака изделий для оборонной промышленности... Военный трибунал войск НКВД СССР Архангельской области 28 декабря 1942 года приговорил Л. Х. Коппа к расстрелу по статье 58, пп. 7 и 10, ч. 2. Военная коллегия Верховного суда Союза ССР своим определением от 22 февраля 1943 года заменила Коппу расстрел на 10 лет лишения свободы в ИТЛ.

С Конвейера его перевели в Ягринлаг, до ноября 1946 года он трудился в производственном отделе строительства № 203, далее в отделе главного технолога на заводе № 402.

Своими разработками он позволил заводу решить ряд больших и сложных задач. Например, спроектировал качающуюся погрузочную раму грузоподъемностью около 30 тонн, позволившую грузить на строившиеся корабли тяжеловесные механизмы. При подготовке завода к поточно-позиционному строительству эсминцев проекта 30-бис «под его личным руководством спроектирована оригинальная оснастка для сбора и сварки секций кораблей, что дает заводу большую экономию» [2].

Леонид Харитонович Копп был расконвоирован, свободно перемещался по заводу и городу, но к 20 часам обязан был являться в лагерь. Директор завода С. А. Боголюбов и парторг Н. П. Дубинин в декабре 1947 года обратились к министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову с письмом «о досрочном освобождении заключенного инженера Коппа Л. Х. и закреплении его на заводе № 402». Освобождения не последовало.

Леонид Харитонович скончался 16 июня 1950 года в лагере, в возрасте 63 лет, захоронен он на кладбище № 1 Ягринлага. Точное место погребения неизвестно, так как захоронения нарушены в процессе строительства и производственной деятельности Северодвинского лесхоза. На мемориале «Невинным жертвам Ягринлага» с помощью молодежного отдела Управления культуры администрации города Северодвинска 30 октября 2011 года Л. Х. Коппу установлена памятная плита с его портретом.

Сын Леонида Харитоновича Евгений погиб на фронте в годы войны.

Список литературы

1. Черняева Л. «Вины моей нет...» // Северодвинск. Испытание на прочность: Очерки, воспоминания, исследования / Ред.-сост. А. Масленников. Северодвинск, 1998. С. 212.
2. Шмигельский Л. Памятник Леониду Коппу // Там же. С. 216.
3. Черняева Л. Один из Ягринлага // Северный рабочий. 1989. 10 июня. С. 2.

Расстрелян в день суда

Вспоминают внучки Татьяна Николаевна
и Татьяна Кирилловна

Наш дед Арнольд Эрнестович Арнгольд родился 28 апреля 1883 года в Санкт-Петербурге. Его отец Эрнест Арнгольд был владельцем типографии на углу Литейного и Невского проспектов в Санкт-Петербурге, мать — домохозяйкой. У Арнгольдов

было семеро сыновей: Эрнест, Генрих, Ричард, Арнольд, Бруно, Вальтер, Готфрид.

Арнольд был четвертым. Он окончил коммерческое училище в Санкт-Петербурге в 1903 году, Кавалерийскую школу, экономические курсы, в 1912 году — археологический институт. Арнольд Эрнестович с 1905 года и до революции служил в царской армии в чине подполковника. Он перешел на сторону революции и служил в РККА командиром тяжелого отдельного артиллерийского дивизиона.

В 1920 году после перенесенной болезни Арнольд Эрнестович перешел на гражданскую работу. Работал директором Ярославского конного завода, затем Чесменского конного завода в Воронежской области, в Казахстане. По возвращении из Казахстана он поступил на должность директора гостиницы «Европейская» в Ленинграде, с 1931 по 1933-й был директором гостиницы «Савой» в Москве, в 1933—1935-м — начальником транспортного отдела Беломорско-Балтийского канала, затем снова директором гостиницы «Метрополь» (1934—1935) и директором гостиницы «Новомосковская» (1935—1936).

Последние девять месяцев состоял в распоряжении начальника строительства судостроительного завода в Архангельске, где и был арестован 1 июня 1937 года по обвинению в шпионаже в пользу английской разведки. Направлен спецконвоем в Москву в распоряжение ГУГБ НКВД СССР.

На допросах свою причастность к делу он отрицал, свидетельских показаний в деле нет. Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР было открыто 2 ноября 1937 года в Москве в 21:00. Дело заслушано без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, поскольку их не было. Арнольд Эрнестович виновным себя не признал. В последнем слове сказал, что никогда шпионажем не занимался. Он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества («...Приговор окончательный и на основании постановления от 01.12.1934

приводится в исполнение немедленно»). В 21:20 судебное заседание было закрыто.

Арнольд Эрнестович Арнольд был расстрелян в тот же день (в деле лежит справка о приведении приговора в исполнение в Москве 2 ноября 1937 года), кремирован и захоронен в могиле № 1 на Донском кладбище Москвы.

Первая жена его Татьяна Николаевна Арнольд (в девичестве Павловская) — наша бабушка — 1 августа 1921 года была арестована в Петрограде Петроградской Губчека по обвинению в участии в Петроградской боевой контрреволюционной организации (Боевой организации Врангеля), ей вменялось в вину предоставление квартиры для членов этой организации. По постановлению Президиума Петроградской Губчека приговорена к высшей мере наказания — расстрелу (реабилитирована в соответствии с указом Президента СССР от 13.08.1990).

У Арнольда Эрнестовича и Татьяны Николаевны было два сына: Кирилл и Николай. По запросу Николая в 1961 году дело Арнольда Эрнестовича было пересмотрено. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР приговор в отношении Арнольда А. Э. отменен, и дело прекращено за отсутствием события преступления.

«Восхвалял монархический строй»

Вспоминает Александра Николаевна Лощинина
(род. 1928)

Мой папа Николай Александрович Автомонов был малограмотный, жил со своей семьей в деревне Лаптихе Сямженского района Вологодской области. Семья состояла из восьми человек: мамы Юлии Андреевны (1892), четырех дочерей — Нины (1918), Галины (1922), Марии (1926), меня — Александры (1928), и дедушки Александра Автомоновича. Взрослые занимались

сельским хозяйством, имели дом, лошадь, две коровы, хозяйственный инвентарь, гумно, землю и кустарное кожевенное производство. Отец и дед валяли валенки.

В 1935 году семью раскулачили, но оставили жить в собственном доме на первом этаже. Второй этаж разобрали и увезли на колхозные нужды.

Первый раз папу арестовали в июле 1935 года, приговорили к двум годам лишения свободы. Свой срок он отбывал в Дмитровском ИТЛ, на строительстве канала Москва—Волга. После отбытия срока в феврале 1937 года ненадолго возвратился в деревню, а осенью уехал на Судострой, устроился плотником на Водоканал.

В июне 1938 года папа привез на Судострой свою семью: маму и нас с Марией. Старшие сестры Нина и Галя служили в няньках в Ярославле. На Судострое мы жили в комнате в доме № 18 по улице Индустриальной. В годы войны в Молотовск приехали и старшие сестры. Нину мобилизовали на фронт. Галя работала в парикмахерской, мы, младшие, учились в школе.

Повторно папу арестовали 15 августа 1938 года на работе. Соседи пришли с работы и сказали, что Николая увели. До ареста как-то он сказал маме: «Ой, Юля, я с таким хорошим человеком познакомился». Мама сказала: «Ну все!» Мама очень боялась, что рано или поздно папу снова арестуют. Я (мне было тогда 9 лет) ходила к милиции и все глядела, не повезут ли папу на машине. Каждой машине махала рукой. Увидеть папу не удалось, вряд ли и он меня видел.

Судили папу в Архангельске. На суде в качестве свидетелей присутствовали соседи, они и сообщили нам, что папе дали десять лет. О дальнейшей его судьбе кое-что удалось узнать после публикации в 2011 году в городской газете «Северный рабочий» списков реабилитированных жителей Судостроя—Молотовска.

Моя дочь Лариса Леонидовна Артюшкина познакомилась со следственным делом своего деда в архиве УФСБ России в

Архангельске. Выяснилось, что папа был осужден Судебной коллегией Архангельского областного суда 13 ноября 1938 года по статье 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР на десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях НКВД и с последующим поражением в избирательных правах на пять лет. Обвинение в приговоре изложено так: «Систематически пропагандировал пораженческие настроения против Советского строя, восхвалял врагов народа и прежний монархический строй, клеветал на карательную политику Советской власти, распространял клеветнические измышления о материальном положении трудящихся в Советском Союзе и советской печати». Клеветой, вероятно, признали его рассказы об условиях в Дмитровлаге, где заключенные без обуви, без хорошей кормежки и одежды копали канал. Восхвалением врагов народа, вероятно, посчитали слова папы о том, что, если расстреляли таких людей, как Бухарин и Рыков, что тогда говорить о простых людях. Кроме того, папа хранил и читал книги божественного содержания. Обо всем этом и донесли, как думала мама, соседи по барaku.

Писем от папы не помню, но мама что-то говорила про Пермский край и что папа просит прислать сухого киселя, так как больше ему ничего нельзя есть. Посылала ли мама кисель, я не знаю.

Моя дочь продолжила поиск информации о своем деду. Из справки информационного центра УМВД России по АО следует, что Автомонов Н. А. 26 декабря 1938 года этапом убыл в Усольлаг НКВД, город Соликамск Пермской области.

Лариса Леонидовна продолжает рассказ матери:

«Из архивной справки ГУФСИН России по Пермскому краю от 7 февраля 2012 года следует, что 29 января 1939 года Автомонов прибыл в Усольлаг, а 15 июля 1939 года убыл в Соликамбумлаг. Вероятно, дед обращался с просьбой о снижении меры наказания, так как в следственном деле есть определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 28 января 1939 года с решением оставить приговор в силе. Запросы

о судьбе деда в Государственный архив Пермского края, в ИЦ Главного управления МВД РФ по Пермскому краю, в архив ОАО "Соликамскбумпром", в архив ОАО "Сильвинит", в архивный отдел организационно-архивного управления города Соликамска, в архив ОАО "Уралкалий" города Березники и телефонные разговоры с работниками архивов ничего не прояснили. Ответ отовсюду один: "Сведениями, интересующими заявителя в отношении Автомонова Н. А., архивы не располагают".

Я училась в школе. Ни в пионеры, ни в комсомол меня не принимали. 25 октября 1943 года мне исполнилось 15 лет, после окончания первой четверти мне было поставлено условие: идти учиться в ФЗО на электрика или исключение из школы. Пошла учиться в ФЗО.

Ребята в ФЗО все доходяги, одеты в какие-то пальтишки и деревянные ботинки. Кормили плохо. Если в супе из крапивы плавал кусочек картошки, то суп считали вкусным. И картошка-то, скорее всего, мороженая была. Из ФЗО нас возили под Няндому полоть гряды с турнепсом. Турнепс постоянно продавали на рынке в нашем городе. Мальчишки проволокой утащат турнепс у торговков, начистят его, наложат в карманы — и в кино. Когда у нас не было денег на билеты в кино, ребята устраивали толкотню в дверях, а мы, девчонки, проскакивали в зрительный зал.

Всю свою трудовую жизнь, с 1945 года до выхода на пенсию в 1983 году, я работала электромонтером на Севмашпредприятии. Сестра Мария смогла поступить и окончить курсы счетоводов и техникум только потому, что написала в анкете, что якобы отец был арестован и осужден за хулиганство. Мария всю трудовую жизнь отработала бухгалтером в тресте столовых. Сестра Нина служила на фронте шофером, после демобилизации работала столяром по дереву на Севмашпредприятии. Галина уехала с мужем в Латвию, работала на звероферме. Мама нас постоянно предупреждала, чтобы мы не рассказывали о том, что отец арестован по политической статье. Так же писать в анкетах она учила и меня.

Помню, когда умер Сталин, все в цехе плакали, а мама рассказывала, что когда в кинохронике показывали Сталина, то зрители в зале вставали.

Где и когда папа скончался, выяснить так и не удалось. Реабилитирован папа 28 февраля 1992 года как необоснованно репрессированный по политическим мотивам.

*Записала В. В. Вешнякова на видео,
обработала Г. Шаверина, 2014 год, Северодвинск*

«Забрали даже детские хлебные карточки»

Вспоминает Антонина Ивановна Семенова (род. 1937)

Мой папа Иван Николаевич Агапов родился в 1906 году в селе Марфинском Вологодской губернии. В 1936 году приехал с мамой и сыном на Судострой. Жили на улице Советской, дом № 14. Этот дом строил папа. Я родилась в Судострое в 1937 году.

Папа работал на стройке, был на брони, в действующую армию не призывался. В 1944 году он был арестован и 18 апреля осужден Военным трибуналом войск НКВД СССР по статье 58, п. 10 УК РСФСР на 8 лет лагерей.

При аресте производили обыск, все вещи раскидали, искали запрещенную литературу, забрали даже детские хлебные карточки.

Содержали его во время следствия в Архангельске, по ночам привозили на допросы в Молотовск.

Донос написал рабочий из его бригады. Случилось это после того, как папа съездил в деревню и по возвращении рассказал, что колхозникам тяжело живется, на них накладывают непосильные налоги. Во время следствия все обвинения в свой адрес папа отрицал.

Срок отбывал где-то около Архангельска, мама его навещала, один раз брала меня с собой. Папа в лагере очень сильно

тосковал. Писем я не помню. Где, когда и отчего он умер, мы не знаем.

Мама до ареста папы не работала. После ареста устроилась работать кочегаром на хлебозавод. Позднее выучилась на пекаря. Жили мы голодно, собирали дикий лук, что-то добавляли в хлеб, ели тюленину и то, что получали по карточкам. Ни в школе, ни соседи по дому нас ни в чем не упрекали, относились нормально. Мой брат (1933) окончил ФЗО на слесаря, боялся, что не возьмут работать на завод. Мама всю жизнь боялась за нас, предупреждала не говорить лишнего. Я окончила техникум потребкооперации.

В городе помню лагерь на улице Железнодорожной, длинные колонны заключенных, военнопленных немцев, помню и американских матросов.

Записала Г. Шаверина, 2014 год, Северодвинск

«Через месяц умер в Ягринлаге»

Вспоминает Лилия Александровна Мякишева (род. 1941)

Я родилась в декабре 1941 года в Молотовске. Мама Клавдия Яковлевна Богданова (Сошилова) умерла сразу после родов. Папа Александр Александрович Богданов (1915) был участником Финской кампании.

Когда родители прибыли в Молотовск, не знаю, но познакомились и создали семью здесь. Сестра Берта родилась в Молотовске в 1937 году, значит, родители жили уже здесь. Тетя, сестра папы Александра Александровна, рассказывала, что папу арестовали по доносу соседки и что через месяц он умер в Ягринлаге.

Согласно свидетельству о смерти, выданному 10 июля 1958 года Северодвинским городским бюро ЗАГС, «Богданов А. А. скончался 22 января 1944 года от пеллагры в Северодвинске». Тетя предполагала, что соседка донесла о том, что

папа что-то сказал или не сдал, куда следовало, найденные им хлебные карточки. Тетя рассказала мне, что папа был очень хозяйственный, любил вышивать и вязать, но рукоделие не брал в руки при посторонних.

После смерти мамы нас с сестрой увезли на мамину родину в Вологодскую область, в село Байдарово Никольского района. У дедушки с бабушкой в семье было пятнадцать детей, и поэтому меня сдали в дом ребенка, а сестру в детский дом в Никольском. Бабушка с дедушкой меня навещали, приносили большой калач, от которого воспитательница отрезала всем по кусочку. Навещала меня и сестра, приносила то самодельную куколку, то зеркальце. Сестра окончила семь классов и педучилище. Работала учителем начальных классов в селе Замошье Вологодской области. Затем переехала в Северодвинск.

После дома ребенка я воспитывалась в детском доме где-то около села Никольск Вологодской области, там заболела туберкулезом легких (приблизительно в возрасте шести лет). Меня увезли в санаторий в село Юношеское, год лечили. Там, в санатории, в семь лет я стала учиться в школе, сразу взяли во второй класс. После санатория меня увезли в детский дом, где я закончила четыре класса. После этого перевезли в село Морозово Верховажского района Вологодской области.

После окончания семи классов на «отлично» меня направили учиться в Ленинградское педагогическое училище. Там учились дети со всей России из детских домов. Я училась в педучилище четыре года на 4 и 5. После окончания училища мне предлагали остаться в Ленинграде, но мы с подружкой Таней Пресняковой решили посмотреть Россию и уехали в Магаданскую область, Северо-Эвенский район, поселок Гарманда (в переводе на русский «Разъяренный бык», река с двойным дном на вечной мерзлоте).

Проработала там три года учителем начальных классов. Там вышла замуж за Мякишева, и поехали мы к его матери в Киргизию. На родине мужу не понравились низкие заработки, и он

уехал обратно в Магаданскую область. Я туда ехать не захотела. Тетя Шура (папина сестра) прислала мне вызов в Северодвинск. Дочке моей было около двух лет. Здесь устроилась работать в детский сад в системе ОДУ Севмаша (работала поочередно в «Красной шапочке», «Северяночке» и «Рыбке»).

Записала Г. Шаверина, октябрь 2015 года, Северодвинск

В книге выбывших с Севмаша Богданов Александр Александрович, 1914 года рождения, числится уволенным с завода 1 декабря 1943 года по причине ареста. На заводе работал слесарем с 18 июля 1940 года (Г. Ш.).

«Отрубить палец, чтобы побыть на больничном»

Вспоминают Антонина Александровна Шубина
и Анастасия Александровна Дроздова

Рассказывает Антонина: «Наша семья в составе дедушки Афанасия Алексеевича Вохмянина (1864), бабушки Марфы Афанасьевны, нашего папы Александра Афанасьевича Вохмянина, мамы Александры Всеволодовны и нас, шестерых детей, Екатерины (1915), Петра (1918), Николая (1923), Анастасии (1925), Марии (1928), Антонины (1936), жила во 2-м Кокоулинском починке Шабурского сельского Совета Опаринского района Кировской области. Семья занималась сельским хозяйством, имела собственный дом, лошадь, три коровы, четыре овцы, сельскохозяйственный инвентарь и красильню.

В 1929 году семью раскулачили, отняли абсолютно все, вещи распродавали на наших глазах, выгнали из собственного дома. Анастасия хорошо запомнила, как продавали подаренных ей старшим братом куколок.

Семья стала жить в боковой избе, в доме родителей жены старшего брата. Сестра Екатерина, вышедшая замуж за комсо-

мольца, работала в колхозе, родителей навещала тайком, в темноте. Но не все в деревне боялись общаться с раскулаченными, более смелые приходили, приносили напеченные пироги.

Наш папа в колхоз не вступил, уходил на заработки, мама позднее работала телятницей в колхозе. Старшие дети разъехались из деревни кто куда. Позднее свой дом у колхоза выкупили, кажется, за 400 рублей, перевезли на другое место, хозяйством обзаводились с нуля.

Старший брат Александр уехал со своей семьей на Судострой в 1936 году, здесь построил свой домик. В 1937 году на Судострой уехал и наш папа. На работу он устроился плотником в автопарк, начал возводить пристройку к дому своего сына, чтобы привезти нас из деревни. Мы в это время жили с бабушкой и дедушкой.

Но 14 сентября 1937 года папу арестовали, забрали все его имущество и деньги. Сноха просила оставить хотя бы деньги для детей, но безрезультатно. Тройка НКВД по Архангельской области 15 октября 1937 года приговорила его по статье 58, п. 10 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок папа отбывал в Коми ССР, в Усть-Вымлаге. О его смерти в 1942 году маме сообщил неизвестный нам товарищ отца запиской без подписи. Карандашом на обрывке бумаги написано: «Уважаемая семья. Ваш отец и сын очень долго болел. Спасти его было нельзя. Он велел всем долго жить, а о нем не плакать, не тужить. Такова судьба. Мать просил воспитывать детей. И не вспоминать его плохим. Его не стало 15 декабря 1942 года. Неизвестный друг». Мама очень горько плакала».

Рассказывает Анастасия: «Прокормить большую семью на колхозные заработки было невозможно. Еще до ареста папы дедушка, Мария и я уехали к нему и к брату в Молотовск. После ареста папы дедушка с Марией возвратились в деревню.

Я жила на Судострое у старшего брата с 1937 по 1940 год. Помню, как-то продавала собранную на болоте клюкву, устроившись на срубе колодца. Мимо вели колонну заключенных,

один из них вышел из колонны, чтобы купить клюквы. Охранник, сопровождавший колонну, высыпал всю мою клюкву в грязь. В то время часть рабочих еще жили в палатках.

Позднее, после окончания семилетки, я возвратилась в деревню, работала в колхозе, зимой на лесозаготовках. В лесном поселке жили в общих для мужчин и женщин бараках (но при коптилках ничего было не видно). Работа была тяжелая, одежда в бараках за ночь не просыхала, воздух от непросохшей одежды был тяжелый, одолевали вши. Утром на лесной делянке разводили первым делом костер, раздевались и били вшей. Если не выполняли дневную норму, вечером шли грузить лес на тракторные сани. Сколько раз я клала свой палец на пень, чтобы отрубить и хотя бы один денек побыть на больничном листке. Не решилась.

В возрасте семнадцати лет меня поставили бригадиром, дадут двоих-троих подростков без опыта работы, вот и выполняй с ними норму, у них и пила-то косо идет. Еще меня посылали сопровождать плоты до Кирова. Ужас, ужас! Марию в школе не учили, работала в колхозе, зимой на лесозаготовках, иногда на лесозаготовках заменяла меня.

В 1947 году мы поочередно перебравшись в Молотовск, в 1949 году мама продала все в деревне и тоже приехала вместе с Николаем в Молотовск. Образования при такой жизни никто не получил. Здесь, в Молотовске, от всех скрывали и факт раскулачивания, и арест отца. Что писали при устройстве на работу в анкетах — не помню.

Брат устроил меня на работу вахтером в автопарк, позднее я работала вулканизатором. В автопарке работали пленные немцы, нам запрещали с ними общаться.

Заключенных Ягринлага возили на работу со второго участка эшелонами, вооруженные охранники стояли на подножках. На территории второго участка перевозили на машинах, а из отделений на Железнодорожной улице водили пешком. Заключенные строили железнодорожные пути, жилье в 16-м кварта-

ле, кажется, все строили от улицы Железнодорожной до проспекта Ленина».

Воспоминания записаны на видео В. В. Вешняковой, обработаны Г. Шавериной, 2009—2015 годы, Северодвинск

Переселили в бывший туалет

Вспоминает Нина Николаевна Шилова (род. 1938)

Мой папа Николай Иванович Кушников (1903) был из семьи крестьян, проживавшей в деревне Воймозеро Онежского района. Семья имела свое хозяйство. Дед до революции уходил на заработки в Петербург, скончался от болезни в 1916 или 1917 году. Бабушка осталась с пятью детьми. Жили очень трудно. Папа был вынужден с четырнадцати-пятнадцати лет идти, наряду с взрослыми мужчинами, на лесозаготовки в Кемь. С 1925 по 1930 год служил в Красной армии командиром отделения и помощником командира взвода на Соловецких островах. С 1928 года член ВКП(б). После демобилизации принимал участие в создании колхозов в Онежском районе, но разочаровался и навсегда уехал из деревни.

Папа, имея всего лишь пять классов образования, очень хотел учиться. Но его постоянно переводили на новые места работы: инструктор организационного отдела Крайкома РКП, председатель Грязовецкого КК РКП, инструктор Севторготдела бывшего крайкома ВКП(б), исполняющий обязанности председателя областного потребительского союза. С 20 марта 1937 года работал в качестве заместителя директора городского торгового завода № 402. Семья оставалась в Архангельске. В начале 30-х годов женился на маме Марии Яковлевне Мининой, учительнице начальных классов. Первый сын в семье в 1935-м скончался от дифтерии в трехлетнем возрасте. Папа перевез из деревни в Архангельск мать с сестрами и даже односельчан. Все проживали в общей квартире.

6 сентября 1938 года папу арестовали на пристани в Молотовске, когда он принимал баржу с арбузами. На следствии предъявляли обвинения по статье 58, пп. 7, 10, ч. 1 и 11 УК РСФСР, статье 109. Обвиняли в принадлежности к правотроцкистской группировке вместе с сотрудниками торговых организаций области. Мама была на большом сроке беременности. С передачами к отцу ходила его старшая сестра Парасковья Ивановна. Но передачи около полугода не принимали, родные теряли надежду на возвращение отца.

Нашу семью выселили из трехкомнатной квартиры из дома на углу набережной Северной Двины и Логинова в барак на мхах, в бывшее туалетное помещение, ввиду отсутствия свободной комнаты. Соседи по бараку помогли обустроиться, принесли печку-буржуйку. Бабушка уехала в деревню к сыну, сестры перешли жить в общежитие. Первый месяц своей жизни я прожила в бывшем туалете.

В феврале 1939 года мама со мной перебралась в город Молотовск. Жили в школе на улице Осоавиахимовской (ныне Ломоносова).

Папу после незаконного содержания под стражей 1 июля 1939 года освободили. По рассказам мамы, он возвратился без коренных зубов, без волос, истощенный. Работать направили завхозом в военный госпиталь, располагавшийся на улице Северной (ныне улица Торцева), в нынешнюю школу № 8.

При бомбежке Молотовска в нашей квартире по Беломорскому, дом 21, вылетели все оконные стекла. После этого папа отправил нас в деревню. Нас у родителей было уже двое. По рассказам мамы, у папы была бронь, от которой он отказался и ушел на фронт. Воевал на Ленинградском, Прибалтийском фронтах. Награжден двумя орденами Красной Звезды и боевыми медалями. Войну закончил в Эстонии, на острове Сааремаа. Возвратился в канун 1946 года, на один день не застал в живых свою маму.

После демобилизации возвратился в Молотовск, много лет работал директором Беломорторга и заведующим городским

торговым отделом. Избирался депутатом горсовета, членом горкома партии. Все последующие года папа тяжело болел, так как здоровье было подорвано во время следствия ночными допросами и незаконными методами следствия. Знакомясь со следственным делом в архиве РУФСБ России по Архангельской области, я не узнала его подписей под протоколами допросов. Папа перенес несколько инфарктов, ампутацию ноги, по инвалидности вышел на пенсию. Скончался в 1978 году, на 75-м году жизни.

Я окончила Архангельский педагогический институт, работала в Северодвинске учителем биологии и географии.

Записала Г. Шаверина, 2015 год, Северодвинск

**«Если не буду писать —
живым из кабинета не выйду»**
Вспоминает Дина Ильинична Тюлина (род. 1929)

Мой папа Илья Тихонович Миронов родился в 1892 году в городе Ревде Екатеринбургской губернии в семье кустика. По специальности был токарем. С мамой Александрой Васильев-ной (1898) поженились в 1914 году. В семье родилось пятеро детей: Антонина в 1915, Екатерина в 1920, Любовь в 1925, Владимир в 1927 году и я, Дина, в 1929 году. Папа был с беспокойным характером, любил ездить на новые стройки, повсюду возил и свою семью. Так они с мамой побывали в Омске, Новосибирске (там в 1929 году я родилась), в Ткварчели.

В 1937 году папа, вероятно, писал письмо на Судострой, так как сохранился ответ, в котором ему предлагают должность токаря и излагают условия: «1. Оплата труда сдельная с неограниченным процентом приработка. 2. Обеспечим общежитием Вас, а летом предоставим комнату. 3. Подъемные оплатим по 82 ст. КЗОТ (письмо от 21 февраля 1937 года)...». Подъемные

в сумме 2665 рублей 60 копеек папе так и не выплатили. Сохранился авансовый отчет, составленный им 13 августа 1937 года, и доверенность на маму для получения подъемных от 25 января 1940 года, написанная в лагере. Маме денег не выдали.

На Судострое папа работал токарем-фрезеровщиком по металлу. Мама не работала. Вначале нам дали одну комнату на две семьи, потом вторую семью отселили.

С 1 июня 1938 года папа должен был идти в отпуск, но поздним вечером 29 мая его арестовали. Произвели обыск, изъяли все документы, вплоть до наших свидетельств о рождении. Утром милиционер выселил нас из комнаты, на комнату навесил замок и опечатал дверь. Мы в течение недели сидели на чемоданах в коридоре. Зять Василий вечерами срывал печать и замок и впускал в комнату ночевать. Утром приходили милиционеры и вновь запирали и опечатывали комнату. Через неделю от нас отступились, мы стали жить в этой комнате.

Мама пошла устраиваться на работу, но ее нигде не брали, как жену «врага народа». Сжалилась над мамой Дарья Михайловна Левина, работавшая в светолечебнице на улице Беломорской. Она вошла в положение, вероятно, потому, что у нее был арестован муж. Дарья Михайловна предложила маме работу гардеробщицы без оформления, сказала: «Подождем, пока все уляжется, тогда оформлю». Деньги за работу платила без ведомости. Мама работала гардеробщицей до 1943 года, пока не вернулся из лагеря папа.

Папа в июле 1938 года, еще до суда, из тюрьмы УГБ в городе Архангельске писал письмо председателю Архангельского облсуда, в котором просил вызвать хорошо знавших его рабочих на суд, чтобы они рассказали о его добросовестной работе, о том, что он никогда не высказывался против советской власти. Кроме того, он заикался и боялся, что не сможет сам на суде доказать свою невиновность.

Военный трибунал пограничных и внутренних войск ЛО по Архангельской области осудил папу 17 декабря 1938 года по

статье 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в политических правах на 5 лет. Обвинен папа был в том, что «будучи антисоветски настроенным элементом, работая на строительстве 402 завода, начиная с ноября месяца 1937 года по май месяц 1938 года, систематически вел среди отдельных рабочих контрреволюционную агитацию, направленную на подрыв и дискредитацию органов Советской власти. Для этой цели Миронов в конце 1937 года создал на заводе контрреволюционную группировку из отдельных антисоветски настроенных лиц. Эта антисоветски настроенная группа, в состав которой входили... (в протоколе названы четыре фамилии) в контрреволюционных целях рассказывали антисоветские анекдоты, оскорбительно отзывались о руководителях партии и правительства. Сочувственно отзывались о врагах народа Троцком, Бухарине и других изменниках родины, осужденных Советским судом и уничтоженных, клеветнически отзывались о Сталинской Конституции и о демократических формах выборов в органы Советской власти. Восхвалял фашизм и его захватническую политику...».

В апреле 1939 года, после суда, находясь еще в Архангельской городской тюрьме, папа написал письмо Верховному прокурору Союза ССР. В своем письме он описывал методы следствия. Следователь «при закрытом кабинете набросился на меня с кулаками и пинками, бранью и матерщиной и поставил на ноги, и так я стоял две ночи. Следователь, угрожая расстрелом, требовал с меня, чтобы я сам написал какую-то мою контрреволюционную деятельность с начала революции. Кричал и обзывал меня всякими похабными словами, которые невозможно описать, и также требовал людей несколько человек, чтобы я написал, что у нас на заводе была троцкистская организация, и если я не буду писать, то живым из кабинета не выйду и буду убит, и также семья моя будет арестована... и я, видя, что не выдержу этих пыток и видя в камере сидевших со мною вместе товарищей, которых держали в кабинете

без выхода по 14 и более суток, и так как я физически слаб, и во-вторых имею порок от роду заикание от испуга, я спросил, что писать, и под диктовку стал писать, что нужно было, и никакие мои доказательства, что это неверно, не помогли. Писал все, что он требовал...».

Под влиянием этого письма или по каким-то другим обстоятельствам, но 1—2 августа 1939 года в Молотовске состоялась выездная сессия Архангельского областного суда, которая сократила папе срок заключения в ИТЛ с десяти до пяти лет и срок поражения в правах с пяти до двух лет.

Папа находился в заключении в Талажской колонии Ягринлага. Писал письма, мама его навещала. Освободился 16 февраля 1943 года.

Возвратился папа очень похудевший и больной. Устроился на работу токарем на спецзавод № 3 (будущий завод «Севдор-маш»), подрабатывал в свободное время в столовой. Туда же, на спецзавод, устроил на работу и нас с сестрой Любой: меня (в неполных четырнадцать лет) учеником токаря, Любу секретарем.

Устроившись на работу, мы стали получать рабочие карточки. Работали тогда все по двенадцать часов в день в две смены. Я стояла у станка на подставке, нарезала резьбу на стаканчиках для мин. Сшила себе из обтирочной ткани куклу и привязывала ее к станку перед началом работы. Потом меня перевели на работу бракером. Рабочий день у бракеров длился всего восемь часов, стало легче. После окончания войны разрешили уходить с завода тем, кому не исполнилось шестнадцати лет. Я ушла работать на швейную фабрику и трудилась там сорок лет.

До возвращения папы из лагеря наша семья голодала. Папа писал маме из лагеря, чтобы она меняла вещи на продукты, ничего не жалела, но сохранила себя и детей. Мама брала меня с собой, когда ездила по деревням менять вещи, в основном на картошку. Она говорила, что с малым ребенком пожалеют и больше дадут. Мы ездили с ней на дежурке до Исакогорки, а там шли по деревням. Школу я посещала 1—2 раза в месяц,

поэтому никакого образования не получила. Я с детства очень любила шить, и мама говорила мне, что у меня ремесло в руках, а старшие пусть учатся.

Папа после освобождения из лагеря прожил всего три года. В 1944 году получил вторую группу инвалидности вследствие резкого понижения мышечного тонуса и ослабления физической силы. В ноябре 1944 года он писал заявление начальнику милиции с просьбой выдать пропуск для проезда в Абхазию, там он жил и работал 7 лет до переезда на Судострой и оттуда получил телеграмму с согласием принять его на лечение. Получил ли папа разрешение на выезд, я не знаю. Скончался он в Молотовске в 1946 году. Реабилитирован 20 марта 1992 года.

Записала Г. Шаверина, 2012 год, Северодвинск

«Убеждал веровать в Бога»

Вспоминает Ольга Григорьевна Ляпунова

У моего деда Павла Петровича Попова было четверо детей. Работал он сторожем на шпалозаводе, принадлежащем строительству № 402. Мы, внуки, в детстве взбирались к деду на вышку.

Из биографического справочника «За веру Христову» (Архангельск, 2006) следует, что Павел Петрович Попов был церковным старостой в сельской церкви. «Убеждал веровать в Бога. Занимался сбором средств на содержание храма». 16 декабря 1937 года Павел Петрович был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации». 5 января 1938 года по постановлению тройки УНКВД заключен в ИТЛ на 10 лет.

Тогда, в 1937 году, вместе с дедом была арестована группа сотрудников шпалозавода. Свой срок дед отбывал в лагере на Пуксоозере. Писал письма. Однажды попросил у семьи валенки, фуфайку и телогрейку. Его дочь отвезла ему вещи, но семья

боялась, что вещи у него там отнимут. Дедушка в лагере ослеп. Места его захоронения мы, внуки и правнуки, не знаем.

Записала Г. Шаверина, 2012 год, д. Солза

Павел Петрович скончался в лагере 4 января 1941 (справка ИЦ УМВД РФ по АО № 18/1474 от 19 февраля 2015 года).

Всю жизнь под колпаком

Вспоминает Галина Изосимовна Тюрина (род. 1932)

Мой папа Изосим Тарасов, 1898 года рождения, уроженец Пинежского уезда Архангельской губернии, уехал на заработки в поселок Судострой. Там был арестован. Семья в 1958 году получила известие о том, что папа скончался в лагере в 1944 году от двусторонней пневмонии. В 2009 году из «Поморского Мемориала» мне стали известны истинные причина и дата его смерти: папу арестовали 19 декабря 1937 года, тройка НКВД по АО приговорила 26 января 1938 года к расстрелу за «контрреволюционную агитацию».

Семья наша, мама Анна Федоровна, старший брат Юрий (1928), сестра Римма (1930), я, Галина (1932), сестра Люба (1937) и наша бабушка Пелагея, проживала в деревне Вонге Пинежского района. Мама работала в колхозе, на заработанные трудодни ничего в колхозе не получала. Каждую зиму маму отправляли на заготовку леса.

Мы оставались с бабушкой, было голодно и холодно. Летом кроме грибов и ягод заготавливали мох, который добавляли в хлеб (целое болото сносили домой). Мне рассказали позднее, что я в раннем детстве была истощена до такой степени, что самостоятельно не могла повернуться или поменять положение своих рук и ног.

Мы, дети, были вынуждены бросить школу, которая располагалась в 5 километрах от дома, за двумя реками. Римму в возрас-

те четырнадцать лет по разнарядке направили учиться в школу ФЗО в Молотовск. Я была вынуждена работать в колхозе. Очень хотела учиться. Поступила в вечернюю школу, но директору школы приказали меня отчислить. Директор предложил мне посещать занятия в школе без занесения в списки учащихся, но тяжелая работа в колхозе, нужда и отдаленность школы не позволили мне воспользоваться этим предложением.

С шестнадцати лет я, колхозница, подлежала направлению на лесозаготовки. Мама, хорошо знавшая условия на лесозаготовках, предложила мне из колхоза убежать. Сообщение с Архангельском было только самолетом. Билет на самолет мне не продали, и я отправилась зимой за 300 километров пешком. Сестра Римма устроила меня на работу в Молотовске, но по сигналу из нашего района меня лишили прописки. То же самое произошло в Архангельске. Тогда я завербовалась на полгода в Ненецкий национальный округ на обработку рыбы. Через полгода приехала в Молотовск, устроилась на работу маляром-штукатуром в бригаду сестры Риммы, проработала до пенсии. Замужем. Имею двоих сыновей и внуков.

Моя старшая сестра Римма Изосимовна, в замужестве Бородкина, окончила ФЗО в Молотовске, получила специальность маляра-штукатура и более тридцати лет работала на строительстве города и завода. Стала бригадиром. За свою работу и умелую организацию труда бригады получила звания «Мастер — золотые руки», «Заслуженный строитель РСФСР», награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Брат Юрий работал на Севмашпредприятии сварщиком. Младшая сестра Люба окончила семь классов, работала в колхозе. Утонула девятнадцати лет при сопровождении колхозного стада в Архангельск. Скот сдавался государству по налогу и доставлялся в Архангельск до Северной Двины своим ходом, по Двине водным транспортом. Обстоятельства ее гибели остались неизвестными.

Все мы всю свою трудовую жизнь чувствовали давление, где могли, скрывали, что мы дети «врага народа», было постоянное ощущение, что живем под колпаком.

Места захоронения папы не знаем.

Записала Г. Шаверина, 2009 год, Северодвинск

«За связь с иностранными моряками»

В 1947—1948 годах Управлением МГБ по Архангельской области были арестованы и осуждены на разные сроки исправительно-трудовых работ в лагерях девушки, посещавшие в годы войны клубы для иностранных моряков. Комитеты комсомола учебных заведений сами выдавали приглашения. Выписывались такие приглашения студенткам и в Молотовском судостроительном техникуме. В архиве РУФСБ РФ по АО хранится следственное дело Екатерины Васильевны Тышовой, осужденной в 1948 году на 10 лет «за шпионаж».

Екатерина Васильевна Тышова родилась в крестьянской семье 7 декабря 1921 года в деревне Подборье Холмогорского уезда Архангельской губернии. Отец умер в 1924 году. До 15 лет Екатерина жила в деревне, уже работала с матерью в колхозе. В 15 лет уехала в Архангельск водиться с детьми у старших сестер, училась в вечерней школе. В 1939 году переехала в Молотовск, поступила рабочей на строительство № 203. Позднее перешла работать на завод № 402 в качестве копировщицы, затем чертежницы и, наконец, младшего конструктора. Одновременно Екатерина училась на вечернем отделении Молотовского судостроительного техникума, который окончила в 1944 году. По направлению, в течение восьми месяцев, работала на заводе № 344 в городе Молотове (ныне Пермь). В январе 1947 года по личной просьбе Екатерина Васильевна была переведена на завод № 402 в

Молотовск, на котором работала конструктором. Семейой обзавестись не успела.

Екатерину Васильевну арестовали 23 января 1948 года по подозрению в шпионаже. При обыске наложен арест на имущество: железную кровать, пружинный матрац, чайник, сахарницу, шляпу, пальто и так далее — всего на 30 предметов личного имущества.

Девушку обвинили в преступной связи с иностранными моряками, прибывавшими в Молотовский порт на торговых пароходах в годы войны (Екатерина тогда училась в техникуме). Якобы она по заданию американского разведчика собирала и сообщала сведения о судостроительном заводе № 402, в частности, о строительстве новых и ремонте старых военных кораблей, о расположении и количестве доков и количестве работающих на заводе рабочих, о состоянии рабочей силы и продолжительности рабочего дня. Имела задание о выемке с завода секретных чертежей по постройке военных кораблей нового типа.

Во время следствия в управлении МГБ по Архангельской области к Екатерине Васильевне применялся «конвейер», когда арестованных вызывали на допросы по ночам, на день отпускали в камеру, но там днем запрещали спать. Изнуренные ночными допросами, арестованные зачастую подписывали любые вымышленные обвинения.

Екатерина Васильевна Тышова была осуждена Особым совещанием при Министерстве государственной безопасности Союза СССР 12 июня 1948 года по статье 58, п. 1 «а» УК РСФСР за измену Родине, приговорена к исправительно-трудовым работам в лагере сроком на 10 лет.

В январе 1955 года Екатерина Васильевна обратилась с заявлением к Генеральному прокурору СССР, в котором просила пересмотреть ее дело и снизить срок наказания. Находилась она в то время в Мордовской АССР, на станция Потьма, Явас, п/я ЛК-385/14. В заключении провела уже семь лет, работала

мастером на швейной фабрике. В своем заявлении она рассказала, что в 1943—1944 годах посещала интерклуб по приглашительным билетам, разговаривать с моряками приходилось для практики английского языка, так как он был в программе техникума, что засекреченной никогда не была, доступа к секретным чертежам не имела, тема дипломной работы тоже не была секретной.

20 августа 1955 года Тышова написала повторное заявление, так как не получила ответа на предыдущее. С просьбой о помиловании в адрес Верховного Совета СССР 2 февраля 1955 года обратилась и сестра Екатерины, Павла Васильевна. Комиссия Президиума Верховного Суда СССР по расследованию дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления в Дубровском ИТЛ МВД РСФСР, 15 мая 1956 года постановила: «...*признать обвинение обоснованным, но учитывая что дальнейшее содержание в местах заключения не вызывается необходимостью, Тышову из-под стражи освободить*». Возвратившись из заключения и получив свои документы, Екатерина Васильевна не смогла устроиться на работу по специальности ни в Молотовске, ни в Архангельске. Она работала подсобной рабочей на ремонтно-механическом заводе в Молотовске.

Из дела также видно, что у следствия не было никаких данных о шпионской деятельности девушек, кроме того, что они встречались с иностранными моряками. Дела создавались искусственно, и следствие по ним велось необъективно. Из ответов допрашиваемых сотрудников МГБ—МВД об их работе в 40-е годы следует, что им было дано указание об аресте девушек, которые в годы войны встречались с иностранными моряками в Архангельске и Молотовске. Что никаких данных о шпионской деятельности девушек у органов не было, за исключением того, что они посещали интерклубы и встречались с моряками. Конечно, никакими секретными сведениями девушки не располагали. По указанию начальника УМГБ Архангельской

области во время следствия применялся «конвейер», практиковались допросы без ведения протокола и корректировались протоколы допросов.

В сентябре 1956 года Тышова обратилась в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС с просьбой о реабилитации. Военный трибунал Северного военного округа 15 ноября 1956 года отменил постановление Особого совещания МГБ СССР от 12 июня 1948 года, дело на Тышову Е. В. прекратил за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Архив РУФСБ России по АО. Арх. Д. № П-18677.

«В 1948 году срок увеличили до 25 лет» Вспоминает Оксана Вячеславовна Шостенко

Мой папа Вячеслав Иванович Шостенко родился в 1922 году в поселке Зеленый Гай Харьковской губернии. Он украинец. Его отец, мой дедушка, работал техническим редактором газеты в Харьковском театре русской драмы, в 1937 году был арестован и осужден, скончался в Красноярском крае в заключении. Реабилитирован. Арестовывали и бабушку. Наш прадед был генералом царской армии, прабабушка дворянского происхождения.

Папа после ареста родителей жил у своей тети, окончил 10 классов и три курса Харьковского театрального института. В 1941 году при оккупации немецкими войсками города Харькова не смог эвакуироваться вместе с институтом, так как заболел крупозным воспалением легких. С оккупированной территории при отступлении немцев был увезен в Германию. После освобождения в 1945 году в фильтрационном лагере для репатриированных из Германии советских граждан играл в театральной группе лагеря, за что имеет благодарность от заместителя коменданта лагеря по политической части с поже-

ланием «радостной, плодотворной жизни на Родине». В марте 1946 года прибыл в Архангельск в составе ансамбля 2-й ударной армии. В том же году устроился на работу в качестве актера в Молотовский драматический театр.

Папу арестовали 25 апреля 1947 года. Военным трибуналом Архангельского военного округа 9 июля 1947 года он был осужден по статье 54, п. 1 «а» УК УССР и статье 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы и поражению прав на 5 лет. Его первая жена, узнав об аресте, развелась с папой заочно. Срок папа отбывал в Ягринском ИТЛ. По протесту Генерального прокурора СССР Военная коллегия Верховного суда СССР 12 июня 1948 года первый приговор опротестовала за его мягкость. Повторно Военный трибунал Архангельского военного округа 29 июля 1948 года приговорил папу к 25 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. Он избежал расстрела благодаря отмене высшей меры наказания в то время. В 1956 году срок был сокращен до 10 лет. В 1956 году папа был освобожден из лагеря.

Папа рассказывал, что очень тяжело перенес несправедливый арест, приговоры и развод с первой женой. В лагере даже появлялись мысли о том, чтобы покончить с собой. Спасала от плохого настроения театральная среда. Папа и в лагере писал пьесы, ставил спектакли. Но основной его работой была работа фрезеровщика, работал он настолько качественно, что его продукцию даже не проверяли. После освобождения из лагеря было желание остаться фрезеровщиком, но решил возвратиться в театр.

Вспоминал папа и об издевательствах лагерного персонала над заключенными, например, голыми выводили из бани зимой, долго держали на морозе, заключенные прижимались друг к другу спинами, чтобы хоть немного согреться. Рассказывал, что наиболее жестокими были женщины-охранницы. В лагере плохо кормили. Однажды, чтобы не попасть на этап и не расставаться с товарищами, с их помощью спрятался за бушлатами. После этого был помещен в карцер. Кормили в карцере соленой селедкой и не давали воды.

В лагере писал для товарищей заявления и жалобы. Были случаи освобождения тех, кому папа помогал. Все годы нахождения в лагере его постоянно поддерживала бабушка, за что папа был ей благодарен всю жизнь.

После освобождения из лагеря он уезжал в Сталинскую область, но возвратился в Молотовский драматический театр, в котором проработал с 1956 по 1962 год. В 1956-м повторно женился. В 1962 году, в связи с тем что мама поступила учиться в Архангельский медицинский институт, перевелся в Архангельский областной драматический театр. Администрация театра несколько раз представляла папу на звание заслуженного и даже народного артиста, но из-за судимости по политической статье в присвоении звания отказывали. В театре был ведущим актером. Честного и порядочного человека, его очень любили в коллективе театра. Когда его провожали на пенсию, то сказали, что уходит «последний из могикан».

Хорошо помню генеральную репетицию спектакля «Дети Арбата», в котором папа играл роль Сталина. Перед этим на «Мосфильме» для этой роли и роли Черчилля изготовили парики. Очень неоднозначной была реакция принимавших спектакль при появлении «Сталина» на сцене в свете прожектора: кто-то встал, кто-то вжался в кресло, у некоторых была истерика, некоторые аплодировали. После такой реакции несколько спектаклей играл почти без грима, потом гримировался, но не так тщательно. Предлагали ему сниматься в кино, он даже прошел пробы на роль Котовского, но отказался сниматься, так как не любил покидать семью даже на короткое время. Я тоже хотела стать актрисой, но папа убедил меня получить музыкальное образование.

Папа скончался 24 сентября 1998 года.

Записала Г. Шаверина, март 2015 года, Архангельск

Часть III.

«Мама тоже исчезла на пять лет»

Воспоминания детей и внуков

«врагов народа»

Юридическое понятие «политические репрессии» впервые дано в статье Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года: «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишение гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признанных социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществляющиеся по решению судов и других органов, наделяющихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами».

Меры принуждения — «в виде лишения жизни или свободы» — стали повсеместно применяться большевиками с первых дней захвата власти в стране. 5 сентября 1918 года издан декрет «О красном терроре», в котором говорилось о жизненной необходимости террора в условиях пролетарской диктатуры. В первом советском Уголовном кодексе 1922 года появилась знаменитая 58-я статья. Массовые репрессии в стране не прекращались вплоть до смерти Сталина. В 30-х годах появились такие внесудебные образования, как Особое совещание при НКВД СССР и «тройки» при областных отделах НКВД, получившие право ссылать, высылать, заключать в исправительно-трудовые лагеря и приговаривать к расстрелу. Репрессиям подвергались абсолютно все слои населения.

Особый размах репрессии получили в 1937—1938 годах, после выхода оперативных приказов народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» и № 00486 от 15 августа 1937 года «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины». За два года по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, из них расстреляно 681 692 [1]. По состоянию на 4 августа 1938 года у репрессированных родителей было изъято 17 355 детей и намечалось к изъятию еще 5 000 [2].

При допросах арестованных и фабрикация дел применялись физические меры воздействия: пытки, избиения, лишение сна, применение «конвейера» (следователи менялись для отдыха), многочасовые «стойки» (подследственному не разрешали садиться), шантаж, расправы с родными и близкими. В таких условиях многие арестованные давали любые показания под диктовку следователя.

Список литературы

1. Иванова Г. М. История ГУЛАГа: 1918—1958. М.: РОССПЭН, 2006. С. 113.
2. Яковлев А. Н. Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 131.

Отпустили домой умирать

Вспоминает Ольга Ивановна Антуфьева

(1935—2014)

Мой папа Иван Антонович Амосов родился в 1905 году в городе Архангельске, в семье потомственных корабелостроителей, почетных граждан города Архангельска. По образованию химик. Моя мама Мария Васильевна Прялухина, 1906 года рождения, тоже химик. Дети: Елена (1931), Александр (1937) и я, Ольга, 1935 года рождения.

В 1941 году папа работал начальником ОТК на Архбумкомбинате. Семья проживала в Архангельске на улице Урицкого, в квартире бабушки по маме, мы занимали комнату площадью 8 квадратных метров.

Папа получил квартиру на Архбумкомбинате и должен был приехать за нами. Мы ждали его на пристани. Но вместо папы к нам подошел человек в кожанке и предложил семье возвращаться на прежнее место жительства, так как папа арестован. Это произошло 21 августа 1941 года.

Следствие проводилось в городе Архангельске. Мы все часами ходили под окнами тюрьмы и ждали, не выглянет ли папа. Я кричала звонким голосом, звала папу. Мы с папой очень дружили, вместе с ним разучивали романсы. Он учил меня ни перед кем не пресмыкаться, хорошо учиться, помнить, что любые трудности носят временный характер и рано или поздно минуют. Под окнами тюрьмы бродили и родственники других арестованных. Увидеть папу тогда не удалось. Сведений о родных не давали.

Папа был осужден Военным трибуналом войск НКВД СССР по Архангельской области по статье 58-10 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Отбывал срок где-то около Солонихи. Работал на общих работах, на лезаготовках. Однажды зимой по пути на работу потерял сознание и упал. Охранник пнул его ногой и сказал, что заберут на

обратном пути. Лежащего на дороге папу нашел крестьянин, проезжавший по дороге на лошади. Папа попросил кружку молока. Крестьянин отвез его к себе домой, накормил, предлагал спрятаться. Но папа отказался и попросил отвезти его на место падения к возвращению колонны, что и было сделано. Как раз в эти дни пришло указание Берии, чтобы умирающих распускали по домам. До дому добрался зимой 1943 года.

Пока папа был в лагере, я постоянно очень горячо молилась, чтобы он возвратился домой. Однажды я шла из школы и увидела, что во дворе сестра Лена пилит дрова с каким-то странным стариком, с большим кадыком. Дома бабушка сказала, что возвратился папа. Я опять посмотрела на него в окно и закричала на бабушку: зачем меня обманывает, это не папа. (Я запомнила его молодым и красивым.) Бабушка просила меня не кричать так громко. Папа не успел отпилить одну чурку, упал без сознания. С помощью соседей затащили его в дом, позвонили Ксении Петровне Гемп, она пришла с лекарствами.

После выздоровления папе не разрешили жить в Архангельске, через несколько месяцев сослали на станцию Вандыш. Там он работал в химической лаборатории, продолжал заниматься наукой. Ему предложили выступить на совещании (или конференции), кажется в Вологде, но ему нечего было надеть. Мама заняла денег и купила ему костюм. Но папу на совещание не пустили, а костюм он одолжил сотруднику, который поехал вместо него. Сотрудник костюм не возвратил, сославшись на то, что украли. Мама еще долго расплачивалась с долгом за этот костюм.

На станции Вандыш папа проработал пять или семь лет, писал семье письма. Ксения Петровна Гемп выхлопотала его как ценного специалиста-химика в Архангельск и устроила на работу в водорослевый институт. Папа изобрел альгинат натрия, и вообще он был очень способным специалистом. Гемп хотела командировать его в Китай, но не получила разрешения.

Папа временами выпивал. Ксения Петровна в период запоев оформляла ему отпуск. Жил с семьей раздельно, так как семья

из четырех человек проживала в восьмиметровой комнате. Спали по двое на детских кроватках. Папа до ареста жил в доме своих родителей, а после освобождения в бараке. Приходил к нам посидеть, погулять с детьми у реки и уходил в барак. Незадолго до смерти ему дали комнату в двухкомнатной квартире и закрепили женщину-соседку для ухода за ним. Папа умер в 1964 году, хоронил весь водорослевый институт. Могила не сохранилась. Папа показывал мне фамильный склеп Амосовых. Сейчас склеп разрушен.

Про лагерь нам, детям, папа ничего не рассказывал. Маме говорил, что в лагере очень многие умирали и постоянно приходило пополнение.

Папа с мамой еще до ареста развелись, чтобы в случае ареста семья не пострадала из-за него. Мама взяла свою девичью фамилию, а детям оставили фамилию папы. Мама работала заведующей химической лабораторией в морском пароходстве. Разработала эффективные антинакипины для котлов, имела удостоверение первооткрывателя антинакипинов. Обучила рабочих пользоваться химикатами, им за это повысили квалификацию и заработную плату. Рабочие были очень благодарны маме.

Мама и брат Саша болели туберкулезом легких. Я перенесла в возрасте шести лет туберкулезный менингит. Жили мы очень голодно. Маме разрешили разработать под окном кусочек земли, по которому проходила утоптанная дорожка. Она вставала в 5 часов утра и долбила эту землю ломом. Однажды она упала, и у нее горлом пошла кровь. Грядку она все же сделала, мы на ней выращивали картошку.

Чтобы заработать для мамы бутылку молока, я собирала листья от капусты для людей, имевших дойный скот. За два мешка листьев мне дали пол-литра молока. Я принесла его маме, но мама отдала бутылку молока братику Саше. Маму часто вызывали в НКВД, грозились, ругали за связь с «врагом народа». Там у нее случались обмороки.

Мама постоянно читала нам книги, так мы услышали от нее всего Гоголя. Вся наша семья была «помешана» на музыке. В доме бабушки была фисгармония из Шенкурского монастыря, так как прадед по маме был протоиереем Шенкурского женского монастыря. На фисгармонии все играли и пели. В семье вообще все пели. Люди останавливались под нашими окнами и слушали. Папа прекрасно играл на гитаре. Мама после ареста папы часто пела песню про горькую рябину и плакала. Я мечтала, что, когда вырасту, мы с братом посадим возле дома дуб, чтобы мама не плакала. Всех детей учили музыке. Бабушка по папе была профессиональная певица.

Я в школе училась старательно, но мне учительница по математике, парторг школы, в пятом классе ставила тройки, как дочери «врага народа». Мама пожаловалась директору на учительницу. Директор проверил знания и приказал поставить мне пятерку и освободил от посещения уроков математики, так как я уже прорешала весь учебник вперед.

Мама была очень ослаблена. Я предлагала братику не съедать наши доли и отдавать маме. Но мама запретила, так как брат был тоже слаб здоровьем. Мама возлагала больше надежды на сына как продолжателя семейных традиций — будущего химика.

Я мечтала тоже быть химиком. По совету мамы в 1953 году поехала поступать подальше от Архангельска, в Воронежский университет. Меня зачислили, ректор поздравил с блестящим успехом. А когда на второй день пришла узнать о месте в общежитии, то получила отказ во всем, так как работник НКВД выявил, что я дочь «врага народа», и еще обругал, что мало навредили в Архангельске, так приехали еще в Воронеж вредить.

Возвратившись в Архангельск, я поступила в АЛТИ на факультет лесоинженерного дела. Сестра Елена тоже училась в АЛТИ на химическом факультете. Брат окончил химический факультет в Архангельском пединституте. Материально все еще жили крайне скудно. Брат после института работал в Архангельской обла-

сти учителем в ШРМ, позднее начальником химической лаборатории на «Звездочке». Сестра Елена работала химиком на СМП.

В трудные времена огромную помощь семье оказывала Ксения Петровна Гемп. И не только нашей семье. Она каким-то образом узнавала о предстоящих обысках и арестах. Звонила моей маме, чтобы та пришла за «травкой». В институте мама с Гемп разговаривали в кабинете, а я сидела в коридоре и стуком предупреждала их, если в коридоре кто-нибудь появлялся. Далее по цепочке: мама со мной шла к зубному врачу Егидезу, предупреждала его, а он — других. Предупрежденные по ночам уходили из дома. Егидез был выслан из Архангельска.

Меня к себе хотел взять дядя Николай, брат папы, который жил в Новосибирске. Дядя Николай в 1928 году окончил Пермский университет с получением звания врача. Был большой ученый.

Замужем я была за врачом Юрием Акиндиновичем Бердниковым и затем за Сергеем Ивановичем Антуфьевым. Имею двоих сыновей и двоих внуков.

Записала Г. Шаверина, февраль 2009 года, Северодвинск

«Помню молчаливые колонны заключенных»

Вспоминает Алексей Сергеевич Андреев (1937—2016)

Мой папа Сергей Алексеевич Андреев родился в 1909 году в городе Порт-Петровске (ныне Махачкала) Дагестанской области в многодетной семье железнодорожного машиниста. В 1926 году окончил в Краснодаре среднюю школу. Семья деда переехала в Петербург. Дед работал на Октябрьской железной дороге, бабушка в швейной мастерской. В 1928 году папа окончил в Ленинграде Богословский институт со званием кандидата богословия. Служил священником Вятско-Слободской епархии, позднее — Тверской и Кашинской епархии. Знал немецкий

язык, играл на фортепиано. В 1930 году ушел из священников в слесари-медники на строящийся Харьковский тракторный завод. В том же году переехал в Ленинград, устроился работать помощником машиниста в депо Октябрьской железной дороги.

В 1932 году поступил учиться в Ленинградский медицинский институт. Весной 1934 года заболел туберкулезом, вследствие чего перевелся в Архангельский мединститут, который и окончил в 1937 году (первый выпуск АГМИ). В годы учебы в институте папа занимался научно-исследовательской работой на кафедрах нормальной и топографической анатомии. В те годы в институт приехал на работу будущий профессор, хирург Георгий Андреевич Орлов. Студент и преподаватель, примерно одного возраста, подружились. В институте же папа познакомился со своей будущей женой (моей мамой) Александрой Александровной, которая училась курсом помладше. Мама родилась в Архангельске, в ее семье все мужчины (до ее отца) были священнослужителями.

В 1936 году родился брат Борис, в 1937 году я, Алексей. Родителей после окончания института направили работать в Онегу. Папа работал хирургом и рентгенологом, мама — терапевтом и акушером-гинекологом.

В 1939 году родители, почти круглые сутки занятые на работе, отправили нас с братом в Ленинград, к бабушке и дедушке. Там нас застала война и блокада. В конце 1939 года папа был мобилизован в действующую армию, участвовал в финской войне, служил хирургом в составе 88-й стрелковой дивизии. Демобилизовался 26 марта 1940 года и возвратился в Онегу.

Во время работы в Онежской районной больнице папа организовал пункт переливания крови, туберкулезный пункт, производил операции на легких при лечении туберкулеза. Однажды в больницу привезли заключенного с прободной язвой желудка. На третий день после операции за заключенным явились сотрудники НКВД. Папа категорически отказал им в выдаче больного, да еще заявил, что ему все равно, что тот по-

литический заключенный. Через некоторое время, 6 февраля 1941 года, папу арестовали. Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда в городе Онеге 9 июля 1941 года осудила папу по статье 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР на 5 лет лагерей НКВД с последующим поражением в избирательных правах на 3 года.

Срок отбывал в Усть-Вымлаге, там заболел туберкулезом и эпилепсией. Родственница, служившая секретарем-машинисткой в Архангельском управлении лагерями, узнала, где находится папа и о том, что он тяжело болен. Его освободили досрочно 25 февраля 1944 по болезни. Из лагеря папа приехал худой, обросший.

Мама после ареста папы уехала из Онеги в Архангельск, устроилась на работу в родильный дом имени Самойловой. Там ее притесняли, как жену «врага народа». И она уехала в Молотовск, работала в поликлинике по обслуживанию рабочих завода. Папа после возвращения из лагеря приехал в Молотовск к маме.

Летом 1942 года семья бабушки вместе с нами эвакуировалась из блокадного Ленинграда. Везли от Ладоги по железной дороге то в теплушках, то в пассажирских вагонах очень долго. Привезли в Сталинград незадолго до Сталинградской битвы. Бабушке от места боев удалось уехать самостоятельно. Проживали в разных местах. Сообщили маме о месте своего нахождения. Она обратилась к директору завода Боголюбову с просьбой дать разрешение на поездку за детьми. Боголюбов вошел в ее положение и выписал командировку по месту нашего нахождения. В 1943 году мама привезла нас в Молотовск.

Помню молчаливые колонны заключенных, которые, сгорбившись и кутаясь в лохмотья, следовали под вооруженной охраной с собаками по улицам города, их обувь громко стучала по деревянной мостовой. Охрана в морозы была тепло одета, в полушубки и валенки. Жители были молчаливы, не приходило на ум о чем-либо расспрашивать чужих.

Часто бегали на Ягры, там между дюнами располагались коттеджи, за дюнами были траншеи. Играли на территории бывшего кладбища, на углу нынешних улиц Воронина и Карла Маркса. Кладбище уже было запущено, валялись кости, звездочки. Однажды мы притащили кости в школу.

Учился я в школе № 1, на переменах баловались, до сих пор с содроганием вспоминаю, как однажды чуть не уронил гипсовый бюст Сталина. Я пытался его обежать, задел подставку, и бюст закачался. Подхватили, упасть не дали.

Помню торжественное открытие стадиона «Энергия», присутствовали союзники, были выставлены для демонстрации орудия, вывешены разноцветные флаги. Железнодорожный вокзал был в виде сараюшки, к нему проведены деревянные мосточки с улицы Беломорской. Вагоны в дежурках не отапливались. Помню рефулирование территории и то, как ассенизаторы возили отходы в бочках в сторону порта. Местное население покупало отходы и удобряло ими огороды под картофель. Под окнами школы № 1 было болото, охотники били уток и куликов. Архангельское шоссе выглядело как торфяная дорога, там располагались воинские части. Однажды я там увяз в торфяном болоте, вытащили солдаты (их колонна в это время маршировала по улице).

Во время войны родители уехали из Молотовска и кочевали по освобождающимся от немецкой оккупации городам. В Брянске папа заведовал хирургическим отделением, создал противотуберкулезный диспансер и санитарно-авиационную станцию. Работал главным хирургом при Псковском областном отделе здравоохранения. Несмотря на то что судимость с папы была снята, ему пришлось обращаться за реабилитацией, так как в 1959 году его «за сокрытие анкетных данных о бывшей судимости и факте отбытия наказания» отстранили от должности главного хирурга Псковской области. Реабилитирован 20 ноября 1959 года. С мамой они по какой-то причине разошлись, и мама с нами в 1946 году возвратилась в Молотовск.

Мы с братом окончили в Молотовске школу. Борис поступил учиться в кораблестроительный, а я — в Ленинградский медицинский институт. Я перевелся из Ленинградского в Архангельский институт (АГМИ) на 5-м курсе после женитьбы.

Уже после окончания мединститута большую роль в моей жизни сыграли Лидия Александровна Баландина (однокурсница папы) и Георгий Андреевич Орлов, как друг папы. Под руководством Георгия Андреевича Орлова я защитил кандидатскую диссертацию. От предложения остаться работать в Архангельске отказался, так как в Северодвинске была семья. Вся дальнейшая трудовая жизнь прошла в Северодвинске.

*Записала Г. Шаверина,
апрель 2013 — март 2015 года, Северодвинск*

«Расстреляли как ослабевшего»

Вспоминает Алексей Федорович Батурин (род. 1933)

До репрессии наша семья, папа Федор Семенович Батурин, 1896 года рождения, мама Ольга Петровна и мы, дети: Михаил (1928—1989), Анфиса (1931), я, Алексей (1933), и Яков (1937), умерший от голода и болезни в 1943 году, жила в деревне Пертозеро Кудьмозерского сельсовета Приморского района Архангельской области.

Папа вступил в колхоз, у него была своя смолокурка, на которой он гнал смолу и жег уголь на продажу. Такие смолокурки были у многих мужиков в деревне. Имели дом на двоих с семьей дяди (брата папы), корову, хромую лошадь, участок земли, который сами обрабатывали. В 1938 году папу вызвали по повестке в Архангельск, там его арестовали и 27 июня 1938 года военным трибуналом по статье 58, ч. 1, 17, 58, п. 8 УК РСФСР осудили к лишению свободы сроком на 10 лет. Потом приговор изменили на 5 лет ИТЛ с поражением в правах на 3 года. По семейной

легенде, на отца донес его двоюродный брат, который слыл в деревне блудным мужиком и лентяем. Тем более что до этого у них с папой произошел крупный спор об украденных у папы братом двух пудов муки. Вероятно, припомнили папе и возражения, высказанные им против перевозки церкви из Пертозера в Большую Кудьму под клуб.

Семья (мама и мы, четверо детей от девяти лет до трехмесячного возраста) осталась жить в Пертозере. Старшие учились в школе в деревне Лае. Мама и мы, дети, тоже работали в колхозе. В пионеры, как сына «врага народа», меня не приняли. До 1947 года, пока по карточкам давали хлеб по 200 граммов на человека, еще как-то сводили концы с концами. После отмены карточек пришлось бросить школу (я окончил три с половиной класса, брат — четыре) и податься на заработки.

Устроился работать на лесопункт Новая Урзуга Приморского района «водителем лошади», возил сено и выполнял другие работы. Туда же перебралась вся семья. Своего жилья там у нас не было. Мама заболела и скончалась. В 16 лет я пошел на лесоповал и лесосплав.

В 1950 году поступил учиться в Молотовское ФЗО № 7 на отделение пневматики. Работал по полученной специальности и испытателем на герметичность до 1988 года (до выхода на пенсию). Два года проходил срочную службу в армии. В 1959 году я женился. У меня двое детей и двое внуков.

Брат Михаил, тоже не доучившись, вынужден был бросить школу, работал на лесопункте в Новой Урзуге, оттуда был призван в армию. После срочной службы жил на Белом Озере, работал составителем поездов, потом машинистом. Сестра Анфиса закончила два класса, помогала матери по хозяйству, работала в колхозе. Как и всех колхозников, ее направляли на сезонные работы на лесозаготовки и сплав. Позднее работала в лесопункте на Белом Озере.

О судьбе папы сведения противоречивые. От тети, сестры папы, в 60-х годах мы узнали, что его расстреляли на пешем

этапе в Воркуту, как ослабевшего, к тому же он с детства хро- мал. В 2013 году я решил получить официальную информацию о его судьбе и получил два взаимоисключающих документа. 26 февраля на свой запрос я получил ответ: «Батурин Ф. С. умер 1 сентября 1939 года в Ухтижемлаге Коми ССР, причина смерти и место захоронения не указаны». Сделал запрос в информаци- онный центр МВД по Республике Коми. Получил ответ, что папа находился на излечении в санчасти Котласского пересыльного пункта, умер 11 января 1939 года от паралича сердца, похоро- нен на городском кладбище Котласа. Я считаю правильным то, что нам рассказала тетя. Папа реабилитирован 27 мая 1992 года.

Записала Г. Шаверина, 2013 год, Северодвинск

«Власть только готовое разорвет»

Вспоминает Евдокия Михайловна Аксенова (род. 1951)

Мой дедушка Илья Енвареевич Бобрецов, 1874 года рожде- ния, с бабушкой Павлой Филипповной, пятью сыновьями и дву- мя дочерьми проживал в деревне Некрасово Лешуконского района Архангельской области. Семья была работающая, креп- кая, вели свое хозяйство, имели три лошади, две коровы, быка, три нетели, шесть овец, хозяйственный инвентарь, расчищен- ную от леса землю, на которой сеяли ячмень, капусту и кар- тошку, добывали дичь и пушного зверя, рыбачили. Лес и река Мезень были рядом, только не ленись. В летнее время испокон веков в Лампожне (на устье реки Мезени) проходили богатые ярмарки, заходили иностранные суда. Мезенцы возили на про- дажу свою добычу, закупали сельскохозяйственный инвентарь, сахар, соль, одежду и т. д. Большая семья имела два собствен- ных дома. В 1930 году решили построить новый двухэтажный дом для женатых сыновей, но не успели сделать внутреннюю отделку.

В 1932 году раскулачили, конфисковали три дома и все хозяйство, одежду выносили на улицу и раздавали жителям деревни, инвентарь и скот были переданы сельскохозяйственной артели.

Дедушка Илья Енвареевич состоял в колхозе. Его осудили в 1932 году на 10 лет еще до раскулачивания, якобы за вредительство колхозу. Сына Михаила (1909) осудили в том же году на 3 года при раскулачивании. Для проживания семьи выделили небольшую боковую избу, в которой осталась жить бабушка с семьей старшего сына Ивана (пятеро человек) и двумя младшими детьми.

Деда Илью отпустили досрочно по болезни через один год, Михаил был в заключении около двух лет. После возвращения из заключения дед стал возмущаться тем, что в его доме проживала семья местного красноармейца, а нажитое своим трудом имущество и дома конфискованы. Дед выгнал красноармейца из родового дома. Один из конфискованных домов уже был раскатан и перевезен в соседнюю деревню под контору, другой, не отделанный внутри, передан сельскому Совету под школу. Много поколений деревенских жителей, в том числе и мы, внуки Ильи Енвареевича, учились в этой школе, бабушка работала в школе уборщицей. Дедушка стал работать в колхозе.

Все мои дяди (сыновья дедушки) сразу после раскулачивания из деревни разъехались, кто на лесозаготовки, кто на лесозаводы, два дяди уехали в Архангельск. Мама, Мария Ильична Бобрецова (1918), была выдана замуж шестнадцати лет в соседнюю деревню. Ее муж погиб на фронте в 1942 году, и она с двумя детьми в 1946 году возвратилась в свою деревню. В годы войны мама работала в колхозе, в летнее время ее постоянно направляли на сплав леса.

31 октября 1937 года Илья Енвареевич был повторно арестован, в момент ареста дома сказал: «Ну, наверное, это все». Обвинен во вредительской, подрывной работе в колхозе. По доносам односельчан обвинялся в том, что пахал землю с большими огрехами и говорил: «Раньше век так пахал и был с хлебом, а

вы в колхозе "хорошо" пашете, так без хлеба и живете, голодаете». И еще возмущался тем, что построенный его семьей дом отделали и заняли под школу: «Дом отдавать под школу не надо, пусть сами руководители советской власти построят. Они только хвастают, а строить их нет, только готовое разоряют». Возмущался непосильным для колхоза заданием по лесозаготовкам, говорил: «Где нам выполнить такое задание в 2000 кубических метров. Это же непосильное задание для колхоза, на лесозаготовках только гробят людей и лошадей».

Постановлением тройки УНКВД по Архангельской области 10 декабря 1937 года приговорен к расстрелу. Этапирован морем в Архангельск, расстрелян 16 февраля 1938 года на Мхах. Теперь на этом месте построено здание железнодорожного вокзала. О судьбе деда семья ничего не знала до 1992 года.

Пятеро сыновей дедушки воевали в годы войны, четверо из них: Иван (1902), Дмитрий (1900), Михаил (1909) и Афанасий (1914) — погибли на фронте. Дмитрий и Михаил защищали Ленинград. Мне удалось разыскать места их захоронения в братских могилах, в городе Кириши (Дмитрия) и в деревне Кондопокшино (Михаила). Афанасий погиб в битве под Сталинградом. Николай возвратился в деревню с фронта, женился, и они вместе с бабушкой купили в деревне старый домик. Из пятерых детей Николая трое до сих пор проживают в деревне.

Мама после войны повторно вышла замуж, им дали старый, списанный на дрова дом. В семье было шестеро детей. Бабушка запрещала нам говорить в деревне о том, что школа располагалась в доме нашего деда, сама нам ничего не рассказывала, до самой смерти всего боялась. Маму зачастую в деревне называли «кулачкой», а мне это было непонятно, так как жили мы очень бедно.

Мне уже в 2000-х годах удалось разыскать и встретиться с двоюродным братом и сестрами. Некоторые из них вообще не знали о своей многочисленной родне. Двоюродный брат, капитан первого ранга Анатолий Дмитриевич Бобрецов, в 70-х годах

временно жил в Северодвинске (подводная лодка, на которой он служил, находилась здесь на ремонте), но тогда мы еще не были знакомы. Он рассказал об этом позднее при встрече в Москве. Двоюродная сестра, Нина Дмитриевна, жила в Ленинграде, до нашего знакомства бывала в командировке на «Звездочке». В настоящее время проживает во Владивостоке.

Записала Г. Шаверина, 2014 год, Северодвинск

Умер от тоски и несправедливости

Вспоминает Галина Николаевна Пятунина (род. 1937)

Наша семья проживала в Вологодской области, Кич-Городецком районе, селе Кобыльске. Папа Николай Григорьевич Бушманов (1905), мама Анна Александровна Бушманова, мой брат Евгений (1935), я родилась в 1937 году. С нами жил и дед Григорий Ефимович Бушманов, работавший фельдшером в районной больнице.

Мой папа был ветеринарным врачом, мама — агрономом. В 1937 году мама не работала, воспитывала нас с братом. Проживали в служебной квартире.

Папу арестовали 1 декабря 1937 года, всю семью выгнали из квартиры. Оговорил папу родственник, врач. Ему было поставлено условие: или донос на Бушманова, или будет арестован сам. У него была семья: двое сыновей. И он не выдержал оказанного на него давления.

Во время следствия маме один раз удалось выпросить свидание, на котором отец шепнул ей, что его избивают на допросах. Приговор папе вынесен тройкой УНКД по Вологодской области по статье 58-10, ч. 1 УК РСФСР, 10 лет лишения свободы.

Жители села и окрестных деревень написали письмо в защиту папы и подписались. В село приехал сотрудник НКВД и письмо уничтожил (уничтожение письма сельчан в защиту Бушма-

нова сотрудниками власти, вероятно, следует рассматривать, как ограждение подписавшихся от репрессии по коллективному делу. — Г. Ш.).

После приговора знакомые боялись общаться с нашей семьей. Папа отбывал срок в Тайшете, а потом где-то в Амурской области. Из лагеря прислал маме обратно семейную фотографию с надписью на обороте: «Милые дети, вспоминайте своего папу, слушайте маму, растите и учитесь. Папа».

Умер папа в ИТЛ 16 декабря 1938 года. В официальной справке причиной смерти указан туберкулез, а товарищи по несчастью писали маме, что умер он от тоски и несправедливости.

В ночь ареста папы, когда нас выгнали из дома, мама с дедушкой наняли подводу, и мы уехали в Кичменгский Городок, к старшей сестре папы, Наталье Степановне, у которой был дом и четверо своих детей.

Тетя Наталья и сама в тринадцать лет осталась без родителей с тремя младшими братьями на руках: Василием, Мефодием и Николаем. Мама стала работать продавцом. Отношение окружающих к нам было настороженное. В 1940 году с помощью родственников удалось приобрести половину домика.

В 1941 году мама повторно вышла замуж, родилась сестра. В 1946 году семья переехала в село Красное Кичгородского района. Отчим был родом из этого села. Мама там работала бригадиром в колхозе. В 1948 году переехали в Петрозаводск к маминной сестре (ее муж строил ледовую дорогу в блокадный Ленинград). В Петрозаводске мама работала комендантом в общежитии университета, потом агрономом в Министерстве сельского хозяйства. Но последняя должность была связана со служебными командировками, и она перешла на работу в швейную мастерскую. Я окончила школу, получила специальность электросварщицы, работала на СМП, сын — инженер на СМП.

Брат Евгений во время прохождения срочной службы в армии в городе Минске в 1956 году был направлен командова-

нием в Горьковское военное училище. Но ему отказали в приеме документов, так как он в автобиографии указал, что отец был репрессирован. Возвратился в часть проходить срочную службу.

А папа реабилитирован 21 мая 1957 года прокуратурой Вологодской области.

Записала Г. Шаверина, октябрь 2008 года, Северодвинск

**«Мы не уверены,
что это наши настоящие имена»**
Вспоминает Арнольд Тафельевич Василевский
(1931—2009)

Про своих родителей я практически ничего не знаю. Смутно помню людей в синих фуражках и шинелях, которые неизвестно куда увели родителей. Мы с сестрой Региной оказались в детском доме. Где мы жили с родителями до их ареста, тоже не знаю. В детский дом нас привезли из Витебска и записали национальность «белорусы». Мы с сестрой в этом сомневаемся, так как имена Арнольд и Регина явно не белорусские. Мы вообще не уверены, что это наши настоящие фамилии и имена. Нам ничего не удалось узнать про родителей: ни белорусские, ни архангельские органы на наши запросы не дали вразумительных ответов.

Выросли в детских домах. Вначале вместе с сестрой жили в Каргопольском детском доме. Потом Регину перевели в другой детдом. Я в Каргополе закончил пять классов. В 1944 году меня привезли в Молотовск и определили на учебу в ремесленное училище № 1. За три года я выучился на модельщика и столяра-краснодеревщика. После окончания училища работал в металлургическом цехе Севмашпредприятия, изготавливал модели для литья.

Сестра Регина работала в Архангельске на лесозаводе № 25, замуж вышла за спецпереселенца из Белоруссии.

По какой причине находились другие дети в детском доме, я не знаю.

Записала Г. Шаверина, 10 января 2009 года, Северодвинск

Из-за арестов спать ложились в верхней одежде Вспоминает Надежда Никифоровна Ельцова (род. 1936)

Мой папа Никифор Николаевич Загородников, 1888 года рождения, работал инженером на торфоразработках. Его родители проживали в деревне Сосновке Моршанского уезда Тамбовской губернии, имели свое хозяйство, мельницу и маслобойку. В 20-х годах были раскулачены, сосланы в Сибирь, умерли где-то по дороге. Папа в первом браке имел двоих детей. По служебной надобности часто уезжал из дома в командировки. Узнал, что в его отсутствие ему изменяла жена, хотел с ней развестись, но не успел, жена отравилась и умерла.

Мама Анна Васильевна Загородникова (Кувшинова в девичестве) — 1898 года рождения. Ее родители умерли от тифа в годы Гражданской войны. До замужества проживала с братом Иваном в Моршанске Тамбовской области в собственном доме. В 30-е годы они с братом ложились спать в верхней одежде, так как в Моршанске по ночам шли повальные аресты. Все подвалы в городе были забиты арестованными. Многих расстреляли. Расстрелы производились у кладбищенской стены, на той стене долгие годы были видны следы от пуль. Расстрелы проводились и за текстильной фабрикой.

Брак с папой у мамы тоже был вторым (первый муж служил в Белой армии и куда-то бесследно исчез). Мама с папой купили дом в Моршанске, при доме был сад. Родились дети: мой брат Роберт в 1932 году и я — в 1936 году.

Папа работал на торфоразработках в поселке Ракша, там его и арестовали в 1937 году. Этапировали в Тамбов.

Во время следствия папа передал маме несколько записок (три записки сохранились, но их из-за ветхости практически невозможно прочитать). Он просил маму взять с его места работы производственные характеристики. Мама поехала в Ракшу со мной (мне было восемь месяцев). В Ракше местные жители боялись пустить нас переночевать. Мама нанимала адвоката из Москвы, заплатила ему 12 пудов хлеба.

В городе ходили слухи о том, что на следствии применялись пытки. На мамин вопрос о пытках папа попросил ее не спрашивать об этом.

Папа был приговорен тройкой к пяти годам тюремного заключения. В годы войны его перевели из Тамбовской в Моршанскую тюрьму. Мама постоянно носила ему передачи. Папа очень любил кисель, я хорошо помню синюю кастрюлю, в которой мама носила ему кисель, а я дома зачищала остатки киселя со стенок кастрюли пальцем.

Через два с половиной года папа в тюрьме потерял рассудок, в тюремном дворе ел из собачьей миски. Умер в Моршанской тюрьме. Мама всю свою жизнь проклинала Ежова. У нее остались очень тяжелые воспоминания в связи с тюрьмой. Она всю последующую жизнь, проходя мимо тюрьмы, переходила на другую сторону улицы.

Могилу папы удалось установить с помощью кладбищенского сторожа. На могиле установлен крест с фотографией папы.

После ареста папы нам помог выжить дядя Иван, мамин брат, который не был женат. Папа, вероятно предчувствуя возможность ареста, просил Ивана помочь сестре воспитать детей.

Мой брат Роберт мечтал поступить в авиационный институт, но не был принят, как сын «врага народа». Окончил он строительный институт. Роберт смутно помнил папу, как тот носил его на плечах.

Я приехала в Северодвинск в 1963 году, тридцать лет работала крановщицей на ТЭЦ-1. У меня сын и дочь, две внучки и один правнук.

Записала Г. Шаверина, 2009 год, Северодвинск

«Семьи куда-то исчезали»

Вспоминает Людмила Александровна Тарантина
(род. 1932)

Наша семья в составе папы Александра Алексеевича Клоковского (1893), мамы Антонины Семеновны Клоковской (1903), бабушки Елены Дмитриевны и нас, детей, Константина (1921), Василия (1926), меня, Людмилы (1932), и Ольги (1937), жила в Архангельске на улице Чумбарова-Лучинского, имела собственную половину дома. Папа последние два месяца перед арестом работал механиком на мясокомбинате, мама — на почте контролером переводов.

Папу арестовали ночью летом 1938 года, при обыске изъяли какой-то листок. Маму уволили с работы, но позднее восстановили. После ареста папы соседка запретила своей дочке встречаться со мной. Я росла и общалась в основном с бабушкой.

В том же 1938 году у соседей была арестована дочь, остальные члены той семьи куда-то исчезли. В соседнем доме был арестован зубной врач, семья также исчезла. Возвратившись через 15 или 20 лет, он пытался семью разыскать, но безрезультатно.

В 1942 году нас выселили из собственного дома, взамен дали две комнаты на Костромском проспекте. Папе дали 10 лет по статье 58, позднее срок сократили до 7 лет и трех лет поражения в правах. Срок он отбывал на лесозаготовках в Ерцево и Кодино. Писем я не помню, мама хотела ему посылать посылки, но папа запретил, написав, что посылки все равно не доходят.

Мы без папы жили очень бедно, никакой помощи, как семья «врага народа», не получали. Продавали на базаре вещи, помню, меняли подушку на кусок хлеба. Как-то я понесла продавать гитару братьев, но гитару у меня отнял подросток. Добывали всякими способами дрова. Я вышивала и продавала свои вышивки на базаре. За это меня несколько раз задерживала милиция. Бабушка умерла от голода. Как-то маму послали на уборку картофеля, там за работу дали немного картошки и турнепса. Турнепс оказался нам настолько вкусным, что мы пили с ним чай. Младшая сестра говорила: «Вот кончится война, всегда буду есть турнепс». В школу я пошла восьми лет, еще один год пропустила, так как у меня не было одежды и я обессилела от голода. Спасла меня какая-то знакомая женщина, которая дала нам рыбьего жира.

В школе окна были заделаны фанерой, класс освещался копилками. Нам давали по половинке шанежки в день. В годы войны я в 5 часов утра шла занимать очередь за хлебом по карточкам. К 6 часам утра в очереди собиралось много народа, стояли очень плотной толпой. Как-то недавно я по дороге на дачу в транспорте встретила женщину с удостоверением участницы войны, заинтересовалась, так как меня поразила ее молодость. Женщина рассказала, что служила в милиции в Архангельске, наблюдала за порядком в очередях за хлебом, иногда подставляла вне очереди своих знакомых. Этот рассказ вызвал у меня тяжелые воспоминания. Маму в порядке трудповинности направляли на строительство дороги. Я ей помогала, чтобы скорее отработать обязательные часы, носила тяжелые носилки с песком и гравием.

Старший брат Костя после школы хотел поступить на учебу в институт, но ему отказали, как сыну «врага народа». Его мобилизовали в армию, служил в лыжном батальоне, участвовал в войне с белофиннами. Прошел всю войну, боевые действия кончил в Праге. Затем был направлен в артиллерийскую часть на Дальний Восток. Дал себе зарок никогда не вставать на лыжи. Окончил Молотовский судостроительный техникум, работал на Севмаше. Брат Василий рано пошел работать электриком. Тоже

воевал, был контужен. После войны женился, имел четверых детей. Пытался вернуть родительский дом, в доме проживал какой-то военный чин. С нас запросили 10 тысяч рублей за ремонт. Пришлось отказаться. Василий опять, как и до войны, стал работать электриком. В 1958 году погиб от несчастного случая на работе. Сестра Ольга окончила педагогическое училище, работала воспитателем в детском саду.

Папа возвратился из лагеря тяжело больной, хромал, так как у него в лагере была отрублена пятка. Был лишен избирательных прав, не принимали на работу. Скончался 1 марта 1947 года.

Я после окончания семи классов до 1950 года работала на почте. В 1950 году поступила учиться в Архангельский судостроительный техникум. У меня не было приличной обуви, на учебу ходила в тапках, на которые надевала калоши. На праздничную демонстрацию ходила в пальто подружки. При распределении на работу на выпускном курсе получила направление в ЦКБ-18 «Рубин», но мне отказали, как дочери «врага народа». Предложили Владивосток, но и туда отказали выдавать пропуск по той же причине. Только представитель Севмаша, присутствовавший на защите дипломов, поспособствовал получению направления в Молотовск. Здесь, на Севмаше, отработала в конструкторском отделе 37 лет. Была два созыва депутатом городского Совета.

Имею двух дочерей, внука, студента Пражского университета.

Записала Г. Шаверина, 2009 год, Северодвинск

«Всё молоко сдавали "товарищам"»

Вспоминает Мария Николаевна Махсма (род. 1924)

Наша семья, папа Николай Александрович Колодкин (1895), мама Пелагея Захаровна (1895) и дети, Парасковья (1918), я, Мария (1924), Михаил (1926), Яков (1928), Павел (1930 или 31), проживала в деревне Колодки Виноградовского района Северного

края. Семья имела свое хозяйство: дом, лошадь, корову, овец, кур, теленка, приусадебные постройки, инвентарь. Строили новый двухэтажный дом.

Во время коллективизации папа отказался вступать в колхоз: по его словам, в колхоз шли одни «лентяйки». Арестовали его 2 января 1931 года по доносу четверых односельчан, в том числе и родного брата «лентяйка из лентяюков». Брат иногда был рад помочь папе по хозяйству, если его приглашали (хоть накормят), а у самого была семья. Папа был приговорен 22 февраля 1931 года по статье 58-10 УК РСФСР к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. В доносе был указан факт мобилизации папы белыми в 1918 году на рубку леса. Рубили лес в Шенкурском районе, оттуда несколько человек сбежали домой. Доносчики написали, что из Шенкурского района (за 150 километров и за две реки) папа в выходной день прибежал в деревню и собирал какие-то сведения. Срок он отбывал в «Печоре», на лесозаготовках, оттуда писал письма (не сохранились). Начальник лагеря предлагал папе привезти семью, обещал помощь при устройстве.

Из лагеря папу отпустили через два с половиной года по зачету (год за два). Приехал в Архангельск, работал на заводе «Пролетарий», скончался от сердечного приступа на работе в сентябре 1935 года в возрасте сорока лет (при этом упал со штабеля).

В деревне мама со старшей дочерью Парасковьей работали от зари до зари. Местные власти притесняли маму. Не разрешали жать траву для домашнего скота. За нарванный березовый лист («смонут бред» — нарвут листа, который сушили и зимой запаривали для коровы) по доносу соседей вызывали в сельсовет и заставляли в течение недели пилить дрова для сельсовета.

Мама умела выделывать кожи и катала валенки для нас, детей. Однажды у нас утонула лошадь. Мама из ее шкуры выделала кожи для обуви своим детям. «Сельсоветчики» кожу отняли и разделили между собой.

В годы войны мама вступила в колхоз, работала свиначкой и на разных работах. Мы вязали снопы. Я помню, как она само-

отверженно относилась к работе. Мы помогали маме по дому (пилили и кололи дрова, носили воду), на работе помогали чистить стойла.

В семье, в год смерти папы, умер мой младший брат и утонула лошадь. Мама после этих потрясений тяжело заболела, мы все плакали. Был огромный налог на молоко, почти все молоко сдавали государству («носили товарищам», как говорили в деревне). Дети молоко не пили, «только хлебали», брали на молокоперерабатывающем пункте обрат (обезжиренное молоко).

Старшая сестра Парасковья после освобождения папы уехала к нему в Архангельск, а после его смерти уехала на Судострой. Во время войны служила санитаркой на фронте, вывозила раненых с линии фронта. Ее муж был убит на фронте во время военных действий против японцев.

Брат Михаил учился в ФЗО (Новодвинск), сбежал домой. Из деревни его послали обратно. На заводе ему поставили условие: или идти на фронт, или под трибунал за бегство с военного завода. В возрасте семнадцати лет пошел на фронт. Был ранен под Кенигсбергом. После выздоровления учился в военном училище в Ташкенте. Вся курсантскую стипендию, 200 рублей, высылал маме в деревню.

В деревенской школе детей «врагов народа» не обижали. Про репрессии в деревне помню, как осудили на 10 лет председателя колхоза за замороженный картофель. Как арестовали и расстреляли соседа за не оказавшегося дома подлежащего аресту человека.

Меня после окончания семи классов в зимние сезоны направляли на рубку и вывозку леса, весной на сплав леса и на запань летом. В 1944 году дядя с тетей убедили меня поступить учиться в педучилище. В колхозе дали справку на полгода, я подала документы, но учиться было не на что (не было средств). Уехала с дядей в Архангельск, хотела устроиться работать на хлебозавод. Не взяли, так как не было паспорта. По дороге с хлебозавода я увидела вывеску агарового завода. Зашла и по-

просилась на работу счетоводом, была принята. Научилась считать на счетах, отработала около четырех месяцев. Жила с семьей дяди в шестнадцатиметровой комнате.

Однажды встретила на улице землячку, работавшую милиционером. Та пригласила меня жить к себе в свою комнату. Как-то ночью, когда землячка была на работе, в дверь постучали милиционеры, потребовали у меня паспорт. Так как паспорта не было, увели в отделение милиции. Выяснили, где работает землячка, уточнили информацию про меня на заводе, администрации завода велели оформить меня на работу как следует. Меня официально оформили, поселили в общежитие. Ездил в Ленинград к сестре, хотела там устроиться на работу, но там меня не прописали. На агаровом заводе работала до 1950 года.

В 1950 году устроилась на работу бухгалтером в лаготделение Ягринлага на втором участке. Через полмесяца вызывает меня к себе оперуполномоченный и спрашивает про отца. Рассказала все, как было. Послушал и сказал: «Ладно, маленькая была, ничего не помнишь».

На работе в бухгалтерии лаготделения заполняла ведомости на зарплату заключенным. Наряды закрывали и начисляли зарплату нормировщики из числа заключенных. Из зарплаты у заключенных высчитывали за питание, обмундирование, подоходный налог, за ущерб на гражданке (например, 10-летний срок отбывали механик и летчик, разбивший самолет).

В бухгалтерии работали старички из заключенных «на довольствии». Они были очень напуганы. Иногда мы, девчонки, громко засмеемся, они испуганно просили: «Девочки, тише». Зарплату заключенным выдавал кассир в присутствии расчетчика, охранника и надежного заключенного. Заключенных за работой практически не видела: утром они уже на работе, вечером еще на работе. Работали они на строительстве завода, на жилищном строительстве.

В лагере работала два с половиной года. Жила у подруги, спала на полу. После смерти Сталина стали выпускать политических,

уменьшилось число заключенных, мне дали комнату в бараке на углу улиц Советская и Железнодорожная. После работы в лагере в течение восьми лет работала бухгалтером в воинской части. Окончила вечернее отделение техникума. В 1962 году перешла на должность бухгалтера на Севмаш, где и проработала до пенсии.

Записала Г. Шаверина, 2013 год, Северодвинск

«Папа был прямым человеком»

Вспоминает Евстолия Федоровна Калтышева (род. 1924)

Мой папа Федор Кириллович Кривополенов родился примерно в 1870 году, мама Афимья Николаевна и их пятеро детей проживали в деревне Веегоре Чакольского сельского Совета Пинежского района Архангельской области. Семья имела дом, корову, лошадь и самый необходимый инвентарь. Также имели общую с братом баню и овин.

Папа столярничал и был хороший печник. Жили небогато. Папу и моего брата Николая (1918) постоянно посылали на лесозаготовки и сплав. Николай, как стахановец, был награжден ружьем и часто премирован отрезами тканей.

На семью постоянно накладывали твердое задание, даже в колхоз приняли не сразу. После вступления в колхоз вся семья занималась изготовлением кирпича для колхоза за трудодни. Сами кирпичи формовали и обжигали.

В 1937 году (вероятно, осенью) папу арестовали. В доме произвели обыск, все перерыли. Конфисковали ружье, Библию и пол-литровую бутылку водки, припрятанную мамой от папы. Накануне ареста папа возвратился с лесосплава.

Мама предполагала, что арестовали папу за какое-нибудь высказывание, так как он был очень прямым человеком. Арестовали тогда троих односельчан. Все думали, что по доносу деревенского жителя.

Из деревни арестованных увезли на пароходе. Папа был осужден тройкой УНКВД Архангельской области по статье 58 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Срок отбывал в Талагах. От него приходили письма, которые не сохранились.

Находясь в заключении, папа был расконвоирован, занимался кладкой печей в городе Архангельске. Лично ему, вероятно, тоже что-то платили, так как он иногда присылал немного денег семье.

Якобы в 1942 году папу освободили, он ночевал у брата Павла в Архангельске, а после этого куда-то исчез. Семья получила справку о смерти с указанием причины: сердечная недостаточность. О месте захоронения сведений нет. Семья без папы очень бедствовала, хлеб пекли из мякины с мохом, мох добывали на болоте, находившемся в восьми километрах от деревни.

Я уехала из деревни в 1940 году, в возрасте 15 лет, устроилась няней в Архангельске. В 16 лет получила паспорт и приехала в Молотовск, устроилась на работу официанткой в столовую. Мы все в столовой работали очень добросовестно, так как дорожили работой. Директор столовой Газарьянц приговаривал, что возьмет нас всех с собой на работу в Москву.

В 1943 году меня призвали в армию, обучили на армейского повара в селе Покровском, в Подмосковье. Через три месяца за нами приехали представители воинских частей («покупатели»). Пятерых из нас взяли в 14-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, увезли в город Киржач. Я служила в 4-м батальоне. Через три дня нас стали обучать стрельбе и прыжкам с парашютом. Прыгали с аэростата, со специальной площадки, на которой стояли три прыгуньи и толкач. Прыгать вначале было очень страшно. У некоторых девчонок от страха отнимались ноги. Я со своей бригадой дошла до Берлина. В День Победы все мы плакали.

Жители Берлина после каждой бомбежки выходили и аккуратно, в пределах возможного, прибирались на улицах.

После окончания боевых действий из нас сформировали рабочие батальоны, наш батальон снимал заводское оборудо-

дование, грузил его в железнодорожные составы для отправки в СССР. Я участвовала в демонтаже оборудования на автозаводе. Затем стали формировать составы для отправки нас по домам.

2 августа 1945 года я приехала в Молотовск. Выучилась на счетовода, стала работать счетоводом в цехе № 3 на заводе. Позднее меня перевели на должность старшего табельщика. Во время призыва в армию, устройства на работу никакой дискриминации в связи с арестом отца не чувствовала.

Два послевоенных года я носила шинель, так как ничего другого не было. Однажды пленный немец здесь, в Молотовске, спросил меня, откуда я прибыла (спросил на русском языке). Я сказала, что из Берлина. «Как Берлин?» — спросил он. Я ответила, что аккуратно прибран. А из солдатской шинели нашла позднее дочкам пальто.

Брат Николай в самом начале войны был призван в армию, был тяжело ранен в боях на Курской дуге, умер по дороге в госпиталь. Похоронен в Краснодарском крае. На памятнике, на братской могиле, выбита его фамилия. Мама помогала невестке воспитывать детей Николая и даже детей от ее второго брака.

Старшая сестра Евлалия (1914) сбежала из деревни, жила и работала на шпалозаводе в Солзе. Ее мужа мобилизовали на фронт. В годы войны она возвратилась в деревню с тремя детьми. Чтобы выжить и прокормить детей, бралась за самую тяжелую работу. Но нашелся человек, который постоянно ее упрекал, что она не «конхозница» (гнусавил). После окончания войны Евлалия с детьми возвратилась в Солзу.

Сестра Мария (1922) приехала в Северодвинск, всю жизнь работала в столовой. Брат Петр (1927) воевал на Дальнем Востоке. После окончания войны выучился на экскаваторщика, жил в Северодвинске. Рассказывал, что при рытье котлованов на будущей улице Гагарина и под зданием Госбанка вырывали много человеческих костей. Петр принимал участие в строительстве пирсов в Неноксе.

Мамина сестра Евдокия вышла замуж в большую бедную семью за Федора Некрасова. Федор взял займы 3 рубля и сумел с этих денег завести хозяйство, построить дом, за что был раскулачен и сослан в Солзу с женой и сыном. Все умерли еще до начала войны.

Мамина сестра Татьяна была членом партии, вероятно, работала на НКВД. Жила незаметно, по указке сверху.

Папин брат Павел проживал в Архангельске, был прекрасный мебельщик. Уехал из деревни и папин брат Семен.

Записала Г. Шаверина, март 2011 года, Северодвинск

«А вдруг у вас там золото припрятано?» Вспоминает Виталий Александрович Кузьмин (род. 1930)

Мой папа Александр Яковлевич Кузьмин родился в Онежском уезде Архангельской губернии в 1887 году. Дед служил лоцманом в Петербурге, туда же вызвал и сына (моего будущего папу), там папа работал бракером на лесобирже. В 1910 году женился в деревне на Анне Даниловне Емельяновой, которую увез с собой в Петербург.

С началом Первой мировой войны папу призвали в армию, служил в Прибалтике, дважды был отравлен во время немецких газовых атак. После призыва папы на фронт мама с моей сестрой с трудом выехали из Петербурга в свою деревню; сестру в вагон маме подали через окно.

Во время Гражданской войны папа служил то у белых, то у красных. После Гражданской войны работал в Онеге на лесозаводе старшим бракером круглого леса. Любил собирать ягоды и грибы, рыбачил.

В 1935 году семья воссоединилась, мама стала работать уборщицей в школе. Из деревни привезли с собой на лесоза-

вод корову, овец, кур. Хлев был за полкилометра от нашего жилья. Сено на корову косили в совхозе, получая себе 10 процентов от заготовленного.

В ноябре 1944 года случился пожар и выгорел подъезд, в котором проживала наша семья Кузьминых. Родители были на работе, мы с братом в школе — переносили в это время вещи из старой во вновь построенную школу. Увидели, что горит наш дом, побежали, но зайти в квартиру уже не было возможности. Некоторые вещи (самовар, швейную машинку) из квартиры успел выбросить наш квартирант, но вещи на морозе поломались.

После пожара семье дали небольшую комнату. На пожарище собрали некоторые не до конца сгоревшие вещи, которые сложили кучей в углу комнаты.

31 декабря 1944 года мы с братом ушли за водой (за полтора километра), возвратившись, увидели в комнате чужих людей, высокий человек в чине капитана кочергой рылся в обгоревших вещах. На вопрос папы «Что он там ищет?» — капитан ответил: «А вдруг у вас там золото припрятано?» Одновременно с папой арестовали еще двух рабочих, обвинили всех по статье 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР, двоим дали 8 лет лагерей и одному — 10 лет. Причиной ареста послужил разговор в перерыве на работе. Папа рассказал сослуживцам о письме, полученном их квартирантом, офицером Красной армии, из Полтавской области. Родители писали сыну после освобождения территории от немецких войск, что жили во время оккупации спокойно, немцы их не трогали. Другой собеседник вспомнил о своем пребывании в немецком плену в годы Первой мировой войны, рассказал о том, что работал и жил неплохо.

От папы из заключения получили несколько писем с частично вычеркнутым текстом. В одном из писем он назвал человека, сообщившего в органы правопорядка о состоявшемся разговоре. В марте 1945 года, в период школьных каникул, я поехал в Архангельск, искал, с передачкой в руках, папу в лагерях на Левом берегу. Не нашел. Теща папы (моя бабушка), проживавшая

в Архангельске, несколько раз носила папе передачи. В очередное посещение (5 или 6 ноября 1945 года) охранник сказал бабушке, что папы больше нет в живых. О месте захоронения папы узнать ничего не удалось. В 1955 или 1956 году участковый милиционер сообщил маме устно, что папа был необоснованно репрессирован и реабилитирован. В 1994 году по нашему запросу информационный центр УМВД по Архангельской области сообщил, что наш отец Кузьмин Александр Яковлевич умер 4 ноября 1945 года «в АрхПромИТК /Левый берег/. Каких-либо данных о причине смерти, а также в какой ЗАГС высылалась копия извещения не имеем возможности, т. к. архивное личное дело Кузьмина А. Я. к нам на хранение не поступало».

В 1946 году меня, как сына «врага народа», не приняли в мореходное училище, а в 1949 году Онежский военкомат направил нас двоих на учебу в военное авиационное училище. Меня в училище не приняли, а военкомату дали указание — детей «врагов народа» впредь в их училище не присылать.

В 1949 году я поступил на 3-й курс в Архангельский судостроительный техникум.

С 1950 по 1954 год служил срочную службу в морпогранвойсках на Севере, в Мурманской области. Во время призыва на срочную службу в анкете я написал об отце, что он умер в 1945 году, без указания сведений о его репрессии. Приказом по Пограничным войскам № 40 от 25 марта 1952 года награжден нагрудным знаком «Отличный пограничник» за образцовое несение службы по охране государственной границы.

По окончании службы возвратился на учебу в техникум, вновь на 3-й курс. В 1955 году Архангельский судостроительный техникум передали в Министерство рыбной промышленности, поэтому мы вчетвером с ребятами перевелись в Молотовский судостроительный техникум, который я окончил в 1956 году. Работал на Севмашпредприятии сборщиком, мастером, старшим мастером, начальником участка, заместителем начальника ПТО.

У меня две дочери, трое внуков и пятеро правнуков. Являюсь почетным ветераном города Северодвинска, награжден медалями и орденом Дружбы народов.

Еще в детстве от своей мамы я узнал, что в 1931 году был раскулачен и выслан из Чекуевского (ныне Онежского района) куда-то в Котласский район, где и скончался, мой дед Даниил Андреевич Емельянов. У деда было шесть дочерей и двое сыновей, имели свой дом, домашний скот, хозяйственный инвентарь и лавку. Средства на лавку дед заработал вместе с братьями на устройстве телефонной линии от города Каргополя до Онеги в начале XX века. Они рубили деревья на столбы и устанавливали их вдоль реки Онеги. В конфискованном доме открыли детские ясли.

Все дети из деревни разъехались в разные места.

Записала Г. Шаверина, 2013—2016 годы, Северодвинск

Козу и швейную машинку за неуплату налога Вспоминает Александра Александровна Чикина (род. 1930)

Наша семья в составе папы Александра Денисовича Кырчакова (1884?), мамы Татьяны Афанасьевны (1882), моего старшего брата Дениса Александровича (1912), сестры Сусанны (1925) и меня, Александры (1930), проживала в деревне Карьеполье Пинежского (с 1945 года Мезенского) района Архангельской области. Папа принимал пушнину, ставил вехи на реке для проходящих судов, был большим мастером по металлической части: клепал, лудил, ковал лошадей и т. д. Мама работала в колхозе «1-е Мая». Брат Денис, получивший в детстве травму позвоночника (несмотря на длительное лечение, у него сформировался горб), работал бухгалтером в колхозе. В деревне у семьи был собственный дом, хозяйство, корова.

Первый раз папу арестовали примерно в 1933 году, «ушел, но будет писать письма», объясняли мне старшие. Возвратился в конце 1937 года, ночью, разбудил меня, обнимал, целовал, но я не очень понимала, что это мой папа.

Работать после освобождения устроился в Сояну на рыбзавод. Я часто спрашивала маму о том, почему папа не живет с нами. Позднее он возвратился домой, работал лесником.

Повторно папу арестовали 4 февраля 1942 года. В тот момент я была в школе, мы готовились к празднованию Дня Советской армии. Учительница сказала, чтобы я быстрее бежала домой, но по дороге не прыгала. Папу я увидела поднимающимся по взвозу в здание сельского Совета за какими-то мужчинами, с узелком в руках. Дома на крыльце плакала вся семья. Больше мы его никогда не видели, никаких вестей мы от него не получали. Обвинили его в антисоветской агитации, осудили на 10 лет по статье 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР постановлением Особого совещания НКВД СССР.

Папа умер 15 июня 1942 года в архангельской тюрьме. Сотрудники рыбзавода считали, что на папу написал донос товарищ по работе, обиженный на то, что папе выписали валенки на зимний сезон, а его обошли. И еще обвинил папу в том, что он читал газеты и обсуждал прочитанное с директором рыбзавода. Реабилитирован папа 19 августа 1992 года. В свое время папа опасался ареста, предлагал маме уехать из деревни, но она не согласилась бросить дом и хозяйство.

Брата Дениса арестовали утром 8 ноября 1937 года. Пришел к нам домой милиционер с понятыми, произвел обыск и увел брата, который был одет в курточку и сапоги. В тот день в деревне арестовали несколько человек. Увезли всех на лошадях. Обвинили в контрреволюционной клевете на вождей партии. Постановлением тройки УНКВД по Архангельской области 20 ноября 1937 года приговорили к 10 годам ИТЛ. Умер в архангельской тюрьме 18 января 1938 года. В деревне говорили, что брата оговорил сосед. Позднее сосед сам приходил к отцу, ка-

ялся в том, что обвинил Дениса в срыве сплавных работ, якобы Денис не вовремя составил список направленных на сплавные работы. Список был составлен Денисом своевременно. Брат реабилитирован 16 января 1989 года.

Мама работала в колхозе на разных работах. Имели корову, но ее пришлось забить в 1938 или 1939 году, так как ей кто-то повредил спину. Завели козу. На приусадебном участке урожай зачастую убивало морозами. Жили очень скудно. Колхозников облагали непомерными налогами. За неуплату налога по мясу у нас описали швейную машину. На следующий год в счет уплаты налога пришлось сдать козу. Другим колхозникам правление записывало в счет сдачи мясного налога мясо от забитых колхозных коров. Нашей семье не записывали. Мама ухитрялась еще помогать многодетному дяде.

Я в Карьеполье окончила начальную школу. С пятого по седьмой класс училась в Долгощелье, жила на частной квартире. Платить за квартиру было нечем, поэтому я выполняла хозяйственные работы по дому. Одевалась и питалась плохо. На каникулы домой добиралась за 70 километров на лыжах. Училась хорошо.

С 1947 по 1949 год училась в Маймаксанском медицинском училище. Жили в бараке. Дрова для отопления брали тайком на бирже. Получали 400 граммов хлеба в день. Я полгода страдала такими поносами, что свой хлеб съедала только по вечерам, была очень истощена. Чтобы заработать, мы, студенты, вылавливали из реки бревна на топливо для больницы. В сентябре, в холодной реке, я заходила в воду, привязывала веревку к бревну, подружки тянули бревно на берег. За это мы получали по 500 граммов хлеба. После окончания училища работала в Мезени, там встретила будущего мужа, с которым в 1953 году переехали жить в Молотовск. У меня дочь, учительница, сын, кандидат философских наук, внуки и правнуки.

В начале 30-х годов в нашу деревню привезли много ссыльных украинских семей. Проживали они, пока не построили ба-

раки на другом берегу реки, в домах у деревенских жителей. В нашем доме на втором этаже их размещалось столько, что не хватало места лечь. Одна женщина вызвалась помогать по хозяйству и водиться со мной. У меня остались о ней очень теплые воспоминания. Сыновья этой женщины ушли на Пинегу, там устроились на лесозаготовки и увезли к себе родителей.

Записала Г. Шаверина, 2009 год, Северодвинск

«Туалет пристроить к дому нельзя: мы лишенцы»

Вспоминает Александр Александрович Лоскутов
(род. 1956)

Мой дед Алексей Петрович Лоскутов, 1875 года рождения, проживал с бабушкой Евгенией Трофимовной и шестью детьми: Анной, Евдокией, Александрой, Александром (мой отец), Алексеем и Таисьей в деревне Фомин-Починок (она же Сметана, или Сметанинская) Устьянского района Архангельской области. Имели свой дом, разработанную землю, самостоятельно освобожденную от леса, весь хозяйственный инвентарь, гумно на две семьи, держали домашний скот, который забивали, и торговали мясом в Шенкурске.

Дед был уважаемый в селе человек, занимал какую-то выборную должность. Однажды он подписал для высланной на Север украинской семьи, отбывшей свой срок высылки, справку об отбытии срока. Украинская семья с места высылки выехала, а на деда написал жалобу Ванька-комсомолец. Хозяйство деда раскулачили, семью из дома потеснили, самого осудили на 2 года лагерей.

Отбыв двухлетний срок, дед возвратился домой. В 1936 году работал при Шенкурском горсовете на заготовке дров, строительных и ремонтных работах. Повторно дед был арестован 21 мая 1937 года. При обыске изъяты документы, 38 полтинни-

ков советской чеканки, семь пар ботинок (одни хромовые), две пары галош. Обвинен в том, что состоял в контрреволюционной группе, проводил беседы антисоветского характера, террористическую и пораженческую в отношении СССР агитацию.

Алексей Петрович был осужден тройкой при УНКВД по Архангельской области 17 октября 1937 года на 10 лет пребывания в исправительно-трудовом лагере. Семья долгие годы ничего не знала о его судьбе. Местные власти, как могли, притесняли семью «врага народа». Даже в 60-е годы нельзя было пристроить к дому настоящий туалет, вместо туалета стояли прислоненные к задней стене дома старые доски; на мой вопрос: «Почему так?» — бабушка ответила: «Нельзя: мы лишенцы».

Поисками информации о судьбе деда я занялся в 1994 году. В ноябре 2014 года познакомился в архиве с его следственным делом. В деле две даты смерти: одна справка гласит, что Лоскутов А. П. скончался 26 марта 1938 года в Кулойлаге, другая — скончался в Красноборском ИТЛ 15 марта того же 1938 года. По семейной легенде, деда забыли в карцере, просидел 6 суток при температуре воздуха минус 40 градусов во время этапа в Кулойлаг. После этого он тяжело заболел и умер.

Реабилитирован посмертно 16 января 1989 года. Места захоронения мы не знаем.

*Записала Г. Шаверина,
ноябрь 1914 — март 1915 года, Северодвинск*

«Всегда помни, чей ты сын»

Вспоминает Григорий Сергеевич Макаренков
(род. 1938)

Мои родители, Сергей Григорьевич Макаренков (1910), мама Анастасия Александровна (1912), и дед Григорий Николаевич Макаренков проживали в деревне Андреевской Пунемского

сельского Совета Вожегодского района Вологодской области. Имели обычное для деревни хозяйство: дом, корову, овец, кур. Лошадь была сдана в колхоз. Работали в колхозе. В зимний сезон колхозников направляли на лесозаготовки.

Колхозник, как крепостной, не имел права сменить место жительства и работы. Отец, чтобы уехать из колхоза в Архангельск, сбежал с лесозаготовок, был осужден за побег на шесть месяцев, отбыл наказание, получил справку об освобождении и устроился на работу плотником в Архангельске. В 1936 году переехал в поселок Судострой (будущий город Молотовск, ныне Северодвинск), к нему приехала мама. Мой брат Иван (1931) остался с дедом в деревне.

Папа работал на Судострое плотником, строил дома на улицах Парковой и Лесной, строил драмтеатр. Мама работала кочегаром в котельной. Жили в бараке, в монастыре, позднее дали комнату на улице Пионерской. В 1938 году родился я. В конце 1938 года из-за болезни деда рассчитались со стройки и возвратились в свою деревню, стали вновь работать в колхозе. В 1940 году родилась моя сестра Руфина.

Папу арестовали 11 декабря 1940 года. Будучи в нетрезвом состоянии, он в столовой спел частушку, в которой матом покryл советскую власть. В столовой в то же время обедали все представители власти на селе. Вечером того же дня его арестовали, три дня содержали в холодном амбаре, а затем отправили под конвоем в Вологду. В доме трижды производили обыск, искали доказательства папиной вины.

В конце марта 1941 года Вологодский областной суд приговорил папу к семи годам лагерей. Через три дня после суда умерли дед Григорий Николаевич и сестра Руфина в возрасте 6 месяцев. Похоронили их в одном гробу.

Папа отбывал срок в Череповце и Вологде. Мама однажды собралась навестить его в лагере, взяла немного продуктов и пешком с саночками шла от Вологды до Череповца, тюремщики сообщили, что папа переведен в другой лагерь. Она пешком

отправилась обратно до Вологды. Через два месяца возвратилась домой больная тифом. После этого тифом переболела вся семья, кроме меня.

Папа скончался в Вологде 20 декабря 1941 года в возрасте 31 года от бесчеловечного отношения, голода и непосильного труда.

Мой дед по матери Александр Васильевич Алехин (1875—1934) и бабушка Екатерина Яковлевна (1876—1963) проживали в той же деревне. Кроме моей мамы у них было еще трое сыновей. Дед Александр построил ветряную мельницу, за что был раскулачен, сыновья из деревни разъехались на заработки. В 1934 году дед умер.

После ареста папы и смерти дедушки и сестры мы жили с мамой, старшим братом Иваном и бабушкой Алехиной. В трудные годы войны с нами жила семья маминого брата Клавдия, сын Коля (1929) и дочь Лена (1931). Младший сын бабушки, офицер, был холост и высылал семье свой продовольственный аттестат. Мама моя работала до пенсии в колхозе, получала за работу копейки. Когда мне в институте потребовалась справка о зарплате матери, то этот заработок за 1956 год составил 80 рублей 29 копеек.

В детстве учителя в сельской школе давали понять, что я сын «врага народа», однажды это доходчиво объяснил директор школы. Их трех барахтавшихся на полу школьников он поднял меня, отвел в учительскую и сказал: «Вот они могут кувыркаться и делать что угодно, а ты всегда помни, чей ты сын».

Старший брат Иван в 1948 году окончил РУ № 1 в Молотовске, работал на предприятии «Арктика». Он помог мне окончить среднюю школу № 8 в Северодвинске и Архангельский лесотехнический институт.

В 1989 году я написал запрос о судьбе отца в Вологодскую областную прокуратуру и Верховный суд РСФСР. Мне ответили, что ввиду отсутствия состава преступления мой отец был признан необоснованно репрессированным и реабилитирован.

4 июня 2002 года я признан, как оставшийся без попечения отца в несовершеннолетнем возрасте, подвергшимся политическим репрессиям и реабилитирован.

*Записал Г. С. Макаренков,
обработала Г. Шаверина, 1991—2017 годы, Северодвинск*

«Семью в 24 часа выгнали из квартиры»

Вспоминает Раиса Васильевна Космынина (род. 1935)

Наша семья проживала в Архангельске. Папа Василий Яковлевич Плешков, 1901 года рождения, работал статистиком в конторе треста кафе-ресторанов, мама Екатерина Алексеевна (1905) работала швеей в швейной мастерской, дочери: Таисья (1926) и я, Раиса (1935).

Папу арестовали 17 июня 1937 года с группой сотрудников после общего собрания в ресторане. Осудили на 10 лет.

Срок отбывал на Печоре, на лесозаготовках, валил лес лучковой пилой. Писем не получали, позднее стали получать весточки через его сестру, которая жила в Плесецком районе, на станции Ивакша. Папа позднее рассказывал, что в лагере было очень голодно, заключенные собирали и варили грибы. Папа для разнообразия один день варил шляпки, на другой день — корешки.

Семью в Архангельске после ареста папы в 24 часа выгнали из квартиры, забрали все фотографии, документы, маму уволили с работы. Мы поселились в комнатухе при матрасной мастерской, где бабушка работала уборщицей и имела свой угол.

Маму часто увольняли с работы, она работала уборщицей в больнице, в музее, на агаровом заводе, в театре, в столовой, была дворником. Семью выручало мамино умение шить, помогали сотрудники. За добросовестную работу иногда премировали; например, в театре премировали материалом на платье

и валенками. Мама сузила у валенок голяшки, и я ходила в них в школу. Сама мама ходила в «бурках» — в мужские ботинки вставляла рукава от фуфайки.

Старшую сестру после окончания семи классов направили в ремесленное училище, через год — токарем на завод. На работе сестре попала металлическая стружка в глаз. Оперировали, работать токарем больше не смогла. Затем ее направили на оборонные работы в Мурманскую область.

В 1943 году у меня от голода был распространенный фурунгулез, падало зрение, поэтому в школу я пошла только в 1944 году, девяти лет. В школе ученикам выдавали по полша-нежки и чайной ложке сахарного песка. Песок я приносила домой, мы его делили на троих.

Папа возвратился из лагеря 17 июня 1947 года. Год работал в Архангельске в школьной кочегарке, мама там работала уборщицей, проживали в комнате при школе. Проживание и прописка папе в Архангельске были запрещены, поэтому жил и работал, скрываясь. От такой жизни завербовались на рыбзавод в Шойну. Там прожили один сезон. В 1948 году переехали в Емецк к маминному брату, у которого было свое хозяйство, корова.

Папа в Емецке работал на пилораме в промкомбинате, мама — техничкой. Папа дожил до девяноста лет. За два дня до кончины вымылся в бане, надел все чистое, лег и более не вставал.

Записала Г. Шаверина, февраль 2014 года, Северодвинск

Из протокола № 27 заседания судебной тройки УНКВД по Архангельской области от 19 октября 1937 года: «Являясь членом контрреволюционной фашистской группировки и находясь в контрреволюционной связи с бывшими кулаками Д. и А., Плешков среди сотрудников конторы треста кафе и ресторанов систематически вел пораженческую агитацию, восхвалял гитлеровский фашизм и врага народа Троцкого, дискредитировал руководство ВКП(б) и членов Советского правительства».

«Истинная причина смерти — расстрел»

Вспоминает Геннадий Афанасьевич Попов (род. 1935)

Мой папа Афанасий Степанович Попов, мама Анастасия Ивановна с детьми Виктором (1926), Николаем (1932), мной, Геннадием (1935), и Ниной (1937) жили в селе Двинской Березник Архангельской области. Из записей в трудовом списке следует, что папа с 1915 года служил в царской армии, в 1919 году мобилизован в Красную армию, воевал, был ранен. В июне 1920 года он прибыл домой по болезни. В селе выполнял обязанности заместителя председателя, заведующего финансовой частью отдела социального обеспечения, ЗАГСа и просвещения; с 1930 года был инспектором-торговиком и на других должностях в райпотребсоюзе, с 1933 года (последовательно) товароведом в отделе рабочего снабжения леспромхоза, заведующим сектором торговли, заместителем начальника и начальником отдела рабочего снабжения. Семья проживала в служебной квартире.

15 ноября 1937 года ночью папа был арестован, дома произведен обыск, даже меня, спящего, достали из кровати и обыскали постель. Папу увели. Какое-то время его держали в заключении в Двинском Березнике, мама получила от него несколько записок (четыре записки сохранились), последнюю записку получила от 8 декабря 1937 года. Затем его переправили в Архангельск.

Согласно данным из архивного дела № П-7964 16 января 1938 года тройкой при УНКВД по АО папа обвинен по статье 58, п. 10 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 25 января 1938 года. Оговорил его в процессе следствия (скорее по принуждению) расстрелянный в октябре 1937 года главный бухгалтер ЛПХ. Место расстрела и место захоронения папы нам неизвестны. В трудовом списке указана причина увольнения 15 ноября 1937 года: «Уволен с работы, как не оправдавший политического доверия».

Реабилитирован 12 марта 1958 года.

В момент ареста папы мама находилась в родильном доме, родила сестру Нину. Из роддома ее сразу выписали, она побежала к тюрьме. Мама в тридцать лет осталась одна с четырьмя детьми, старший брат был тяжело болен. Ее предупредили, что семью выселят из квартиры.

За нами приехал дедушка Иван Фадеевич Некрасов и увез в Топсу за 60—70 километров от Двинского Березника. Дедушка скончался в 1939 году. В Топсе мама стала работать в колхозе, мы в свое время пошли в школу.

Постоянно чувствовали, что мы семья «врага народа». Например, на государственные займы маму заставляли подписываться на значительно большие суммы, чем других колхозников, направляли на самые тяжелые работы (на весенней вспашке лошадей меняли в течение рабочей смены, а людей нет). Мне иногда ребята показывали решетку из пальцев, мол, там твой отец. Я вначале лез в драку, а когда драться перестал, то и дразнить не стали.

Однажды на уроке брат не смог ответить на вопрос учителя, сказал, что забыл. Учитель заметил: «Вот позавтракать ты не забыл, а урок забыл», на что брат сказал, что не завтракал уже целую неделю. После этого нас прикрепили для питания в школьную столовую, но через неделю пускать в столовую перестали, как детей «врага народа».

Жили очень скудно, к хлебу примешивали клевер, мох, весной собирали колоски и перемерзшую картошку, из которой бабушка пекла пироги, тогда они казались вкусными. У деда была корова, без нее мы бы не выжили. Но было сложно заготавливать сено для коровы. Весной, в марте, по насту до занятий в школе с мамой рубили лес на дрова. Пока добирались до леса, очень хотелось спать.

После окончания семи классов в течение года я работал в колхозе, в 1950 году поступил учиться в РУ № 1 в Молотовске, выучился на слесаря механосборочных работ, работал на Севмашпредприятии. Меня поставили работать на участок с по-

вышенной секретностью, но однажды на участок не пустили. Запрет сняли только после реабилитации отца. Окончил вечернее отделение втуза. На пенсию вышел с должности инженера-механика.

В 1956 году я начал писать запросы в НКВД о судьбе папы. В 1957 году меня пригласили в НКВД и сказали, что он сидит в дальних лагерях. На последующий запрос о судьбе папы ответили, что дело пересматривается. В 1961 году прислали свидетельство о смерти из Виноградовского ЗАГСа, в котором указано, что Попов А. С. умер 21 января 1943 года от язвы желудка. В 1990 году в новом свидетельстве о смерти из того же ЗАГСа указана истинная причина смерти — расстрел 25 января 1938 года. Причем оба свидетельства выписаны по книге записей актов гражданского состояния о смерти со ссылкой на запись № 45 от 17 сентября 1957 года. Фотографии отца в семье не сохранилось.

Записала Г. Шаверина, 2015 год, Северодвинск

«При царе при Николашке ели белые олашки...»

Вспоминает Екатерина Ивановна Слузова (род. 1932)

Наша семья в составе папы Ивана Даниловича Слузова (1893), мамы Марфы Петровны Слузовой (1899), моих братьев Александра (1924) и Владимира (1926), моей сестры Тамары и меня, Екатерины (1932), жила в селе Коневе Приозерного района Архангельской области. Имели собственный дом, приусадебное хозяйство, держали корову. Папа работал бригадиром в колхозе, мама — колхозницей. Мама избиралась депутатом сельского Совета.

Осенью 1937 года папа выступил на колхозном собрании против сдачи семенного зерна государству в счет налога, беспокоился о том, что весной у колхоза не будет зерна для посева. Вечером соседка предупредила папу о том, что его арестуют.

Ночью за ним пришли, мы спали на полу, все очень перепугались. Произвели обыск. На чердаке искали запрещенную литературу, изъяли швейную машинку «Зингер» и двуствольное ружье. О следствии и суде мы ничего не знали. Мама однажды послала папе посылку, которая была возвращена обратно. Писем не получали. По рассказам земляка, папа был расстрелян. Места его захоронения не знаю.

После ареста папы мы жили очень скудно. Маму постоянно посылали на лесозаготовки и сплав, мы дома оставались одни. Когда мама пыталась отказаться от лесозаготовок, ссылаясь на четверых малолетних детей, ей угрожали отправить туда же, где ее муж. Мама приносила березовые опилки, которые пришивала в хлеб, я пыталась отказываться от этого хлеба, но другого не было. Корову пришлось продать, так как ухаживать за ней в отсутствие мамы было некому. Обувки не хватало, я ходила в школу в резиновых галошах, застудила ноги.

Помню, в нашей деревне арестовали женщину за частушку, которую она пропела на улице: «При царе при Николашке// Ели белые олашки.// Началась советска власть,// Вся солома истолклась». Женщина умерла в лагере.

Старший брат Александр в шестнадцать лет пошел работать бухгалтером в райфинотдел. Учительница неоднократно говорила маме, что Александр очень способный и ему надо продолжать образование, но на образование не было средств. Во время войны он ушел добровольцем на фронт, несмотря на плохое зрение. После войны вначале жил дома, потом переехал в Северодвинск, работал главным бухгалтером в тресте столовых. Брат Владимир служил радистом в Кандалакше. После службы жил и работал в Коневе. Сестра Тамара умерла в детстве. Я окончила школу ФЗО в Раменске (Московская область), получила специальность прядильщицы. По специальности работала мало. Приехала к брату в Северодвинск, работала кассиром в тресте столовых. Вспоминать о прожитой жизни очень тяжело.

Записала Г. Шаверина, 2009 год, Северодвинск

«Называли сталинскую Конституцию филькиной грамотой»

Вспоминает Мария Владимировна Полякова
(род. 1933)

Мой папа Владимир Владимирович Таранковский (1905) и мама Мария Федоровна (до замужества Биркина) познакомились в Двинском Березнике Виноградовского района Архангельской области, куда папа был направлен служить милиционером. До этого какое-то время он работал в Кулойлаге, служил в Архангельске. Перед его арестом наша семья проживала в Архангельске по адресу: проспект Павлина Виноградова, дом 3, в комнате площадью двенадцать квадратных метров. Папа работал в милиции.

Арестовали его ночью в 1937 году. Пришли двое мужчин в гражданской одежде (в шляпах и в пальто с поднятыми воротниками). Они назвали папу по имени и отчеству и сказали, что его арестовывают по доносу. На весь личный состав отделения донес человек по имени Сергей Иванович, обвинив сотрудников в том, что они называли сталинскую Конституцию филькиной грамотой. Обыск в комнате не проводили. Я стояла в кровати и все это хорошо запомнила. Папу я очень любила, после его ареста как лунатик ходила и искала его по дому. Он до сих пор как будто стоит перед моими глазами.

Вероятно, во время этапирования мы с мамой ехали на телеге. Папа где-то со второго этажа сбросил маме записку со словами: «Мария Федоровна, береги Мусеньку» (папа всегда называл маму по имени и отчеству, а меня Мусенькой). Умер папа 29 апреля 1939 года в Онеголаге. Мама почему-то считала, что его расстреляли.

Доносчик (мама тогда об этом еще не знала) как-то пришел к маме. Мама собиралась идти за хлебом, он изъявил желание посидеть это время со мной. Пока мама ходила за хлебом,

он надел под свой костюм папин костюм и унес его. Позднее доносчик тоже был арестован.

Мама вспоминала, что еще до ареста папы ей цыганка нагадала, что если она не уедет из этого города, то потеряет мужа. Мама до ареста папы работала продавцом в фуражном магазине. Ее сразу же уволили с работы и никуда на работу не брали. Какое-то время она работала дворником. Выжить нам помог дядя Леня, муж маминой племянницы тети Аси. У них был сын. Маму до войны тоже арестовывали, но отпустили.

В 1942 году мы с мамой переехали в Молотовск. Мама стала работать контролером на пристани. Там же, на пристани, мы и жили, в маленькой комнатке, в стеклянном ангаре, напротив «Звездочки». Ангар стоял на реке на сваях. Пристань рядом. Там располагался ОСВОД, горожане приходили отдыхать, катались на лодках, рыбачили. Я тоже рыбачила.

В Молотовске пошла в школу с деревянным чемоданчиком. Маленькая, я ходила получать хлеб по карточкам на неделю. Боялась, что хлеб по дороге могут отнять, но все обошлось.

Причал сломали в годы войны. Ломали заключенные: эстонцы, латыши, немцы. Среди них были и женщины, якобы гулявшие с немцами на оккупированной территории, врачи, якобы сотрудничавшие с немцами.

Помню девушку Валю, которая до войны уехала в Латвию с младшим братом. Работала служанкой. У нее намечалась свадьба с летчиком. Хозяева в преддверии свадьбы подарили ей поросенка. Арестовали Валю после войны, привезли в Молотовск. Она нагадала себе на картах новый этап. Действительно, ее вскоре увезли.

Еще помню бывшего лесничего: высокий, седой мужчина, у которого дома осталось пятеро детей.

Бригадиром у заключенных был русский, очень наглый, скупал у них вещи за бесценок. Жили эти заключенные на втором участке. Кормили их плохо, многие умерли.

Однажды на причал привезли военного после ранения, с орденами. Лицо его было в порохе, один глаз закрыт. Он рассказы-

вал, что в госпитале не надеялся на выздоровление, и попросил написать жене, чтобы она его не ждала. Везли его на Ягры, в воинскую часть. С женой он позднее встретился.

После того как сломали причал, нам дали комнатку в бараке на улице Транспортной, дом 12. В бараке было много мышей, я их ловила. В школе я окончила 8 классов. 17 мая 1950 года устроилась на работу рассыльной на завод, в цех № 2. Работала в лаборатории плавильного цеха, выучилась на крановщицу.

Помню у монастыря, в бараке, проживало много бывших военнопленных. Военнопленные рассказывали о случаях, когда их спасали немцы. Один говорил, что пленных планировали взорвать, немец предложил притвориться ему мертвым и оттащил в безопасное место. Другой рассказал, что немецкий офицер предупредил наших военнопленных, чтобы они не ели мясо, которое было специально отравлено. Происходило это при приближении наших войск. Многие из этих заключенных обзавелись здесь семьями. Складывалась сложная ситуация, когда к ним стали приезжать «старые» семьи.

С 1960 по 1995 год я работала старшим кладовщиком в цехе № 30. Была секретарем комсомольской организации. Почетный ветеран Севмаша. Член КПРФ. Муж работал в ДОК-2. В 1955 году родились мальчики-двойняшки.

Записала Г. Шаверина, 10 октября 2010 года, Северодвинск

«Мама тоже исчезла на пять лет»

**Вспоминает Эдуард Вячеславович Ширяев
(род. 1940)**

Мой папа Вячеслав Евгеньевич Ширяев (1915) служил в Мурманской области на Петушинке радистом (сообщал метеосводки идущим судам). Радиоделу обучился на курсах в Киеве. К папе часто приходил знакомый и уводил его куда-то общаться-

ся. Бабушка, вероятно предчувствуя недоброе, уговаривала сына не встречаться с этим человеком («Вечка, не ходи», — говорила она сыну). Предположительно этот человек и оговорил папу. Арестовали его органы НКВД по Мурманской области, осудило ОСО при НКВД 16 декабря 1941 года по статье 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Срок папа отбывал где-то в Соликамских лагерях. Помню треугольничек письма, в котором он просил мать воспитать сына достойным человеком. Умер папа в лагере от пеллагры в 1942 году. Реабилитирован 9 августа 1956 года.

Мама Фаина Ивановна (1921) тоже куда-то исчезала на пять лет. Она никогда не рассказывала о том, где она была. В 1945 году, когда мне было пять лет, появилась женщина, взяла меня на руки, сказала, что она мама. А я тогда и не знал, кто такая мама. Надела на меня старенькое пальтишко, шапку и повела фотографироваться. Мама устроилась на работу, нам дали крошечную комнатку, сама спала на плите, я — на топчанчике у окна.

Пока не было мамы, какое-то время я жил в деревне Пермогорье Красноборского района, у бабушки по маме. Помнится, как однажды из открытого окна увидел внизу рогатую корову и очень испугался и как ехали с подружкой на возу сена и перевернулись в снег.

В возрасте трех лет меня забрала бабушка по отцу в Мурманск. По дороге в Мурманск временно находились в Архангельске, жили в полуподвальном помещении (в окна видны были только ботинки проходящих). В Мурманске жили в деревянном доме на Пяти углах, у бабушки была коза. Помню боевые тревоги, бегали в подвал в соседний дом. Помню стрельбу зениток и прожектора, шарящие в небе. Потом налеты стали реже, стали летать только разведчики высоко в небе.

Из предков по материнской линии знаю, что прапрадед Карп пришел с кошелкой на Двину после отмены крепостного права. Сначала батрачил, потом построил свой дом (лучше, чем у «хозяина»). Тогда ему власти предъявили счет за лес, срубленный

на строительство дома. Его приговорили к заключению. Прадед направил в тюрьму вместо себя сына. Пока сын Иван следовал до места исполнения наказания, срок закончился, и его отпустили домой.

В Первую мировую войну дед Иван Карпович дослужился до унтер-офицера. Его раскулачили на собрании сельчан. Дед с бабушкой собрали узелки, закрыли дом «на клюшку» и уехали в лодке из деревни. Остановились на Мезени. Дед плотничал, бабушка работала водовозом, позднее вспоминала обмерзшую в сильные морозы водовозную бочку. Их кто-то там опознал. Тогда они перебрались в Мурманскую область. На Зеленом мысу построили домик. Дочь Фаина (моя будущая мама), будучи подростком, тяжело болела, не могла ходить, только ползала, думаю, что это была цинга. Позднее дед и бабушка уехали обратно в свою деревню. Часть дома оставалась свободной, они в ней и поселились. Но деда вскоре арестовали и осудили, срок отбывал около Котласа, шил карбасы. Возвратился в 1946 году, в возрасте около семидесяти лет. Дочь Агния навещала его в лагере, подкармливала.

Карбасы шил и прадед, в них они ходили на Мурман за треской (ставили на треску яруса), солили и продавали в Архангельске. Прадед и дед привозили подарки из Архангельска. Вероятно, тогда Татьяне Ивановне, маминной сестре, был привезен граммофон, из-за которого ее тоже раскулачили. Дед и бабушка доживали свою жизнь в деревне с коровой Манькой.

Мама вышла замуж второй раз. Отчим служил старшиной 1-й статьи на тральщике 115. Сердце бабушки он завоевал банкой ананасов, а мое — бескозыркой с гордой надписью «Северный флот», аккуратно по голове. Правда, вскоре эту бескозырку старшие пацаны у меня отняли обманным путем. Отчим водил меня на тральщик (мимо часовых), на камбузе угощали компотом, в кинозале одному показали фильм.

После демобилизации отчим увез нас на Украину. Была осень, кругом грязь, жили с родственниками в глиняной мазанке с

глиняным полом. Голодали. Ковыряли палкой на полях гнилую картошку, складывали в холщовую сумку, промывали и вываривали крахмал. Весной стало повеселее, пошла зелень, земляника. Однажды пошли с мальчиками за земляникой через ржаное поле. Один из них предложил шелушить колосья незрелой ржи и есть зерно. Не успели мы сорвать по нескольку колосков, как появился неведь откуда человек, забрался и всех переписал. Отчим дома устроил мне за это выволочку. Работал он на гончарном заводике (четверо рабочих всего). Отчим стрелял ворон и варил. Мама, узнав про это, выбросила горшок. Родственники отчима не любили маму и меня, ругали даже за попытку поднять упавшее на землю с дерева яблоко. Мы перебралась в другой дом. Мама была мастерица по возделыванию огорода, получала хороший урожай, за что соседки звали ее колдовкой.

На Украине я пошел в первый класс. Тетрадки сшивали из газет, писали вначале карандашом. Карандаш выменяли за ведро картошки. Первый класс закончил первым учеником.

Решили уехать в Архангельск. Продали урожай, ехали через Москву, там я уговорил маму купить красивую тетрадь. В Архангельске пошел в школу на улице Урицкого. Мама работала в гастрономе. Жили очень скудно. Чернила в той красивой тетради расплывались, отличником я больше не был. В школе было темно. Ребята в школе учились плохо, часто дрались. За меня заступался старший двоюродный брат. В пионеры я был принят. Но позднее в Вельске при приеме в комсомол мне отказали.

Отчима переводили с места на место, в конце концов мы оказались в Вельске. Всего, в связи с частыми переездами, я обучался в одиннадцати школах, в Вельске перешел на вечернее обучение, с шестнадцати лет работал столяром, слесарем.

В школе очень любил географию, возможно, потому, что с отчимом в детстве любили «путешествовать» по карте. После окончания школы поехал поступать на географический факультет в Ленинградский университет. Не прошел медицинскую комиссию из-за поврежденного в детстве глаза. Помню в грубой

форме отказ, мол, «у нас достаточно и здоровых». Стал сдавать вступительные экзамены на факультет экономики зарубежных стран (там тоже «проглядывала география»). Географию сдал на отлично, хорошо сдал и другие предметы, но якобы не сдал сочинение. Уверен, что этого не могло быть, но сочинение мне не показали, в университет не поступил.

Уехал домой, возвратился на завод. Мне понравилось быть рабочим, и я не хотел больше поступать учиться. Но мама, вероятно помня наказ папы из лагеря воспитать сына достойным человеком, на коленях просила меня получить высшее образование.

Я поступил и в 1967 году окончил Вологодский молочный институт. Был направлен на работу в Плесецкий район на молочный завод, начальником производства. Там из-за хищений приходилось изворачиваться в отчетах. Перевелся в Устьянский район главным инженером. Там было то же самое. Перевели в областное управление. Ездил в Северодвинск к тете Ане. Здесь познакомился с будущей женой, женился и перебрался в Северодвинск. Работал вначале на молокозаводе. Из-за интриг перешел в 19-й цех СМП. Десять лет трудился в должностях старшего мастера, начальника смены, старшего инженера. Внес много рационализаторских предложений.

Кажется, я не был оставлен без внимания органами КГБ. В конце 60-х годов в Плесецке, в номер гостиницы, где я проживал, поселился некий Б., который однажды, надев перчатки, пытался дать мне в руки книгу «Закат капитализма» (кажется, так) почитать. Книгу в руки я не взял из-за странного поведения соседа. Сосед сопел, сопел, потом вроде попал в больницу. Комендант гостиницы попросил меня отнести в больницу передачу для Б. Я просьбу выполнил. Б. называл себя студентом Петрозаводского университета, приехавшим на практику в устьянскую районную газету. После этого случая меня однажды вызвали в Архангельск на совещание, разместился в гостинице «Двина». Пригласили в КГБ. Темная комната, настольные лампы

на столах, освещавшие только бумаги. Спрашивали о Б., якобы занимавшемся антисоветской пропагандой. На стол положили газету из Устьянского района, текст был густо исчерчен красным карандашом. Спрашивали о том, выполнял ли я какие-либо поручения от Б. Выполнение поручений отрицал. Но все же подписал выполнение мелких поручений, так как носил передачку в больницу.

Мама умерла в 1977 году в Вельске, через месяц после известия, что у нее появился внук Славик.

Записала Г. Шаверина, 2013 год, Северодвинск

Часть IV.

«Умерших детей выкинули из вагона»

Трагические судьбы раскулаченных

Советское государство развернуло наступление на деревню сразу после революции 1917 года, с 20-х годов. В деревню направлялись вооруженные продовольственные отряды, запрещалась свободная торговля, вводились продразверстка, принудительные трудовые повинности (гужевая, лесозаготовительная) и другие методы экономического удушения крестьян.

В Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» был определен переход к форсированной коллективизации. А в Постановлении от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» расписаны конкретные меры по проведению раскулачивания: в районах сплошной коллективизации отменялось действие законов об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве, предписывалось конфисковывать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы. Все «кулаки» были разделены на три категории, к каждой из которых была предусмотрена своя

мера наказания: **первую категорию** — контрреволюционный кулацкий актив — немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь перед применением высшей меры репрессии; **вторую категорию** должны были составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края; в **третью категорию** входили оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежали расселению на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках.

В постановлении даны ориентировочные цифры заключаемых в лагеря и подлежащих высылке (в тысячах):

«Средняя Волга. Концлагерь — 3—4. Высылка — 8—10.

Северный Кавказ и Дагестан. Концлагерь — 6—8. Высылка — 20.

Украина. Концлагерь — 15. Высылка — 30—35.

Центрально-Черноземная область. Концлагерь — 3—5. Высылка — 10—15.

Нижняя Волга. Концлагерь — 4—6. Высылка — 10—12.

Белоруссия. Концлагерь — 4—5. Высылка — 6—7.

Урал. Концлагерь — 4—5. Высылка — 10—15.

Сибирь. Концлагерь — 5—6. Высылка — 25.

Казахстан. Концлагерь — 5—6. Высылка — 10—15».

Поскольку к этому времени уже были ликвидированы действительно зажиточные хозяйства, а разнорядку следовало выполнять, то раскулачиванию подверглись основные производители сельскохозяйственной продукции — крепкие, работающие крестьянские семьи.

В постановлении предусмотрены и места высылки раскулаченных (тысячи семейств): в округа Северного края — 70, Сибири — 50, Урала — 20—25, Казахстана — 20—25. Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах

или промыслах (лес, рыба и пр.). Кулаки подлежали расселению в этих районах небольшими поселками, которые управлялись комендантами. В процессе раскулачивания власть опиралась на батрацко-бедняцкие слои населения. Спецпоселения для раскулаченных стали важной составной частью ГУЛАГа и служили как местом ограничения свободы (спецпоселенцы были лишены права передвижения и выбора места жительства), так и источником дешевой рабочей силы на малообжитых территориях. Причем их часто перемещали с места на место, и вновь они лишались того, что успели нажить.

«Более пяти миллионов крестьян и членов их семей было репрессировано в ходе проведения коллективизации в конце двадцатых — начале тридцатых годов» (Яковлев А. Н. Сумерки. М.: Материк, 2005).

«Описали тесовые ворота»

Вспоминает Раиса Валентиновна Давыденко

Семья моего дедушки Ефима Алексеевича Алексеева (1872) с бабушкой Марией Тимофеевной (1883), сыном Александром (1906) и еще четырьмя малолетними детьми проживала в деревне Горемыги Островского района Псковской области. В хозяйстве тогда было 14 десятин земли, три дойных коровы и две головы молодняка крупного рогатого скота, лошадь и две овцы. Из семи человек трудоспособных в семье было двое мужчин и женщина.

Из архивной справки, выданной по нашему запросу в 1995 году Госархивом Псковской области, следует, что 12 июня 1930 года решением сельской учетной комиссии, группы бедноты Находкинское сельсовета семейство, как кулацкое, занимавшее пастушку-батрачку, привлекли к индивидуальному обложению. Сумма налога составила 542 рубля 50 копеек. Де-

душка с бабушкой и Александр были лишены избирательных прав.

В феврале 1931 года, возможно, из-за неуплаты налога, описали строения и имущество на сумму 1066 рублей 50 копеек: две избы с коридором и сенями, амбар, два хлева, двор скотный, поветь, амбар менной, ворота тесовые, баня, плуг железный, телегу, шкаф, буфет. После раскулачивания семья была выслана из пределов Островского района.

Моя мама, Любовь Ефимовна Алексеева (1921) позднее рассказывала, что дедушку направили, как врага народа, в тюрьму. О его дальнейшей судьбе ничего не известно. Бабушку с детьми, Любовью и младшими сыновьями Николаем и Петром, отправили в спецпоселок Синяево Ленинградской области. Там спецпереселенцы жили в бараках. Бабушка работала на торфяном заводе, мама уже в возрасте девяти лет тоже работала, шила тапочки («спортсменки», как она говорила). Семья сильно голодала. Выжить помогла дочь дедушки от первого брака Татьяна, проживавшая в Ленинграде, она привозила продукты питания. Бабушка от тяжелой работы часто болела.

С началом войны местные власти предложили спецпоселенцам оставаться в поселке или уезжать по своему усмотрению. Бабушка повезла семью в Псковскую область, к родственникам в деревню Елины, недалеко от старого места жительства. По дороге железнодорожный состав разбомбили немцы. Далее добирались своим ходом, иногда местные жители подвозили на лошадях. Однажды повозку с беженцами по ошибке обстреляли свои партизаны.

Деревня Елины к тому времени была оккупирована немцами, взрослые там работали на сельхозработах, младший Петр, ему было около пятнадцати лет, был увезен в Германию. Люба (моя будущая мама) пряталась от немцев в лесу, чтобы тоже не отправили в Германию.

После войны семья осталась жить в той же деревне. Мама закончила три класса начальной школы еще до раскулачивания и

выселения. Работала в колхозе. С 1952 работала в Рубиловской больнице Островского района Псковской области посудомойкой, позднее санитаркой. Уволилась на пенсию в 1989 году. Мы с сестрой Татьяной Валентиновной добились реабилитации мамы в 2002 году.

Записала Г. Шаверина, 2016 год, Северодвинск

«Одна в огромном бараке»

Вспоминает Римма Семеновна Курочкина
(род. 1940)

Мой дед Никита Андреевич Брайко (1885), бабушка Марфа Леонтьевна сорока трех лет, их сын Семен девятнадцати лет, дочь Хоретина двенадцати лет, племянница деда Наталья Моисеевна, племянник Павел Моисеевич и жена брата дедушки Парасковья Григорьевна проживали в селе Олифировка Нероновицкого района Полтавской области. Семья имела 30 десятин собственной и 20 десятин арендованной земли, две хаты, две каморы, три клуни, шесть сараев, молотилку, сеялку, веялку, плуги, бороны, четыре лошади, два вола, четыре коровы, двадцать пять овец, шесть свиней. Из-за отказа вступить в колхоз семью в 1929 году раскулачили и привезли на станцию Холмогорская в Архангельскую область, мужчин отправили в лес обустраивать жилье для семей на место будущего поселка Орлово.

Женщины, дети и старики жили в сарае, сколоченном из досок, сами соорудили нары, но спали и на хвойных ветках прямо на земле. Печки не было. Была очень высокая смертность, каждое утро выносили умерших десятками. Просили у местного населения подаяния. Бабушка просить не умела, приходила без подаяния, чем дед был крайне недоволен.

Весной 1931 года семьи сплавили по Северной Двине на плотях, туда, где мужчины обустроили новый поселок Орлово

Холмогорского района и создали колхоз. Дед Никита Андреевич и здесь работать в колхозе категорически отказался, за что был отправлен на лесоповал, там скончался в 1941 году. Бабушка работала в колхозе на разных работах. Дочь Хоретина тоже работала в колхозе дояркой, вышла замуж за Ивана Васильченко, спецпереселенца. Родилось двое детей в 1939 и 1940 году. Мужа Хоретины в годы войны призвали в действующую армию, он погиб на Ленинградском фронте, захоронен на Пискаревском кладбище. В зимние сезоны Хоретину направляли от маленьких детей и пожилой матери на лесозаготовки.

Мой будущий папа, Семен Никитич, работал на сплаве леса в Брин-Наволоке, туда же была направлена на сезонную работу моя будущая мама, уроженка деревни Сельцо Холмогорского района Антонина Егоровна Малыгына. Они познакомились и поженились, проживали в Брин-Наволоке на частной квартире. В 1940 году родилась я. Папа в 1941 году ушел на фронт, в 1942-м погиб, захоронен в братской могиле в Новгородской области. Из-за голода мы с мамой уехали из Брин-Наволока к маминой сестре в деревню Заболотье Холмогорского района, мама стала работать в колхозе, жилья своего не было.

Колхозников на зимний сезон направляли на лесозаготовки, весной на сплав. Так как в деревне меня оставить было не с кем, мама брала меня, дошкольницу, с собой в лес. Там я с раннего утра до позднего вечера сидела одна в огромном бараке. Когда стала постарше, помогала в столовой чистить картошку. Иногда в столовой мне давали кусочек трески, я его приносила маме.

В Заболотье я окончила семь классов. Когда зимой маму отправляли в очередной раз на заготовку леса, я жила и училась в деревне Сельцо у бабушки. Весной возвращалась в школу в Заболотье. Из-за частых переездов с места на место подруг у меня не было. Училась в школе я хорошо. Когда пошла в четвертый класс, мама категорически отказалась выезжать в лес. За отказ ее повезли в районный центр к прокурору. Она очень испугалась, но прокурор вошел в ее положение и освободил

от лесозаготовок. Я стала постоянно учиться в одной школе, но сходиться со сверстницами мне всегда было сложно. Среднюю школу окончила в Емецке. В Северодвинске с 1965 года училась в судостроительном техникуме. Получила специальность бухгалтера. Работала на «Звездочке». В 1956 году вышла замуж. В 1953 году все родственники Брайко переехали в Запорожье.

Записал [С. Беляев], 1991 год, дополнила, сканировала документы Г. Шаверина, 2014 год, Северодвинск

«Умерших зимой складывали в сарай»

Вспоминает Василий Иванович Буслаев (род. 1939)

Семья моего деда Василия Ивановича Буслаева (1893) и бабушки Лукерьи Георгиевны (1892) с детьми, Иваном (1912), моим будущим отцом, Марией (1917), Василием (1925), была раскулачена и выслана на спецпоселение в Архангельскую область в 1930 году. До раскулачивания семья проживала в Нижневолжском крае (ныне Саратовская область), Аткарском районе, деревне Елань. Имели собственное хозяйство, мельницу, держали скотину. Не бедствовали. Наемный труд не использовали.

До Архангельска раскулаченных везли эшелонам. Затем погрузили на баржу и доставили в Усть-Пинегу, ехали в сыром трюме вместе с крысами. Во время следования часть семей высаживали на берег Северной Двины. В Усть-Пинеге высадили пятнадцать—двадцать семей, в основном женщин, детей и стариков. Ночевали на берегу у костров. Деда (главу семьи) еще в Вологде разлучили с семьей, увезли в Казахстан. К семье он приехал только через пять лет.

Из Усть-Пинеги всех на подводах доставили вверх по Пинеге за шесть километров и высадили в тайге. Планировали везти выше по реке, но уже несло шугу, тут всех и оставили зимовать. Спецпереселенцы построили себе барак и в нем перезимовали.

Весной не было семян для посева. Чтобы не умереть с голода, выменивали в соседних деревнях у местных жителей продукты на вещи. Умерших зимой складывали в сарай, так как не было сил копать могилы в мерзлой земле, хоронили весной в общей яме, без гробов. Позднее на том месте захоронений была построена дорога.

Старшего сына Ивана, моего будущего отца, отправили куда-то на лесоповал. Бабушка с детьми пяти и двенадцати лет должна была выживать одна, без мужа и старшего сына.

Спецпереселенцы корчевали лес, строили бараки, раскопали землю под огороды, обзавелись домашней скотиной. Со временем в Рожеве (так стал называться спецпоселок) создали сельскохозяйственную артель, бондарную мастерскую, гончарный и кирпичный заводы. Выжигали известь. Иван (мой будущий отец) с лесоповала сбежал поздно осенью, на плотике из трех бревен приплыл в Рожево, при этом замерз так, что еле говорил. Комендант поселка на Ивана не донес, выправил ему какую-то справку и поручил сапожное дело. Бабушка работала на кирпичном заводе. Глину месили ногами, позднее лошадьми, а затем техникой. Дедушка после приезда из Казахстана тоже работал на кирпичном заводе, в свободное время катал валенки, этому ремеслу он научился в Казахстане.

Мимо Рожева еще много лет везли по большой воде этапы раскулаченных или вели пешком. Я запомнил этап примерно численностью пятнадцать—двадцать человек в сопровождении трех вооруженных конвоиров. Бабушка рассказывала, что коменданта поселка С., который очень притеснял жителей спецпоселка, отравили грибами и что после этого в поселке жить стало легче. Жили в постоянном страхе, приходилось все скрывать от посторонних глаз, письма и записки передавать с нарочными и тут же уничтожать.

Папа познакомился с мамой в Орлецах. Там они стали проживать, после того как поженились. Мама была выслана с родителями из Луганской области. Родились дети: я, Василий в 1939 году,

Николай в 1941 году, сестры Раиса и Галина, умершие в дошкольном возрасте, Яков в 1946 году. Братья живы до сих пор.

В Орлецах жили в бараке, занимали одну комнату. Мама работала свиначкой в подсобном хозяйстве леспромхоза, папа — сапожником в промартели.

Вольную спецпереселенцам дали в начале сентября 1948 года. Многие уехали, особенно украинцы и белорусы. Нашей семье ехать было некуда, поэтому остались на Севере. О многочисленной родне я узнал только после смерти Сталина.

Наша мама умерла во время родов, когда мне, старшему, было одиннадцать лет. Папа умер через два года после мамы от чахотки. Нас воспитала бабушка Лукерья. Мы, все трое братьев, окончили семь классов. Затем я окончил Вельскую школу маслопрома, был направлен в Липецкую область, где работал до призыва в армию. Военскую службу проходил в Мурманской области. В 1972 году, отслужив в армии, приехал в Северодвинск, к брату Николаю, который работал здесь каменщиком после окончания профессионального училища. После женитьбы жена увезла Николая в Краснодар, где он проживает до настоящего времени. Я до пенсии работал сантехником, монтажником.

Брат Яков, окончив школу, приехал к нам в Северодвинск, мы посоветовали ему устроиться учеником токаря на «Звездочку». Был призван в армию на срочную службу, после службы в армии он снова стал работать на «Звездочке». Сестра папы Мария служила нянькой у чужих людей. Семья, в которой она нянчилась с детьми, увезла ее с собой в Московскую область, село Мишерань Шатурского района. Там она вышла замуж. Брат папы Василий окончил десять классов в Усть-Пинеге, работал в лесозаготовительной промышленности. На пенсию вышел с должности технорука.

В поселке Рожево был детский дом. Помню, одна девочка рассказала о судьбе своей матери. Они находились на поселении в Брин-Наволоке Емецкого района. Однажды ее мать угна-

ли на работу с очень высокой температурой (она даже бредила). На работе ее мама умерла. Девочку направили в детдом.

Спецпереселенцам было запрещено выезжать из поселка без разрешения коменданта. Самовольный выезд мог закончиться арестом. Комендант мог дать письменное разрешение на определенный срок для выезда, например в районный центр. Какое-то время в Рожево были высланы эстонцы. Они строили дорогу в сторону Пинеги. Тот участок дороги до сих пор называют эстонской дорогой.

*Записала Г. Шаверина,
17 декабря 2010 года, Северодвинск*

«Дама с козой»

Вспоминает Галина Егоровна Семенова
(род. 1941)

Мой дед Даниил Тимофеевич Волков (1884), бабушка Василиса Яковлевна (1889) с сыновьями Егором, шестнадцати лет, Василием и Иваном проживали в селе Елань Салтыковского района Саратовской области. Старшая дочь Анастасия была замужем, проживала отдельно. Дед имел свое хозяйство, дом, амбар, две коровы, лошадей, хозяйственный инвентарь. В 1930 году по решению администрации Салтыковского района семья была раскулачена, доставлена в товарных вагонах в Архангельск, далее на барже до поселка Орлецы Паниловского сельского Совета Холмогорского района Архангельской области.

Некоторое время жили в землянках, затем построили бараки, в которых размещались по несколько семей, позднее семейным стали выделять отдельные комнаты. Какое-то время за неимением посуды использовали жестяные банки. Работали спецпереселенцы на заготовке и погрузке леса на баржи.

Дед Даниил Тимофеевич скончался в 1933 году на поселении, причину смерти и место захоронения деда я не знаю. Бабушка Василиса Яковлевна с младшим сыном Иваном в 1937 году убежала из поселка, была поймана в Вологде, осуждена на 10 лет лагерей, срок отбывала в Караганде. Ивана направили учиться в школу фабрично-заводского обучения, о его судьбе семья ничего не знала до середины 50-х годов.

В середине 50-х годов братья встретились на родине, выяснилось, что Иван проживал на Камчатке. Бабушка после окончания срока жила у старшей дочери в Саратовской области, водилась с детьми начальника милиции в Ртищеве. Мой будущий отец Егор работал на барже, перевозившей лес, подрабатывал у местных жителей, однажды на заработанные деньги купил три мешка ячменя.

Моя мама — урожденная Федора Григорьевна Бирюкова (1918). Ее раскулаченного отца выслали в Орлецы из Курской области без семьи. Дома осталась жена с четырьмя детьми. Вскоре его жена умерла, и по просьбе отца детей привезли к нему в Орлецы, маме тогда было двенадцать лет. В подростковом возрасте она уже работала на укладке леса в штабеля и погрузке его на баржи.

С папой они поженились в конце 30-х годов. Первые три месяца после женитьбы молодая семья жила на кухне у старшего папиного брата, потом им дали отдельную комнату.

Папу призвали на службу в армию. В составе строительного батальона принимал участие в строительстве города Молотовска: строил столовую, узкоколейную железную дорогу, копал котлованы. В годы войны служил в Плесецком районе на лесозаготовках. Их группу в составе двадцати четырех человек высадили в необжитом месте, там они обустроивались и занимались заготовкой леса. В 1941 году какое-то время папа работал на оборонных работах под Ленинградом.

Мы с мамой до 1948 года проживали в Орлецах, там я посещала детские ясли и садик. Мама работала на лесобирже,

вела домашнее хозяйство, у нас было две козы и огород. Еще перед началом финской войны директор лесобиржи сказал жителям: «Берите лопаты, разрабатывайте огороды, будет страшный голод» (эти воспоминания долгое время у меня вызывали слезы).

В 1948 году мы с мамой переехали к папе в Плесецкий район, в лесной поселок № 19 леспромхоза № 10. Таких поселков было множество, сколько, точно не знаю, но знаю, что был за № 88. Из Орлецов к папе мы ехали в товарном вагоне (вместе с козами и всем скарбом) до станции Шелекса, от Шелексы до места жительства на грузовике. Жить устроились в каморке при конюшне, позднее папа построил свой домик.

Школы в поселке не было, с первого по седьмой класс мы учились в деревне Савинской, в 10 километрах от поселка. Жили на частных квартирах, я очень скучала, часто по вечерам плакала, мама тоже плакала, когда отправляла меня в школу. Добирались до Савинской на попутных лесовозах или бегали на выходной день пешком. По субботам в поселковой бане был мужской день, поэтому я ходила в баню с дедушкой, он мыл меня в уголке. С восьмого по десятый класс учились на станции Плесецкая, проживали на съёмных квартирах (машину можно было бы купить на деньги, затраченные на оплату съёмных квартир, — говорила мама позднее).

В 1949 году родилась сестра Людмила, в 1954-м — Валентина. Папа уходил на работу в семь часов утра и возвращался в семь вечера, зарабатывал немного. Мама не работала, выручали козы, позднее обзавелись коровой, был свой огород, собирали в лесу и продавали ягоды. Маму в Орлецах соседи звали «дамой с козой», а в 19-м поселке «настоящей кулачкой». Еще в Орлецах она на скудные сбережения купила швейную машину и шила.

Лесопункт № 19 в конце 50-х годов закрыли, мы переехали в центральный поселок леспромхоза № 10, семье там дали комнату в бараке с отдельным входом.

Я после окончания школы выучилась на токаря в Северодвинске. Работала одиннадцать лет токарем на Севмашпредприятии. Состояла в санитарной дружине. Мне посоветовали выучиться на медсестру. Училась на вечернем отделении, днем продолжала работать на заводе токарем. После окончания се-стринских курсов работала двадцать два года медицинской сестрой в детских яслях.

Сестра Валентина окончила акушерское отделение в медицинском училище, работала по направлению на станции Обозерская, проживает в Подмосковье. Сестра Людмила приехала ко мне в Северодвинск в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет, работала в городской типографии, проживает в Ярославле.

Мамин отец возвратился в Курскую область. Папа умер в 1994 году, похоронен в Шелексе. Мама умерла в Ярославской области, где проживала у дочери после смерти папы. Старший папин брат Василий погиб на фронте.

Я в Северодвинске вышла замуж, у меня дочь и одна внучка.

Записала Г. Шаверина, 2010 год, Северодвинск

«Женщин и детей выгнали на улицу» Вспоминает Мария Ефимовна Бреславец (1921—2013)

До раскулачивания наша семья — папа Ефим Григорьевич Гавриленко, 1883 года рождения, мама Парасковья Васильевна (1885) (урожденная Доненко) и мы, семеро детей, Иван, Михаил, Афанасий, Евдокия, Галина, Варвара и я, Мария, — проживала в Харьковской области, Краснокутском районе, селе Ковалевка. Вместе с нами жили дедушка Григорий Григорьевич и две незамужних папиных сестры, которые до раскулачивания вышли замуж.

У нас было свое хозяйство: дом, пара волов, две лошади, две коровы, овцы, куры, гуси, утки, сад, ветряная мельница, хозяйственный инвентарь. Старший брат Иван женился до раскулачивания, проживал отдельно, своим хозяйством.

Семью раскулачили осенью 1929 года. Одну ночь разрешили ночевать в своем доме. Вечером в наш дом привели еще две семьи (Твердохлебы и Жданы), разместили отдельно мужчин и женщин с детьми под охраной милиционера с винтовкой. Дедушка Григорий, сумевший надеть на себя хорошую одежду, ушел из-под охраны в соседнее село к дочери. Вечером нас, детей, покормили яичницей. На следующий день мужчин увезли в районный центр Красный Кут, там поместили в тюрьму. Женщин и детей выгнали на улицу. Жителей села, которые давали нам приют, вызывали в сельский Совет и предупреждали о последствиях. В конце концов нас приютила женщина, которая сама проживала в полуземлянке, она не испугалась угроз, так как раскулачить ее по крайней бедности было невозможно. Кроме того, она заявила, что наш папа ее с детьми всегда поддерживал в тяжелые времена и она не бросит его семью. У этой женщины мы прожили до весны 1930 года.

Весной нас погрузили на подводы и повезли на станцию Коломак. Обоз сопровождали конвоиры с винтовками верхом на лошадях. По дороге жители деревень, через которые нас везли, бросали нам хлеб и сало.

На станции Коломак всех погрузили в эшелон. Сюда же доставили и мужчин из Красного Кута. И повезли нас на Север. В вагонах были нары, люди лежали вповалку. Иногда кормили, пищу приносили в ведрах. За водой ходили на станциях под конвоем. Для оправки была вырублена дыра в полу вагона и место отгорожено одеялами. 8 марта 1930 года мы прибыли на станцию Коноша Архангельской области. Хорошо помню этот «праздник». Светило солнце, и шел густой снег.

Мужчин тут же увезли на лесоповал. Для женщин и детей было приготовлено много повозок, нашу семью увезли в де-

ревню Верхнюю (примерно 6 километров от станции Коноша) и поселили в двухэтажном доме Черепановых вместе с другими семьями. Сосланных развозили также в Сосновку, Кремаевское, поселок Мирный, Тавреньгу, Пономаревскую, Дикую, Зеленую и т. д.

Женщины в Верхней не работали; чтобы не умереть с голоду, выменивали вещи на продукты питания у местного населения. Мужчины с лесозаготовок периодически навещали свои семьи, привозили сэкономленный чай, который также обменивался на продукты. Меня вместе с другими детьми (10—15 человек) в апреле того же года увез земляк обратно на Украину. Помню, в Москве, на Курском вокзале, нас накормили горячей пищей. Меня привезли в Коллонтай к дяде Петру Доненко (брату моей мамы). В семье дяди Петра я прожила около двух лет, летом пасла корову, часто дралась с двоюродным братом-ровесником, так как он был недоволен лишним ртом. Но дядю тоже выгнали из своей хаты. Он с семьей уехал в Харьков, где устроился сторожить совхозный сад.

Папа с Афанасием и Михаилом работали на лесозаготовках в Овражьем. Когда мужчин привезли в Овражье, на место лесозаготовок, жилья там не было. Они построили шалаши, работали, голодали, мерзли. Часто болели и умирали. Летом стали строить бараки, надо было воссоединиться с семьями. Нашей семье дали комнату в бараке. Афанасий был кузнецом и работал по специальности, а папа заливал ледяные дороги, которые сооружались для вывоза древесины зимой. У папы от голода появились отеки. Тогда его товарищи тайком погрузили в состав с лесом, шедший в сторону Москвы. Оттуда папе удалось добраться до Украины. Там он устроился работать на Экономии (прототип совхоза) сторожем в телятник. Я тогда жила вместе с ним. Из молозива, которым выпаивали телят, папа варил нам еду, и мы окрепли.

В 1937 году стали выдавать паспорта. Папа поехал в свое село, чтобы взять в сельском Совете справку на получение

паспорта. Председатель сельского Совета, который в свое время раскулачивал нашу семью, написал какую-то бумагу, запечатал ее в конверт и велел ехать в районный центр за паспортом. В райцентре папу арестовали и увезли в Харьковскую тюрьму. Я ходила к нему с передачами, но однажды уже не застала, так как его снова этапировали на Север. Мама к тому времени решила тоже уехать на Украину к папе, но не успела: его вернули обратно.

В 1947 году в спецпоселке устранили комендатуру и разрешили выезд. Многие уезжали. Примерно в 1949 году родители решили возвратиться на Украину. Около месяца жили у дочери Евдокии в Харькове, но их потянуло на родину, в деревню. Там строила свой дом дочь Варвара. Поселились у нее. Однажды зять (муж Варвары) выпивал с соседом Назаренком, последний укорил зятя тем, что он содержит кулаков. Папа, узнав об этом, обиделся, и они с мамой снова, теперь уже добровольно, уехали на Север, в Овражье. Дочь Варвара не хотела их отпускать, но они днем, пока она была на работе, попросили соседней отвезти их на волах на станцию.

До Коноши впервые в жизни ехали в мягком вагоне. Это было в 1950 году. Я тогда уже была замужем. Они приехали ко мне. Привезли с собой чемодан пшена, немного муки и вишен. Устроили праздничную встречу, наготовилипельменей с вишнями. Мы купили маме с папой домик в колхозе, корову, овечку. Они жили своим хозяйством. Папа умер в 1958 или 1959 году, мама в 1981-м, дожила до девяноста шести лет.

Старшего брата Ивана, жившего до раскулачивания отдельно с родителями, тоже этапировали на Север, но там признали высланным незаконно. Иван обратно на Украину не поехал, устроился на работу в Коноше, на лесозавод. С началом войны был призван на фронт, возвратился контуженным. В 1946 или 1947 году возвратился на Украину, проживал непродолжительное время у сестры Евдокии. Потом купил избушку, а потом построил себе дом.

Брат Михаил был сапожником. С лесозаготовок скрылся, оказался в Туле. Там, скрывая, что он из семьи раскулаченных, устроился на работу, женился. Воевал на финской войне. Пропал без вести под Смоленском в годы Великой Отечественной войны.

Брат Афанасий проживал с родителями в Овражьем, был женат. Сестра Евдокия вышла замуж до раскулачивания родителей за Петра Олыфиренко. Они проживали в селе Колонтаеве, имели маленького ребенка. Тоже были раскулачены. Евдокию с ребенком доставили весной 1930 года к тому же составу, что и родителей, — на станцию Колымак. Но она, узнав, что ее мужа Петра на станции нет, отказалась разгружаться с подводы и возвратилась обратно. Позднее подвезли и Петра с его отцом. Петр, узнав, что Евдокия возвратилась в село, сказал: «Вот и хорошо». Но Евдокию в селе в свой дом жить не пустили. Свекор Евдокии Алексей Олыфиренко до раскулачивания занимался скупкой и перепродажей скота, имел сбережения в виде золотых монет. По семейной легенде, в Коноше Алексей с Петром откупились и возвратились на Украину. Евдокия жила со свекром в Харькове.

Петр взял фамилию двоюродного брата и скрывался, не проживая на одном месте более года. Однажды он прятался в соломе, его искали, протыкая солому штыками, но не обнаружили. Под чужой фамилией был призван на фронт. Прошел всю войну, имел боевые награды. Только в 1946 году он написал в Киев, признался в смене фамилии. Ему восстановили документы и сохранили награды. Его жена Евдокия в годы войны помогала партизанам, подобрала и воспитала вместе со своей дочерью девочку-сироту. После войны Евдокия и Петр обзавелись своим домом в Харькове, держали пчел, свиней.

Сестра Галина с группой молодежи самовольно ушла с поселения по вырубке вдоль линии электропередач до Москвы. Шли около месяца, все обносились. Оттуда поездом добрались до Украины. В 1933 или 1934 году вышла замуж за Ждана, работала в колхозе. После рождения ребенка стала работать по-

варом. Муж Петр работал конюхом, выучился на ветеринара. Имели двоих детей. Муж не вернулся с войны.

Сестра Варвара до раскулачивания семьи работала на Экономии, там и осталась после выселения родителей. Для получения паспорта обратилась в сельский Совет своей деревни за справкой. Председатель сельсовета предложил ей пойти в няньки к своим детям, чем практически спас ее от выселения. Ей выдали паспорт. Позднее она нянчила детей в семье евреев в Харькове. Приезжая к сестре Гале с подарками для детей, познакомилась с председателем колхоза Иваном Кузнецовым. Вышла замуж. Муж был призван на фронт, воевал, возвратился. Они построили дом. Имели троих детей.

Я до 1946 года практически не имела своего дома и постоянного места жительства. После возвращения на Украину в возрасте десяти-одиннадцати лет жила у дяди Петра Доненко. В двенадцать лет съездила на Север к родителям, но была вынуждена уехать. Проживала в Харькове у Евдокии. Евдокия тогда жила со свекром, который выделывал из кожи подметки. Его жена продавала подметки на рынке, а я их подносила по мере продажи. Торговля велась без разрешения. Была угроза конфискации. На рынке встретились с землячкой Матреной Ивановной Замозийко, которая позвала жить у нее и охранять квартиру, пока она на работе, так как было много безобразий и грабежей. Мы жили у Матрены Ивановны вместе с ее племянницей. Я мыла полы, топила печки, ходила на рынок, ухаживала за кроликами. Так прожила год.

Из Харькова переехала в деревню к сестре Гале (мне было около тринадцати лет). Там в колхозе работала за Галю в бригаде на прополке сахарной свеклы. За женщинами по малолетству не успевала. Но они обрабатывали за меня норму, за это просили меня в перерыве петь и танцевать (я очень хорошо пела). Сестра Галя родила ребенка и из бригады ушла в детские ясли поваром. Женщины оставили меня вместо сестры в своей бригаде.

Когда мне было около четырнадцати лет, я нанялась на Экономию, там получала заработную плату. Помогала семье Гали. В 1937 году получила трудовую книжку и паспорт. Чтобы уволиться с работы, сделала прогул и опять поехала на Север. Но прожила там немного, опять поехала в Харьков. Устроиться в Харькове не смогла и опять поехала на Север. Но там я не очень была нужна. Написала брату Михаилу в Тулу. Он пригласил меня. Там я устроилась на работу посудомойкой в столовую, потом меня перевели в официантки. Вышла замуж за связиста. Его мобилизовали на фронт, погиб в сентябре 1941 года. Мы пережили обстрелы. Прятали вещи в землю.

В 1945 году поехала в Овражье к родителям за швейной машинкой. У машинки не доставало металлической пластинки, за изготовлением которой я обратилась к местному кузнецу Евгению Бреславцу. Так мы с ним и познакомились. В январе 1946 года повторно вышла замуж. Жили в Овражьем сначала у родителей мужа (тоже спецпереселенцев). Председателем совхоза был отец моего мужа. Позднее нам дали квартиру в доме на двух хозяев. Работала в совхозе дояркой, затем в швейной мастерской швеей (шили для армии), в лесопункте на изготовлении рудстойки. В Овражьем был совхоз, имелись конюшня, скотник, птичник, теплицы, подсобное хозяйство для Коноши. Мама работала на птичнике.

У нас с Евгением родились трое детей. Первый сын умер в десятидневном возрасте. Сын Борис (1949) проживает в городе Северодвинске, и дочь Тамара (1951) — в Харькове.

В 1953 году переехали на разъезд Мелентьевский. Домик в Овражьем раскатали, перевезли в Мелентьевский и восстановили. Работала в столовой поваром. Когда работать поваром стало физически тяжело, устроилась на работу уборщицей в магазин. С 1954 года на инвалидности (I группа). Несколько лет назад из Мелентьевского переехала поближе к семье сына, в Северодвинск.

Записала Г. Шаверина, 2010 год, Северодвинск

Выжили благодаря дедушке

Вспоминает Лидия Ивановна Налетова

(род. 1936)

Мой дедушка Тимофей Васильевич Гусак и бабушка Матрена Константиновна с сыновьями Иваном (1907), Николаем и Александром проживали в деревне Терновке Тишковского района Кировоградской области. Бабушка Матрена была сиротой. В свое время дедушка «купил» ее у «хозяина». У дедушки было крепкое хозяйство, имели коров, лошадей, сеялку, веялку и другой хозяйственный инвентарь.

В 1930 году местная голытьба, те, кто на печи лежал, семью раскулачили, отняли абсолютно все, у бабушки даже платок с головы стащили. Семью погрузили на телегу и увезли из деревни. Дочь Евдокия была замужем, высылке не подвергалась. Деда и бабушку привезли в деревню Кальчино Пустошского сельского Совета Приморского района, где они сняли жилье у местных жителей. Сыновья были отправлены отдельно от родителей. Позднее перебрались жить на остров Хабарка (12-й лесозавод). В 1933 году к родителям приехали сыновья. Мой будущий отец, Иван, съездил на родину, привез себе жену Матрену Федоровну (1910) с ее младшим братом Степаном.

Матрена Федоровна до замужества работала вольнонаемной на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Ее мать и сестра умерли от голода, братика Степана Матрена с Иваном разыскали в детском доме, нашли его на поле, где он выкапывал из земли колосья, шелушил зерна и ел их. Рассказывали, что на Украине был страшный голод, съедены были все домашние животные, птицы и крысы.

Братья устроились на работу на лесозавод, обзавелись семьями. Со временем построили собственный дом на четыре комнаты, каждая семья в своей комнате. Дедушка обзавелся хозяйством: имел три коровы, огород, на котором выращивали картофель, капусту, морковь. Мама тоже устроилась работать

на лесозавод № 12. В новой семье родились дети: я, Лидия, в 1936 году, Вера в 1938-м и Василий в 1939-м году.

С началом войны всех сыновей деда мобилизовали в действующую армию. Иван и Николай погибли, Александр возвратился, служил в армии поваром. В голодные годы войны мы выжили благодаря дедушке. Сено для коров заготавливал дед на ближних островах, привозил карбасами, мы перетаскивали сено с берега домой. Работали на приусадебном участке.

Начальная школа была на Хабарке. С пятого по седьмой класс учились в Пустоши. Отношение к нам в школе было нормальным.

Дедушка утонул в 1945 году, хотел перепрыгнуть с пристани на отходивший пароход. Брата мамы Степана призвали в армию еще до начала войны. Семья ни разу не получила от него весточки. Якобы он не доехал до места службы.

Я окончила Архангельское медицинское училище № 1. Работала помощником эпидемиолога в Коми Республике, Архангельске и Северодвинске. Замуж вышла за жителя Хабарки, которого в 1948 году вместо призыва в армию направили учиться в ФЗО города Молотовска. После окончания ФЗО он пятьдесят лет проработал на Севмашпредприятии. У меня сын, дочь и четверо внуков.

Записала Г. Шаверина, 2013—2015 годы, Северодвинск

«Где тут у вас ребенок работает?»

Вспоминает Вера Михайловна Капинус (род. 1929)

Моих родителей Михаила Марковича Капинуса, 1906 года рождения, и Парасковью Лаврентьевну (1909), проживавших в Харьковской области на хуторе Капинос Семеновского сельского Совета, раскулачили в 1931 году. Мне тогда было два года.

Семью выслали в Архангельскую область, на лесозавод № 26. Мама тяжело болела, почти постоянно лежала в больнице,

скончалась, я ее очень плохо помню. Папа работал рамщиком на лесозаводе, его фотография постоянно находилась на Доске почета, вероятно, он хорошо работал и на Украине, а лежавшие на печи «деды Шукари» раскулачивали хороших хозяев. Кроме меня в семье были еще дети, но они вскоре после переезда умерли, я их не помню. Жили мы в комнате с круглой печкой, было очень холодно, вспоминать страшно.

Папа после смерти мамы привел другую женщину, сам вскоре скончался, я осталась с мачехой. Мачехе я была не нужна, осталась одна, «как поплавок». В семь или восемь лет соседка привезла меня в Архангельский горсовет, там устроили в детский дом. Ни документов, ни фотографий мачеха мне не отдала, я много лет не знала своего дня рождения.

Вначале проживала в детском доме в городе Архангельске, а как начались бомбежки Архангельска, нас, группу из шестнадцати человек, увезли в село Ненокса Приморского района, где я находилась до октября 1943 года.

В октябре 1943 года (в 14 лет) меня направили в лесопункт на заготовку дров для солеваренного завода. Дрова заготовливали в Куртяеве, проживали в церкви, в 12 километрах от Неноксы. Работала я десятником. На мне пальтишко из «чертовой кожи», кирзовые сапожонки и платишко, как военная форма, а в лесу уже снега навалом. Меня пожалел мастер Николай Яковлевич Феликсов. В выходной день в Неноксе его мама связала мне из шерсти носочки и рукавички, сам он подшил старые валенки и привез мне. Управляющий Анатолий Алексеевич однажды приехал к нам на участок и спросил: «Где тут у вас ребенок работает? Вот в этом она ходит в лес? Одеть!» Через несколько дней после его отъезда мне привезли фуфайку, брюки, шапку и валенки. Теперь я была одета для работы в лесу.

До закрытия лесопункта в 1946 году проработала в лесу десятником, затем перевели в лесопункт, располагавшийся в Пертоминске, где тоже работала десятником до 1950 года. В 1950 году устроилась рабочей в УНР-26 (Управление начальника

работ 26), работали в поселке Сопка. В 1950 году Илья Феликсов (мой бывший хозяин дома, в котором я квартировала) увез меня в Неноксу. Там я родила сына Сережу. Жители Неноксы проявили по отношению ко мне трогательную заботу, поддерживали меня долгие годы, приглашали моего сына Сережу на лето в деревню.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет и наступило право голосовать на выборах, следовало получить паспорт. Свидетельства о рождении у меня не было, я знала только свой год рождения. В таких случаях дату рождения устанавливали в медицинских учреждениях по следующему принципу: брали первый месяц второго полугодия (июль) и первый день второй половины месяца (16-е число), так мне был записан в паспорт день моего рождения — 16 июля 1929 года.

Котельную на Сопке строили заключенные Ягринлага, которых привозили на работу из Молотовска.

В 1955 году мастер уговорил меня переехать в Молотовск, сказав: «Девка ты шустрая. Что будешь делать в деревне, когда здесь стройка закончится?» В Молотовске работать продолжала в том же УНР-26, строили жилые дома по улице Октябрьской, основной рабочей силой на этих домах были военнослужащие стройбата.

Жила на Южных Яграх, постоянно видела колонны заключенных, которых водили на строительство «Звездочки». С открытием комбината строительных конструкций устроилась на этот комбинат бетонщицей, работала до 1958 года. С 1958 по 1960 год работала мастером. Окончила седьмой класс вечерней школы и в 1966 году вечернее отделение политехнического техникума по специальности «Промышленное и гражданское строительство». С 1971 года в течение двадцати лет, до выхода на пенсию, работала начальником цеха реализации. На КСКМ заключенные женщины разгружали с железнодорожных платформ песок и щебень. Смерзшийся щебень разбивали ломом.

Рано оставшись без отца и матери, я ничего не знала о своей семье. В 90-х годах, в связи с процессом реабилитации, стала слать письменные запросы в Архангельск и на Украину.

Тогда-то, в 1999 году, я и узнала, что родители проживали в Харьковской области, что не сохранилась опись изъятого имущества, что дата моего рождения 31 марта, что с учета в органах НКВД, как спецпереселенка, я снята в 1954 году (с двухлетнего возраста до двадцати пяти лет числились в «преступницах»).

Крупные неприятности пришлось пережить в Пенсионном фонде в связи с двойной датой рождения. Сотрудников Пенсионного фонда я в свое время поставила в известность о второй дате рождения. Они посоветовали мне ничего не менять, но после какой-то проверки, выявившей двойную дату рождения и якобы неправомерную выплату пенсионных доплат по достижении восьмидесятилетнего возраста, меня же и пытались обвинить в незаконном получении доплат. Потом извинялись.

С благодарностью вспоминаю директора детского дома в Неноксе. Он посоветовал мне никогда в документах не указывать, что я из семьи раскулаченных («иначе ты нигде себе дороги не найдешь»). Способную к игре на музыкальных инструментах, воспитанницу Тамару директор устроил на учебу в Архангельское музыкальное училище и предложил ей в затруднительных обстоятельствах обращаться к нему. Не выдержав полуголодной жизни в Архангельске, не имея ни от кого поддержки, Тамара возвратилась в детский дом, директор устроил ее музыкальным работником, позднее она вышла замуж за геодезиста и уехала из Неноксы.

Записала Г. Шаверина, 2011 год, Северодвинск

«Отдайте ее в детдом»

Вспоминает Александра Акимовна Хрушкова

(род. 1941)

Я из семьи раскулаченных. Семья проживала в Сталинградской области, Березовском районе, на хуторе Рубежина. Имели хозяйство: четыре коровы, три лошади, быков, сельскохозяй-

ственный инвентарь, сад, обрабатывали землю, иногда привлекали наемных рабочих. Состояла семья из дедушки Ивана Николаевича Карнаухова (1870), бабушки Анны Карповны (год рождения приблизительно 1872), моего папы Акима Ивановича (1902), мамы Пелагеи Яковлевны (1902), тети Евдокии Ивановны (1912), незамужней, дяди Терентия Ивановича (1908), холостого (сбежал в ночь выселения, никаких сведений о нем не имели и не имеем), и детей: Александры (1920), Николая (1925), Анны (1928). Семья была раскулачена. На поселении родились дети: Иван в 1938-м, Борис в 1939-м, Василий и я, Александра, в 1941 году.

В начале 30-х годов ночью на лошадях приехали люди в белой форме, приказали срочно запрягать лошадей и грузиться. Мужчины поехали в нижнем белье (в кальсонах, «все в белом», — вспоминал дед). Довезли до железнодорожной станции, погрузили в скотовозы, туалет в виде дырки в полу. Везли долго. Привезли в лес, к реке, на реке плоты. Стариков и детей посадили на плот, взрослые тащили плот бечевой. Высадили на берег, там стоял барак. Это была Коми Республика, Верхний Чов.

Мама работала день и ночь на коровнике. Папа работал на лесоповале, старшим конного обоза, позднее перевели работать в магазин. Завели козочек.

Сестру Александру (1920) в 1938 году в поле убило молнией. Мама на поселении заболела и умерла 19 августа 1943 года практически от голода. Умерли также Василий, Борис, Иван, дедуля и бабуля. Николай был мобилизован на фронт, погиб вскоре после призыва. Анна поступила на учебу в Сыктывкар, в фельдшерскую школу.

Жили в бараке. Посреди барака была огромная печь. Мы с бабуней (всех старших в семье называли: папуня, мамуня, дедуня, бабуня) забирались на печку, бабуня рассказывала сказки.

С началом войны папу отправили в Молотовск, работал в порту крановщиком, разгружал суда, доставлявшие груз по ленд-лизу. После окончания фельдшерской школы сестра Анна была направлена на работу в Усинский район Коми АССР.

Я жила с бабуней и дедуней. Старики копают картошку, а я сижу в коляске. Соседи советовали отдать меня в детский дом: «Что вы, старики, с ней мучитесь, отдайте ее в детдом». Запомнила, как сушили веники для коз, закрепляли веники в щелях барака. Помню, как квасили капусту.

В 1946 году папа увез нас в Молотовск, вместе с козами и сундуками. У него в порту была комната, он женился повторно. Мачеха работала мотористкой. Семье дали квартиру на улице Ломоносова, дом 9. У родителей родились Василий в 1948 году и две девочки-близнецы. Папа построил домик в порту (там было два частных домика: наш за № 4 и Горбуновых). В порту у нас было свое хозяйство: корова, куры, поросенок, жили неплохо. Налог на молоко компенсировали купленным маслом.

Рядом с домом была столовая, далее бараки, за ними нефтебаза. В порту были воинская часть, военные склады (жители покупали там отсортированную картошку). В водоеме было много смоляных бревен, которые брали на дрова. Воду брали из колонки. Помню угольный причал, баню, мимо проходила железная дорога на Неноксу. Помню колонны заключенных, которых везли на работу под вооруженной охраной с улицы Загородной. Кормили их в портовой столовой, работали заключенные на строительстве дома рядом с Домом офицеров.

В первый класс я пошла в школу № 2, потом перевели в школу № 6. В большой новой семье отца я стала лишней. Тетя Евдокия еще в Коми вышла замуж за ссыльного, бывшего военнослужащего, Григория, у них родились четверо детей, позднее они уехали жить в Кубинку Московской области. В 1952 году Григорий увез меня с дедуней и бабуней в Кубинку, там мы прожили три месяца. Дедуня и бабуня уговорили Анну взять меня к себе. В 1960 году я возвратилась в Молотовск к папе. Устроилась работать на швейную фабрику, а позднее на завод. Теперь в семье папы я лишней не была, так как сама зарабатывала.

Тетя Евдокия видела отцовский дом в Сталинградской области, в нем располагался детский сад. Поиски дяди Терентия

были безуспешны. Папе кто-то из земляков сказал, что его видели в Москве.

Муж Александры Акимовны, Василий Александрович, во второй половине 50-х годов учился в Молотовске, в школе ФЗО, располагавшейся на углу улиц Пионерской и Индустриальной. Помнит, как заключенные строили дома по улицам Комсомольской и Ленина. Подростки ползали через щели в заборе в рабочую зону, носили для заключенных курево, те разрешали им брать в красном уголке газеты и журналы для чтения.

*Записала Г. Шаверина, декабрь 2013 года,
Северодвинск*

«Доставить мельницу для ремонта в Шелексу» Вспоминает Александр Викторович Керов (род. 1935)

Мой дед Александр Петрович Керов с женой и одиннадцатью детьми проживал в Красноярском районе Самарской области. Семья имела собственный дом, хозяйственные постройки, водяную мельницу, лошадь, две коровы, овец, сельскохозяйственный инвентарь, землю. Старший сын Виктор, мой папа, был женат, вел с отцом единое хозяйство.

Моя мама была из семьи Мелединых, крестьян, у которых также был дом, лошадь, корова, овцы, 10 гектаров земли. В годы НЭПа Меледины имели свою торговую лавку. Проживали в селе Ставрополь Ставропольского района Куйбышевской области.

Мой дед Александр Петрович Керов отказался вступать в колхоз. В 1930 году семьи Керовых и Мелединых были раскулачены и высланы на спецпоселение в Архангельскую область без всякого имущества. Семью Мелединых: деда Алексея Федоровича, 1870 года рождения, бабушку Марию Павловну (1875) и мою будущую маму Раису Алексеевну (1915) — кто-то предупредил

о предстоящем раскулачивании, и старшая дочь Ляля успела уехать в Астрахань. Дед Меледин тоже не был выслан вместе с семьей, так как на момент высылки его не оказалось дома. Он добровольно приехал к семье в Шелексу, умер в 1941 году.

Местом жительства была определена Шелекса Плесецкого района. Спецпереселенцев осенью высадили в лес около озера Вшивого (четыре километра от Шелексы), первую зиму жили в землянках, рубили лес, строили бараки. Позднее из спецпереселенцев создали в Шелексе колхоз, освободили от леса землю под пашни, сеяли рожь, ячмень, садили картофель, колхоз располагал пасекой, большим парниковым хозяйством, были коровы, лошади. Я в одиннадцать лет пахал землю на быках. Бабушка по папе умерла в Шелексе в 1941 году. Дед Александр Петрович работал на смолокурке. В нашей семье родились дочь Лилия в 1932 году, я, Александр, в 1935-м и Леонид в 1941 году, умерший от дифтерии в трехлетнем возрасте.

При знакомстве с делом папы в информационном центре МВД я узнал интересный факт. В 30-е годы администрация села Коноша просила командировать отца в Коношу для ремонта мельницы (он был специалистом по оборудованию мельниц), но получили отказ, так как папа был на спецпоселении. Было предложено доставить детали и жернова для ремонта из Коноши в Шелексу.

Папа был председателем колхоза. В 1942 году за падеж скота (замерзли две колхозных коровы) он был осужден на четыре года. Срок отбывал на Конвейере (остров Бревенник в дельте Северной Двины, там находилась трудовая колония для несовершеннолетних и Спецзавод № 1, на котором в военные годы выпускались изделия для оборонной промышленности. Основной рабочей силой были заключенные). В 1946 году папа возвратился из колонии больным туберкулезом.

Начальную школу я окончил в Шелексе, с пятого по седьмой класс учился в Савинском, за 12 километров. В Савинское зимой ходили на лыжах, весной и осенью пешком. Жили мы, школьни-

ки, в интернате, еду готовили себе сами из тех продуктов, что приносили с собой из дома. Мне в 1950 году, в возрасте пятнадцати лет, удалось уехать из колхоза и поступить в мореходную школу на Фактории (район Архангельска). С 1953 года я стал плавать на рыболовецких тральщиках, в то же время заочно учился в Московском, а после перевода института в Калининград в Калининградском институте рыбного хозяйства. После окончания института плавал штурманом, затем старшим помощником капитана на рыболовецких судах в Баренцевом и Норвежском морях. В 1969 году переехал в город Северодвинск, работал в отделе главного технолога на предприятии «Звездочка». С 1974 по 1976 год был диспетчером водного цеха № 22, а с 1976 года до выхода на пенсию в 2005 году — заместителем начальника цеха.

Жена Алевтина Александровна — медицинский работник. Имею сына и внука.

*Записал С. Беляев, 1991 год,
дополнения и фото Г. Шавериной, 2015 год, Северодвинск*

«Ослабевших в пути расстреливали»

Вспоминает Дарья Дмитриевна Кобзева
(1927—2015)

Наша многочисленная семья Кобзевых, состоявшая из двадцати четырех человек, проживала в Воронежской области, Верхнемамоновском районе, в деревне Гнилуше. Про хозяйство ничего не знаю, знаю только, что семья строила новый дом. В 1930 или 1931 году вся семья была раскулачена и принудительно выслана в разные места страны. Наши родители, папа Дмитрий Павлович Кобзев, 1903 года рождения, мама Евдокия Степановна (1903), сын Василий и я, Дарья, доставлены в Алдан (Якутская АССР). С другими членами семьи связь была потеряна навсегда.

По рассказам родителей помню, что во время пешего этапа в Алдан ослабевших в пути конвоиры расстреливали. Папа в Алдане не имел постоянной работы, мама болела, в течение последних трех лет жизни ползала на коленях, к которым привязывала мешочки, умерла в марте 1942 года. Выживали как могли. Жили в бараке, из мебели имели стол, одну табуретку и кровать. Ели и спали на полу, который был застлан травой и половиками.

Я окончила три класса школы, работала в Алданской больнице санитаркой и сестрой-хозяйкой. Вышла замуж за проходившего там срочную службу в армии Михаила Егоровича Сироткина, уроженца Ульяновской области. Оттуда выехали с мужем в город Молотовск, жили на острове Ягры, родилось трое детей. Муж работал грузчиком, я не работала.

Сестра Антонина после смерти отца приехала ко мне в Северодвинск, здесь училась в школе. Про родственников из большой семьи ничего не знаем. В 1954 году мы с мужем и детьми переехали в Белое Озеро, в лесопункт. Работала в поселке няней и сестрой-хозяйкой в детском саду, много лет — телефонисткой на почте.

Заключенных Ягринлага вывозили с Белого Озера в 1954 году. Помню на Белом Озере зону с вышками и проходную рядом с почтой.

Записала Г. Шаверина, 2011 год, Белое Озеро

«Пятерых детей похоронили»

Вспоминает Александр Николаевич Кривенко

(род. 1946)

Все наши родственники проживали в Белгородской области, в селе Погромец Волоконского района. Деда моего Ивана Пантелеевича Кривенко и бабушку Василису Егоровну с много-

численным семейством раскулачили в 1930 году. У Ивана Пантелеевича было десятеро сыновей и семь дочерей. В хозяйстве имелись два тягловых быка, лошади, две коровы, овцы, свиньи, гуси. Был весь необходимый для обработки земли инвентарь, мельница. Работали с раннего утра до позднего вечера. Бабушка варила похлебку из буряка (свеклы), ели с ржаным хлебом, запивали квасом и шли на работу. А около комбеда сидят комсомольцы, смолят самокрутки и обзывают нашу семью кулаками, сами опухшие с голоду, зато при власти.

Когда деда раскулачивали и погружали на подводы для отправки из села, к папе, Николаю Ивановичу, прибегает мама и говорит: «Мыкола, деда уже грузят, на нас тоже косо дывятся, может, тоже поидедем, поубивают еще...» Мои родители Николай Иванович Кривенко (1906) и Елена Ивановна (1911) жили отдельно, у них было пятеро детей. Они поехали с дедом добровольно, так как их в селе называли подкулачниками. Родные были высланы по доносу капитана КГБ, который после высылки хозяев стал жить в дедовом доме.

Везли высланных на поезде, в одноосных вагончиках. Привезли в город Архангельск, поселили в церковь. Туалетов не было. Из Архангельска семью разослали по разным местам: бабушку — в Солombsалу, деда — в Комсомольск, папу с мамой — на берег реки Емцы в Архангельскую область.

Что они поимели на реке Емце? Вырыта канава в высоком берегу, стропила поставлены, и больше ничего. И сказали: вот здесь будете жить. Стали таскать еловые ветки, стали делать яруса в канаве этой, соорудили восемь ярусов. И все это закрывали елками и чем попало. Наши были на восьмом ярусе. На первом ярусе замерзали люди, и замерзала вода. Топили круглые сутки, но тепло не держалось. Вот такое жилье досталось моим родителям на реке Емце, точнее на озере Вшивом. Из Белгородской области родственники писали письма по адресу: Архангельская область, Плесецкий район, Северная железная дорога, 9 километров в сторону. Бабушка с посторонней помощью писала письма

в правительство с просьбой воссоединить семью. Через три или четыре года бабушка с дедом приехали в Шелексу.

Пятерых привезенных с собой детей мои родители всех похоронили. И снова мама родила пятерых: Валентина в 1935 году, Алексея в 1937-м, меня, Александра, в 1946-м, Анну в 1949-м и Владимира в 1951 году.

Поселок Шелекса основан спецпереселенцами. Родители всю жизнь прожили в этой Шелексе. И когда в 1948 году разрешили уезжать обратно, мама отправила папу поискать для приобретения дом в Белгородской области и давала напутствие: «Смотри, чтоб не горелый, смотри, чтоб нормально, выбирай дом хороший, не колдовской, дывись, шоб було не смеття (мусор)». Когда папа возвратился и рассказал о присмотренном им доме для покупки, мама сказала: «Смеття». Они всегда говорили на смеси русского с украинским языком.

Прожили всю жизнь на Севере, и батька никогда и нигде никого не обидел, держал язык за зубами. Верховодила в семье мама, папа всю жизнь прожил за спиной у нее. Помню, бывало, приходит папа с кузницы (кузнецом работал) и говорит: «Матэ, приходил отой и приходил отой, отой то сказав, а отой то сказав», а мама ему: «Шо, от завтра я ему вставлю, так мало не покажется». Мама приходила к начальнику, стучала по столу и говорила: «Шоб Мыколе був отпуск две недели летом для покосу, чтоб хлопцы были сыты и одеты, чтоб зимой корова была накормлена и молоко было». Работала она разнорабочей, колола дрова, топила, делала уборку, белила в гараже, конторе и общежитии.

В 1953 году мы построили свой дом, а до этого жили в доме на двоих, с нами татарка жила Гайнуллина. Она скажет стишок: «А суп кипит совсем пустой...», а моя мама предупреждает: «Ты такого больше не говори, а то посадят». Когда семья обжилась, родители заготавливали на зиму квашеную капусту, грибы, толченую бруснику (все бочками), закупали с осени по паре мешков муки и сахарного песка, держали корову, мама заготавливала прессованный творог с изюмом в специальных формах

в виде ящичков, зимой этот творог был для нас деликатесом. Каждую неделю пекла пироги.

В поселке все жители были высланные из разных мест, но в основном фамилии кончались на -ко. Были и финны, которые отличались особым трудолюбием. Построен поселок на чистом месте силами спецпереселенцев. Потом, уже постепенно, появился железнодорожный вокзал, лесопункт, в годы войны — отделение строительства № 203 (строительство № 203 НКВД возводило завод № 402 и город Молотовск, управление располагалось в Молотовске). От строительства № 203 был гараж, автопарк и рабочая сила, вольнонаемные и заключенные. Они грузили лес на железнодорожные вертушки (короткие платформы), лес шел в Молотовск на возведение гидротехнических сооружений. Заготовку леса проводили в сторону Онеги. Там, в Шелексе, строили аэродром, впоследствии его использовали только для самолетов, производивших лесопосадки (рассеивали семена хвойных деревьев на лесные вырубки).

У меня в паспорте местом рождения указано: «Спец. поселение», на основании этой записи мне выдали удостоверение пострадавшего от политических репрессий. В школе мы учились до седьмого класса в Шелексе, отношение со стороны учителей к нам было хорошее. В 1959 году я приехал к старшему брату в Молотовск, здесь окончил семилетку, техникум и втуз в 1978 году.

У меня двое детей и три внуки.

Записала Г. Шаверина, 2014—2015 годы, Северодвинск

Связь между собой не теряли

Вспоминает Лидия Васильевна Мартынова (род. 1944)

Семья в составе деда Ивана Ивановича Курицына (1870), бабушки Анисьи Григорьевны (1874), детей Михаила, Александра, Марии (1919), Анастасии проживала в деревне Ворзогоры

Онежского района Архангельской области. Три дочери, Ольга, Клавдия и Анна, были замужем и проживали отдельно от родителей. Семья имела дом, землю, гумно, инвентарь, домашний скот, мельницу и судно на паях. В колхоз не вступали. Были раскулачены в 1931 году зимой (якобы поводом послужило то, что кому-то из местной власти дед не смолот зерно вне очереди). Семью вывезли в Коми Республику, в деревню Песчанку. Дед погиб на спецпоселении в 1933 году при невыясненных обстоятельствах. О дальнейшей судьбе дядей Михаила и Александра мы знаем очень мало. Михаил перед войной проживал в Печоре, был женат. Александр воевал на фронте, дальнейшей судьбы точно не знаем. Анастасия умерла от туберкулеза. Мария, наша мама, жила в гражданском браке с Василием Марковым, тоже из семьи раскулаченных, у них родились дети: Надежда в 1940 году, Владимир в 1941-м, Виктор в 1943-м, я, Лидия, в 1944-м, Александр в 1947 году.

Родители на поселении работали радистами или телеграфистами. В 1949 году в Кедровом Шоре умерла бабушка Анисья. В 1950 году умерла мама. Папа завел другую семью. Мы, дети в возрасте 10, 8, 7, 5 и 3 лет, остались сиротами.

Вначале нас устроили в приют и сообщили родственникам в Онежский район о том, что дети осиротели. Приехала дочь тети Клавдии (маминой сестры), всех увезла в Онежский район. До Печоры ехали на лошадях, далее до Онеги по железной дороге. Викторю взяла на воспитание тетя Оля (мамина сестра), Владимира, Надежду и Александра — тетя Клавдия, меня, Лидию, — однофамильцы, которых я звала мамой и папой. В 1954 году умерла тетя Клавдия, опекунство над детьми оформил ее муж, но после повторной женитьбы от опекунства отказался. Надежда осталась в семье Завьяловых, у матери подруги. Потом окончила школу ФЗО, до пенсии работала в сфере торговли. В настоящее время проживает в Анапе. Мальчиков направили в детский дом, располагавшийся в деревне Поле Онежского района. Тот детский дом был предназначен

для детей из семей репрессированных родителей. Дети просили не отправлять их в детдом, согласны были есть только картошку и хлеб, маленький Александр особенно горько плакал и разорвал на себе рубашку во время посадки на пароход. Вскоро дети направлены в разные детские дома: Виктора — в Малую Слободу Мезенского района, Александра в Цигломень, Владимира в Архангельск. Связь между собой мы, дети, никогда не теряли.

Я в Онеге окончила десять классов, педучилище в Каргополе. После окончания педучилища работала в Онеге учителем начальных классов. В 1968 году вышла замуж и переехала в Северодвинск. Работала в службе связи. Имею троих детей. Брат Владимир учился в строительном техникуме в Архангельске, служил в армии, жил и работал в городе Соколе Вологодской области. Виктор окончил ремесленное училище и Северодвинский политехникум, работает на Севмашпредприятии. Брат Александр получил образование в политехникуме, служил в армии. Позднее в Ленинграде получил специальности экономиста и юриста. Проживает в Москве. Все дети никогда никому не говорили о том, что их родители были раскулачены, чтобы не возникало лишних вопросов.

Дом дедушки и бабушки в деревне сохранился до сих пор. После выселения семьи дом использовался для ремонта сетей (колхоз был рыболовецкий). Позднее это были детские ясли и жилье. Внукам за дедовский дом возместили мизерную сумму. В деревне было раскулачено много семей. В память о них односельчанами установлен знак.

Брат, Александр Марков, написал такое стихотворение.

По следам Ломоносова

Места умели выбирать поморы.
И если на пригорок я взбегу —
Увижу деревеньку Ворзогоры
У моря на высоком берегу.

Зимою здесь белым-бело от снега,
А летом — комариная пора,
Правее — не спеша течет Онега,
Двине-соседке младшая сестра.
Леса, угодя — все для жизни полной.
Селись, хозяйствуй, заводи детей.
Внизу лениво море катит волны
Сквозь частокол мережей и сетей.
Смотрю я на бревенчатые стены,
И к горлу подступает острый ком —
Конечно, здесь большие перемены,
Но я всегда узнаю деда дом.
Не суждено мне было в нем родиться,
Распорядилась так тогда судьба,
Еще кому-то, может быть, сгодится
Столетняя поморская изба.
Стара она, но все ж, наверно, помнит,
Как в свете керосинки иль свечи
Дед возвращался с сыновьями с пожни,
А бабка хлопотала у печи.
Но власть тогда была у нас сурова:
А, на беду, дед мельницей владел,
Еще в хозяйстве числилась корова
Да парочка рабочих лошадей.
Решеньем деревенского комбеда
Причислили хозяина к врагу,
И загремело все семейство деда
В далекую печорскую тайгу.
За тыщу верст — родимая сторонка,
А в Усть-Усе морозы посильней,
В семье же дочь — совсем еще девчонка,
Что стала позже матерью моей...

*Записала Г. Шаверина,
2011, 2015 годы, Северодвинск*

«Говорила одно слово — прикло*»

Вспоминает Ольга Владимировна Амелина
(род. 1938)

Мои родные: дедушка Марк Прокопьевич Кухаренок, мама Ольга Анатольевна (1903), папа Владимир Маркович (1899), мой брат Евгений (1927), сестры отца Софья (1908?) и Елизавета (1895?), братья отца Клим (1900), Герасим (1903) и Михаил (1914) — проживали в Минской области, Логойском районе, в деревне Большие Бесяды. Семья занималась сельскохозяйственным трудом. Замужняя сестра папы Елизавета жила со своей семьей в соседней деревне. Многочисленная работающая семья деда имела свое хозяйство: несколько коров, лошадей, гусей, уток, кур и весь необходимый хозяйственный инвентарь (косилки, грабилки, косы, плуги, бороны, грабли и т. д.). Проживали в старом доме, уже был выстроен новый, просторный, на каменном фундаменте, но еще предстояло устранить некоторые недоделки. Папа отслужил краткосрочную службу в армии.

Летом 1930 года папу предупредили, что местные власти планируют его семью раскулачить. Той же ночью семью, семерых человек (сестра Софья в ту ночь была у Елизаветы и таким образом избежала выселения), по решению председателя сельского Совета и партийной ячейки, без суда и следствия, погрузили на телеги и доставили на железнодорожный вокзал в Минске. Там погрузили в теплушки и долго, иногда выгружая и пешим этапом, затем опять в теплушках, везли в неизвестном направлении. Родители об этой перевозке никогда подробностей не рассказывали, только иногда мама прикрывала глаза, качала головой и говорила одно слово — прикло, то есть очень страшно. Дедушка, как мог, успокаивал семью, говорил, что они, привыкшие к работе, выживут и на новом месте. Отец тоже был уверен, что выживут, так как ехали всей семьей вместе.

* Страшно (белорус.).

Привезли в Котлас, разместили в бараке с земляным полом и нарами. Вскоре заболели и умерли от воспаления легких дедушка Марк Прокопьевич и трехлетний Евгений. Мужчины работали на лесоповале. Папу увезли что-то строить на Бакарицу, но он оттуда сбежал к семье.

В 1931 году моих родителей и дядю Михаила направили в Верхнетоемский район на сплавные работы. Там семью неоднократно переводили из одного поселка в другой (Талец, Паткурские и так далее). В 1939 году направили пешком за 150 километров от Верхней Тоймы в деревню Выйскую. На этом этапе, вероятно обессилев, пятнадцатилетний Михаил отстал от семьи и, скорее всего, погиб. В Вые тоже не пришлось жить на одном месте, направляли на различные лесобазы (Шоча, Выманец, Турдово, Гари, Осяткино). На каждом новом месте родители в первую очередь сооружали хлев для коз и кур, разрабатывали новый участок под огород. В Шоче я ходила в ясли. Помню: барак длинный, и печка топится.

В 1936 году в семье родился сын, который умер через четыре дня. В 1938 году родилась я, в 1943-м — сестра Тамара, в 1946-м — Лидия. Папа в 1939 году полгода лечился в Архангельске от плеврита. С декабря 1941-го по декабрь 1945-го мы с мамой проживали на глухом участке Ертома, в тридцати километрах от того лесопункта, где работал папа. Мама там работала конюхом. Так как в Ертоме не было школы, а мне пора было учиться, мама настояла на переводе ее в лесопункт Турдово, который располагался ближе к деревням со школами.

В школу я пошла в восемь лет, с первого по третий класс училась за пятнадцать километров от места проживания, в четвертом классе жила с родителями, в шестом и седьмом классе училась за восемь километров от дома. Так учились все дети спецпереселенцев, проживали на частных квартирах, позднее жили в интернатах. По субботам после уроков мы стайкой бежали в свой поселок. В воскресенье родители нас провожали в школу, мама или папа четыре—шесть километров носили меня

на плечах. В третьем классе я уже бегала сама. Расставаясь со мной, мама всегда плакала.

До 1952 года наша семья не имела собственного, отдельного жилья, проживали в многосемейных бараках. В Турдове в бараке проживало пять семей. Наша семья из пяти человек имела две односпальные кровати, рядом муж и жена на одной кровати, затем женщина с ребенком на кровати и так далее. В бараке был большой общий стол, скамейки, большая глинобитная и голландская печи, две бочки с водой, умывальник и ковш. Сырую одежду сушили тут же в бараке. Жили дружно, взрослые не ссорились, не бранили детей.

В конце 40—начале 50-х годов из спецпоселка люди стали разъезжаться, мы их провожали, иногда плакали. Белорусские семьи возвращались в Белоруссию, польские — в Омскую область к родственникам. Поскольку взрослые были мало или совершенно неграмотные, мы, дети, окончившие четыре-пять классов, читали вслух приходившие письма и писали ответы. Писать нам стали и уехавшие. Запомнились жизнерадостные письма из Воркуты и грустные из Белоруссии, так как там пришлось трудно из-за отсутствия жилья. С хорошими известиями приходили письма из Прибалтики, жилось там сытно, дети учились в хороших школах. Мы завидовали тому, что девочки ходят в школу с бантиками в косичках. В 1952 году из поселка уехала в Белоруссию заведующая детскими яслями, она прислала любимым девочкам атласные ленты, мы этим девочкам тоже завидовали. Многого из написанного в письмах не понимали, например, что такое трамвай, двух- или трехэтажный дом, такси, легковые машины; удивлялись наличию мужских и женских школ.

Еще мы завидовали местным детям, которые жили в отдельных, собственных домах. Я любила ходить к ним в гости, с удовольствием помогала подружкам носить воду, дрова и выполнять другие работы по дому. Местное население относилось к нам хорошо, называли переселенцами, но без обиды. Я хорошо

училась в школе, давала желающим списывать домашние задания, дружила со всеми. А мальчишки помогали мне натирать лыжи свечкой, чтобы лыжи лучше скользили по снегу.

Отдельное жилье для своей семьи мы получили в августе 1952 года в поселке Осяткино. Это были комната и кухонька в финском домике, с отдельным входом. Я вышила штору для окна в комнате, на кухонное окно повесили тюлевую штору и белые занавески. Папа соорудил стол и скамейки. Мама застлала кровать красивым, заранее приобретенным одеялом. Это было шикарно! Это был восторг!

В 1954 году, после окончания семи классов, я поступила учиться в Маймаксанское медицинское училище. Окончив училище, получила направление на фельдшерско-акушерский пункт в деревню Солзу. Здесь вышла замуж. Много лет работала медсестрой в Северодвинской детской больнице. Сестра Тамара окончила педагогический институт, работает учителем начальных классов в Минске. Сестра Лидия окончила ПТУ, работала паспортисткой. Родители жили на поселении до 1959 года, так как хотели заработать пенсию и собрать деньги на покупку дома в Белоруссии. К 1947 году накопили семь тысяч, которые, при денежной реформе, обесценились до 700 рублей. Мама и папа тихо плакали. В 1959 году родители вышли на пенсию. Папе, отработавшему 29 лет на лесоповале, назначили пенсию в 120 рублей. Мама, работавшая то конюхом, то уборщицей или разнорабочей, стала получать 45 рублей. И все же в 1959 году они купили домик с приусадебным участком в Минской области. Сестры пошли в школу уже в Белоруссии.

О судьбе дяди Клим Марковича не знаю ничего. Дядя Герасим Маркович работал грузчиком на лесозаводе № 10 в Архангельске, был женат, имел ребенка. В 1937 году 26 сентября был арестован, 13 октября тройкой УНКВД по Архангельской области приговорен к 10 годам лагерей за «контрреволюционную агитацию». Скончался в местах лишения свободы в 1943 году. Срок отбывал в Удмуртской АССР.

В годы Великой Отечественной войны из Белоруссии в Германию на работу были увезены мамыны родственники, в их числе была увезена мамаина младшая сестра Юлия Антоновна с двумя детьми. После окончания войны все возвратились в Белоруссию. Семья маминоного брата вместе с детьми жила в деревне, сожженной немцами за помощь партизанам.

*Записала Г. Шаверина, 26 июля 2010 года,
д. Солза — Северодвинск*

«Вот когда раскулачивать-то меня надо» Вспоминает Любовь Сергеевна Хруцкая (род. 1938)

Мой дедушка Максим Васильевич Лепехин, бабушка Елена Ильинична, их женатый сын Сергей (мой отец), дочь Мария, шести лет, и подросток Максим проживали в Астраханской области, в селе Золотуха Харабалинского района. В хозяйстве был дом, две коровы, овцы, сельскохозяйственный инвентарь. В сенокос нанимали работников. Дедушка был казначеем в церкви, думаю, что это послужило основной причиной раскулачивания. Раскулачили их в 1930 году. Мои папа с мамой и тремя детьми поехали за родителями добровольно. Максим сбежал при раскулачивании, о его судьбе семье ничего неизвестно до сих пор.

Везли до Котласа в холодных телячьих вагонах, малолетние дети моих родителей все трое умерли в дороге. От Котласа до Архангельска везли на барже. Высадили на берег недалеко от Летней Золотицы Беломорского (ныне Приморского) района. Спецпереселенцы сами построили бараки, разработали землю, создали сельскохозяйственную артель. В окрестностях Золотицы кроме нашего поселка Конюхово был создан чисто переселенческий поселок Лопатка, проживали высланные также и в Дуракове, Кеге. Переселенцы были в основном из Украины, из Татарстана, Астраханской области.

В нашей семье на поселении родились дети, первые два ребенка умерли в младенчестве. Выжили брат Алексей (1933), я родилась в 1938-м, сестра — в 1940 году. Мама задохнулась в погребе в 1943 году. Папа остался с тремя малолетними детьми на руках. Ему дали бронь от призыва на фронт, трудился он в рыболовецком колхозе.

В зимнее время мужчин направляли на ловлю тюленей для Молотовска. Мы тоже ели тюленье мясо и сало. Тюленину вымочим, натушим с картошкой и положим много лаврового листа. Нас воспитывать помогала бабушка Елена Ильинична. После войны папа женился на местной девушке, у них родилось еще четверо детей. Будучи детьми, мы добывали водоросли, чаще в июле месяце (в июле море более спокойное), во время отлива собирали анцельфин, сортировали его и сдавали по цене 24 копейки за килограмм.

Когда я стала постарше, мне разрешили выезжать на карбасе за анцельфином одной, цепляла водоросли драгой с некрупных камней и тащила в карбас, отдирать с крупных камней у меня не хватало сил.

Начальную школу я окончила в своем поселке, с пятого по седьмой класс училась в Золотице, жила в интернате, сама себе готовила еду. Отношение к нам со стороны местного населения, учителей было нормальным, явную недоброжелательность я чувствовала только от директора школы. Большую моральную поддержку нам оказывала учительница Тамара Кузьмовна Рекина.

После окончания седьмого класса папина сестра тетя Мария устроила меня в няньки в Архангельск, там же я стала учиться в вечерней школе. Получив паспорт, устроилась посудомойкой в столовую военторга, позднее стала работать поваром. Через пять лет вышла замуж и переехала в Северодвинск.

После смерти Сталина спецпереселенцам разрешили выезд из мест поселения, многие уехали обратно.

Наш папа не поехал, вероятно, потому, что была большая семья и жена из местных. В 1955 или 1956 году семья переехала

на Соловки. Там обжились, завели хозяйство, корову, овец, кур. «Вот когда меня раскулачивать-то надо», — шутил отец.

Родители похоронены на Соловках. У меня двое детей, трое внуков.

Записала Г. Шаверина, 2012 год, Северодвинск

А делить общественный хлеб выбрали бывшую «кулачку»

Рассказывают Евдокия Васильевна Лебедева (Сидорова) (род. 1929) и ее дочь Софья Анатольевна Майская

Мои дед Илья Евдокимович Марков (примерно 1880 года рождения) и бабушка Александра Стефановна проживали в деревне Чевакино Подгорного уезда (сейчас Холмогорский район) Архангельской губернии. В семье было двенадцать детей: Пелагия (1901), моя мама, Иосиф (1902), Наталья (1903), Евдокия (1906), Тимофей, Алексей, Анастасия, Ульяна (1913), Мария и Григорий (1916), Арсений и Параскева (1921).

Еще задолго до революции дед Илья работал в строительной артели в Архангельске. Для своей большой семьи поставил в Чевакино двухэтажный дом. Бабушка Александра помогала принимать роды в окрестных деревнях, доктора, приезжавшие после нее, хвалили ее как хорошую повитуху.

Дед с бабушкой жили дружно, всех детей вырастили, кроме двоих, умерших от детских болезней в небольшом возрасте. Старший сын Иосиф воевал в Белой армии, он умер от тифа.

Илья Евдокимович воспитывал детей строго — два младших сына, Григорий и Арсентий, закурили лишь на войне, в Отечественную.

Семью раскулачили после 1929 года: отобрали дом (какое-то время в нем размещалась школа, но быстро сгорела), вещи, лошадь, скот. Бабушка Александра горько плакала. Оправить-

ся от этой беды было тяжело. Семье пришлось перебраться к родственникам в соседнее Соснино. После работы, в выходные Илья Евдокимович снова выстроил дом, уже в Соснино, правда небольшой, но очень красивый (он до сих пор там стоит).

Когда во время войны нужно было выбрать самого честного человека, чтобы выпекать и делить общественный хлеб для односельчан, то выбрали бывшую «кулачку», нашу бабушку. Сама Александра Стефановна и умерла в 1942 году от голода вслед за мужем.

А двое их сыновей, Григорий Ильич и Арсений Ильич, прошли всю войну, с боевыми наградами, вернулись живыми.

Старшая дочь, моя мама Пелагия Ильинична, вышла замуж за Василия Сергеевича Сидорова, моего будущего отца. Репрессии коснулись и папиных родных в Архангельске. Помню, как уводили двоюродных братьев и дядю отца, дом их стоит до сих пор на улице Урицкого. (Дядя до революции был рыбопромышленником, его суда ходили даже за границу.) Мне было тогда лет пять, это было примерно в 1935 году. Перед их арестом они смогли отдать какое-то имущество родным в деревне, попрощались с родственниками. Больше мы их не видели.

Папа, участник Первой мировой, с большим уважением вспоминал царских офицеров, совсем не так, как учили в советское время. Никакого рукоприкладства офицеры себе не позволяли, только унтеры, вышедшие из крестьян, могли ударить солдата. Помнил, как офицеры просили солдат во время боя прикрывать его, единственного сына вдовы. Папа радовался, что в страшной (это он о гражданской) войне ему не пришлось участвовать: он переболел тифом и стал слепнуть, из армии списали.

Внуки и правнуки Ильи Евдокимовича и Александры Стефановны живут не только в Холмогорском районе, но и в Северодвинске и Архангельске и за границей.

Р. С. Софья Анатольевна рассказала, как бабушка, Пелагия Ильинична, о родных мужа, о своем отце, Илье Евдокимовиче,

о других осужденных новой властью говорила как о «самолучших людях». Еще в семидесятые годы одергивала внуков, когда те приносили из школы рассказы о расстрелянных и потопленных здесь на баржах красноармейцах: «С золотыми-то зубами красноармейцы? Не врите». Такие черепа вымывала Северная Двина долгие годы. Ей, чей муж был из семьи репрессированных, было, конечно, видней.

Р. Р. S. Внук Ильи Евдокимовича, Михаил Григорьевич Марков, женился на Ирине Яковлевне Разиньковой, дед по матери которой (звали его по иронии судьбы тоже Михаилом Григорьевичем, а фамилия Ковтун) в тридцатые был также раскулачен. Семья жила в Днепропетровской области, дед владел мельницей, да обвинили еще, что использует труд батрака, а «батрак» был приемным сыном, взятым в семью сиротой. Высланы они были в Крым.

*Записала и обработала Ирина Горячева (Маркова),
правнучка Ильи Евдокимовича, 2012—2017 годы*

«Мама не пустила меня учиться в седьмой класс»

Вспоминает Чеслава Норбетовна Воробьева
(род. 1927)

Наша семья, состоящая из деда Франца Иосифовича Нехведовича, бабушки, папы Норбета Францевича Нехведовича (1908) и мамы Марфы Петровны (1907), проживала в Минской области, в деревне Шиленцы Бегомльского района. У деда было свое хозяйство. В 1930 году дед отказался сдать свою лошадь в колхоз, за что семья моего папы была вывезена в Котласский район Архангельской области.

Мне было три года, сестре менее года. По дороге в Котлас сестра умерла. Через год дедушка увез меня к маминой сестре

в Белоруссию, и я прожила там до 1940 года. Летом 1940 года мама приехала за мной.

Жилья постоянного у ссыльных не было, их распределяли по колхозам. Примерно в 1941 году семья обосновалась на сплавном участке Яреньга Ленского района. Мама работала кладовщиком, папа водил катер. Я с четырнадцати лет работала на лесобирже (грузила лес в вагоны) и на сплавном участке (сортировали лес баграми).

После закрытия сплотки (формирования плотов) пошла в шестой класс, который закончила в 1942 году. В седьмой класс идти мама мне не разрешила, чтобы не забрали после окончания в ФЗО и не разлучили с семьей. Тогда я стала работать летом на запани, а зимой на лесозаготовках. Возила лес на лошади. В лесопункте жили в основном подростки. Вечерами ходили в клуб, танцевали под гармошку, чаще краковяк.

В 1946 году семья по объявлению переехала в город Молотовск. Мама здесь работала пескоструйщиком на заводе, папа — стропальщиком.

В 1949 году в Молотовске я окончила обучение в ФЗО и стала работать на заводе № 402, в цехе № 31, изолировщицей на сборке фланцев. Мы ходили в море, контролировали качество своей работы. Потом работала разнорабочей, а с началом строительства подлодок меня с завода уволили, так как исчезла необходимость в моей специальности.

В 1951—1952 годах работала помощником кладовщика в Фондаментстрое на строительстве нового моста на Ягры. Выдавала заключенным инструменты. Однажды через стенку услышала разговор заключенных о том, что не проиграть ли сапоги кладовщицы (сапоги были новые, мне мама покупала в Москве). Я испугалась и стала рассчитывать с этой работы. Кладовщик меня уговаривал не уходить, убеждал, что политические заключенные шутили, что они вообще скоро освобождаются и через три месяца уезжают.

В это время в городе набирали учеников фотографов. Я пошла на курсы. Окончила их и до 1991 года проработала в «фо-

тографии» в Горпромкомбинате (на проспекте Ленина). Иногда направляли фотографировать заключенных в зоне.

Записала Г. Шаверина, февраль 2010 года, Северодвинск

«Упавших не разрешали поднимать»

Вспоминает Тамара Николаевна Лисина (1946—2012)

Мой папа Николай Иванович Попов жил в большой семье в Татищевском районе Саратовской области. Семья имела собственный дом, хозяйство, держали коров, лошадь, кур, выращивали лен, табак, хлеб, обеспечивали себя всем необходимым для жизни. Изготавливали льняные ткани. С увеличением состава семьи к дому делались пристройки.

В 1930 году семью раскулачили и выслали. Вначале доставили в Архангельск, затем на барже в поселок Орлецы. Мужчины работали на заготовке леса. Зимой жили в землянках и шалашах, спали на голой земле. Утром отдирали примерзшие волосы и одежду от земляного пола. Работали по пояс в снегу. Была высокая смертность от голода, холода и болезней. Людей, упавших на дорогу по пути на работу или с работы, не разрешали поднимать. Питались сырыми грибами, которые толкли вместе с ягодами в сплетенных из бересты корзинках. Собирали крапиву и лебеду, причем даже эту собранную траву могли отнять охранники. В пищу шли и березовые опилки.

Папины братья скончались от голода и холода, места их захоронения неизвестны, так как охрана куда-то увозила умерших. Моя бабушка тоже вскоре умерла на месте поселения. Папа остался один. Женился в поселке, родилось пятеро детей, в том числе я, Тамара, в 1946 году, и четыре брата. Папа построил собственный дом. Мама работала сучкорубом на лесозаготовках, она была тоже из среды спецпереселенцев. Папа умер в 1979 году.

Записал И. А. Чумак, 1991 год, Северодвинск

Рассказывают дети Тамары Николаевны Сергей и Наталья

Мама в начале 60-х годов выехала из Орлецов на учебу в Цигломень, училась на браковщика. Из Цигломени молодежь ходила на танцы на станцию Бакарица. Там в клубе познакомилась с нашим папой Лисиным. Папа тогда учился на столяра-плотника. После учебы его направили на работу в Северодвинск, на ДОК-2. Привез сюда маму. Мы родились в Северодвинске. Мама работала сверловщицей в цехе № 8 на Севмашпредприятии.

Наш папа тоже из семьи раскулаченных. Его родители высланы из Вологодской области на станцию Бакарица в Архангельскую область. Дед по папе работал машинистом на железной дороге. Во время войны перевозил грузы, приходящие по ленд-лизу в московском направлении. В одиночку заготавливал дрова для тендера. Скончался вскоре после войны. Бабушка тоже работала на станции Бакарица. Скончалась в 1990 (или 1991) году.

Получается, что в нашей семье два поколения раскулаченных спецпереселенцев.

Записала Г. Шаверина, 2014 год, Северодвинск

«Умерших детей охранники выкинули из вагона»

Вспоминает Алевтина Даниловна Рогова (род. 1939)

Семья моего дедушки Савелия Федоровича Савина, 38 лет,— бабушка Мария Ефремовна, 38 лет, мой будущий папа Даниил, 16 лет, его братья Степан, 15 лет, Николай, 2 лет, Иван в грудном возрасте, сестры Елена, 13 лет, Анна, 7 лет, и Елизавета, 5 лет,— проживала в селе Баевка (позднее Безобразовка) Павловского района Пензенской области. Это была крестьянская семья труженников. Все, кроме самых маленьких, трудились в поле. Ма-

ленькие находились тут же, под кустом, под присмотром одной из сестер. У семьи был дом, лошадь, без которой было невозможно обрабатывать поле для огромной семьи, корова, жеребенок. Обеспечены были только самым необходимым, чтобы можно было выжить и трудиться. На что бы они жили, если бы лошадь и корову сдали в колхоз? В доме на всю семью была одна кровать (на девять человек). Все, что имела семья на момент раскулачивания, перечислено в архивной справке.

Зимой 1930 года всю семью, всех девятерых, по решению местной власти без следствия и суда выгнали из дома, не разрешили ничего взять ни из одежды, ни из еды, не дали взять для грудного ребенка пеленку или полотенце, чтобы было чем перепеленать в дороге. Это злодеяние, наверное, потрясло их самих, так как никто не смог поселиться после изгнания семьи в доме. И дом, и все постройки были раскатаны по бревнышку.

Семью после раскулачивания на санях довели до районного центра, погрузили в товарный, неотапливаемый вагон и увезли на Север. В дороге умерли грудной и двухлетний ребенок, умерших детей охранники выкинули из вагона в снег.

Семью вначале привезли в Архангельск, оттуда направили в Плесецкий район, в поселок № 13, позднее в поселок № 17. Поселили в школе, в маленькой комнатке. Бабушка в школе работала уборщицей.

Мой будущий отец, Даниил Савельевич, за то, что возмущался положением семьи и всем тем, что с семьей сделали, был в 1933 году осужден на 5 лет. Срок отбывал в Воркуте. Его брат Степан был отправлен на строительство города Молотовска (позднее он очень смеялся над официальными заявлениями, что город Северодвинск построен комсомольцами, и наотрез отказывался ехать ко мне в гости из-за тягостных воспоминаний).

Дедушка в 1934 году умер в Вологде. Мы не знаем, где его могила. Семья обращалась к местной власти по старому месту жительства с просьбой разрешить им возвратиться обрат-

но. Было отказано. В выписке из протокола № 1 и 2 заседаний сельизбиркома Безобразовского сельского Совета Павловского района СВК от 12.10.1934 года написано: *«Оставить в списках лишенных избирательных прав Савина Савелия Федоровича со всеми членами семьи как кулака до и после революции, эксплуататора, высланного за пределы края за противоклхозные выступления...»*

Мою будущую маму, Елизавету Александровну, направили в поселок, в котором жила семья Савиных, работать учительницей, она организовала школу рабочей молодежи. Папа после возвращения из Воркуты обучался в этой школе. После окончания школы его направили на курсы зоотехников (или ветеринаров), по этой специальности он и работал, разъезжая по району по приказу начальства.

Папа был очень трудолюбивый человек, работал за ветеринара, за бригадира, отвечал за все посевные работы, за подготовку кормов, за выращивание в совхозе сельхозпродуктов. Позднее его назначили еще и директором совхоза. И он за одну мизерную зарплату работал и отвечал за все по-прежнему. А когда у него случился инфаркт, назначили вместо одного его пятерых человек, и у каждого была зарплата.

Папа никогда не сидел без дела. И еще очень любил людей. Откликался на каждую просьбу. В ночь-полночь постучатся в дом — у кого теленок заболел, корова не может отелиться, поросенок заболел — он тут же одевается, берет шприцы и лекарства и идет, хотя и не обязан этого делать. Никогда не ворчал, не считался ни со временем, ни со здоровьем. Чтобы привезти воз сена для своего хозяйства, он в выходной день вставал в три часа ночи, запрягал лошадь и уезжал. Возвращался поздно вечером, разгружал воз с сеном, отводил лошадь в конюшню. Приезжал уставший и промерзший. Для нас, детей, всегда оставлял кусочек хлеба и говорил: «Хлеб вам прислала лисичка». Мы всегда радовались и просили его рассказать нам сказку на ночь. Он ужинал и ложился спать. Мы забирались к нему. Он

начинал рассказывать и засыпал от усталости, а мы его тормозили. Папа говорил: «Они еще едут. Вот поспим, они приедут, и я вам тогда дорасскажу». Папа никогда не срывался, не повышал голоса. За всю мою жизнь я не знала от него другого обращения, кроме как «доченька» и «Алечка». Папа перенес два обширных и четыре микроинфаркта.

Папин брат Степан после возвращения из Молотовска женился на Серафиме Ивановне Баданиной. Отец тети Симы был священником в Вологде. В свое время он организовал строительство пяти домов: для семьи священника, больницу, школу, магазин и постоянный двор со столовой для проезжающих. Со всей области люди приезжали лечиться, привозили в магазин продукцию со своих огородов. Отца Иоанна расстреляли. Симу спасли прихожане, взяли в свою семью. Семью ту раскулачили и привезли туда, где была на поселении наша семья. Дядя Степа с тетей Симой работали на лесозаготовках, валили лес, обрабатывали его, грузили. У них было пятеро детей. Мы часто ходили к ним в гости.

Старшая сестра папы, Елена, вышла замуж за военнослужащего, который после войны к ней не возвратился, уехал с военной подругой в Мурманск. Тетя Лена воспитывала дочь одна. Работала она уборщицей в Плесецкой конторе леспромхоза. Мыла полы и отапливала двухэтажное здание.

Младшая папина сестра, Елизавета, вышла замуж и уехала с мужем в Туапсе. У них было двое детей. Средняя папина сестра, Анна, выучилась (по направлению) на шофера, работала на грузовике. Позднее научилась портновскому делу, была искусная мастерица. Замуж вышла за оперуполномоченного НКВД, они уехали в Пермскую область. Там Анна окончила с отличием десять классов и стала преподавать математику в старших классах. Будучи на пенсии, они тоже поселились в Туапсе.

Я до сих пор помню, как в детстве местные дети показывали на нас с братом пальцем и называли врагами народа. Отношение со стороны взрослых было различным. У нас было чувство

полного смирения со всем, подавлена всякая воля, испытывали постоянный страх. Это клеймо давило, лишало радости, постоянно убивало. Маму еще до замужества исключили из комсомола за дружбу с врагом народа. Она написала письмо Крупской. После этого ее в комсомоле восстановили, но она принципиально не поехала в райцентр за комсомольским билетом.

До исполнения мне восемнадцати лет семья проживала в одной комнате, всего восемь человек, в бараке без удобств (папа, мама, мы с братом, мамина сестра с дочкой и мамин брат). Жили мы очень бедно, весной собирали на полях мерзлую гнилую картошку, мама ее мыла, терла на терке и пекла лепешки. Однажды папа сварил кошку — нам сказал, что сварил кролика. Я в возрасте четырех лет ходила в соседний поселок за хлебом по карточкам. С хлебом бежала мимо детского дома, дети бежали за мной, но хлеб у меня не отнимали, а я этого боялась. Мама меняла хлеб на муку и делала из муки мусенку (мучную болтушку). В День Победы совхоз впервые выделил крупы и молока, я первый раз в жизни поела каши. Когда я училась в пятом классе, мне сшили пальто «на вырост», которое мне до сих пор велико. Я окончила пединститут, с 1966 года преподавала русский язык и литературу в школах города Северодвинска.

Воспоминания записаны лично А. Д. Роговой в 2010 году, дополнения Г. Шавериной при личных беседах, Северодвинск

«Сахар» у лисички был несладкий

Вспоминает Елена Степановна Витязева (род. 1934)

Семья моего деда по матери, уроженца села Завечелье Лепельского района Полоцкого округа Франца Робертовича Станкевича, 1868 года рождения, его жены Марии, шестидесяти лет, сыновей Антона, 35 лет, Каспора, 28 лет, дочерей Эмилиии, 25, и Елены, 19 лет, была раскулачена в феврале 1930 года и вывезена

в Архангельскую область. На момент выселения семья владела девятью гектарами пахоты и девятью гектарами сенокоса, двумя лошадьми, коровой, телятником, овцами, молотилкой, веялкой, соломорезкой, боронами, плугом, телегой, санями.

Дед был кузнецом и нанимал молотобойцев, за что был признан эксплуататором. Своей земли до революции у деда не было, он землю арендовал, поэтому часто переезжали с места на место, в семье сохранилась память об Юрьевом дне. Франца Робертовича с сыновьями Антоном и Каспором на поселении арестовали; по слухам, осудили «без права переписки». Об этом случайно подслушала Мария, когда папа говорил маме, что ходил (тайком) в Елюгу и узнал об аресте. При нас родители вели разговоры только о хозяйстве. Бабушка Мария с Эмилией и Еленой проживали на поселении в поселке Заруба Черевковского района.

Нашу семью Недзвецких — отца Степана Иосифовича, 1887 года рождения, уроженца и жителя хутора Бездедовичи (после революции Ветринского района БССР), крестьянина-единоличника, маму Анну Францевну (в девичестве Станкевич) (1890), брата Леонида (1927) и сестру Марию (1928) — в феврале 1930 года выселили за пределы Белорусской ССР. Перед высылкой папу арестовывали, в доме производили обыск, при этом конфисковали обручальное кольцо с пальца. Через два дня он пришел домой и сказал, что семью высылают.

Раскулаченных доставили в Макариху в Котласский район. Мужчин отправили строить жилье во вновь создаваемых поселках для спецпереселенцев. Женщины и дети жили в Макарихе в дощатых продуваемых бараках из горбыля, мерзли, голодали, умирали дети. В 1932 году умер брат Леонид. Марию мама спасла тем, что постоянно ее кутала, а бутылочку с молоком постоянно держала за пазухой. В 1934 году на поселении родилась я, Елена.

Наш папа остался без матери новорожденным, его мама умерла при родах. При родах же папе повредили ножку, она была короче другой, наступал только на пальцы. Отец его, же-

нившись повторно, отдал папу на воспитание в еврейскую семью, но позднее оплачивал учебу. После окончания учебы папа устроился писарем (у него был красивый почерк), приходилось стоять за конторкой, а стоять ему было тяжело, был рад, когда отправляли куда-нибудь посыльным.

Позднее он трудился на ремонте железной дороги, там ему удалось купить шпалы, из которых построили свой домик, оштукатурили его изнутри, пол посыпали песком и застлали половиками. Досок на пол и потолок не было. Крыша была крыта соломой. Обзавелись хозяйством; судя по воспоминаниям, были у родителей корова и лошадь. Мама рассказывала, как она парила в печке молоко, брала каравай хлеба и носила молоко в крынках и хлеб к воротам завода. Там рабочие ели молоко с хлебом и расплачивались с мамой.

Из Макарихи нас перевезли в Пусквож. Там родилась сестра Нина, которая вскорости скончалась. Затем семью перевели в спецпереселенческий поселок Талец Черевковского района Архангельской области, так как Марии пора было идти в школу. В Тальце мы жили до окончания войны. Спецпереселенцев объединили в колхоз.

Мама работала в детских яслях. В четыре часа утра шла на работу, чтобы протопить помещение. Еще в ее обязанности входило подавать сигнал с четырех часов утра через каждый час до семи часов населению поселка — стучала в подвешенный железный предмет металлическим молотком, чтобы население поселка знало о времени. У нас дома были часы-ходики, у многих часов в доме не было. Заработную плату в размере 92 рублей маме выплачивал районный отдел здравоохранения.

В то время население облагалось всевозможными налогами, поэтому мама подрабатывала в колхозе. Дома держали курочек. Мы с мамой пилили дрова для детских яслей и колхозной конторы. За эту работу тоже начисляли трудодни. Кроме того, работавшим в колхозе давали приусадебный земельный участок, был такой участок и у нас, мы на нем выращивали для себя овощи.

В колхозе, по итогам хозяйственного года и после расчета с государством и закладки зерна и картофеля на семена, рассчитывались с колхозниками за работу. Однажды мама в порядке расчета получила большую вязанку гороха. Мы этот горох сушили, толкли в ступе, просеивали и пекли с картошкой «тяпки».

В Тальце у нас родилась и умерла сестра Валентина. Помню, однажды мама принесла ее из яслей и не стала разворачивать. На мой вопрос «Почему не разворачивает?» — мама ответила, что Валя умерла.

Мылись мы в общественной бане. Вместо мыла использовали настой золы (щелок). Для отоваривания продуктовых карточек ходили в другой поселок, за 9 километров, раз в десять дней. На свою иждивенческую карточку я получала буханку хлеба с довесочком (небольшой кусочек хлеба), этот довесочек мне разрешалось съесть, я сосала его, как конфету.

Нас, школьников, привлекали к посадке и уходу за колхозной капустой, сбору колосков, рубке капусты для засолки, при рубке капусты мы лакомились кочерыжками. Белую капусту солили в небольшие бочонки со специями — для стахановских блюд. Зеленую — в большие бочки без специй, из нее готовили простые блюда для всех. За засоленной капустой приходил трактор из лесопункта. Мы за ним бегали как за чудом техники. Осенью мы помогали убирать овощи с колхозных полей. Овощи мы подносили пожилым женщинам, которых привозили на лошади, усаживали на ящики; так, сидя на ящиках, они обрезали ботву. И нам почистят брюкву или турнепс, чтобы мы поели. За работу колхоз выделял школьникам в течение первой четверти по две картофелины и стакану молока в день.

Еще в дошкольном возрасте я ходила к маме в ясли, чтобы немножко ей помочь, например покачать грудных детей, пока мама занимается старшими. Со старшими детьми мы на улице играли, водили хоровод, я делала им веночки из клевера. Проходить в ясли надо было мимо комендатуры. Комендант зачастую стоял около комендатуры, а я была не научена здоровать-

ся со встречными на улице. Комендант сделал замечание маме, мы, мол, доверили тебе воспитание чужих детей, а ты своих не научила здороваться. Мама мне сказала, чтобы я здоровалась. После этого я здоровалась с комендантом каждый раз, как проходила мимо, а проходила иногда несколько раз в день. Маме опять было замечание: «Что, насмехаетесь, что ли?» — заявил комендант.

Папа работал в колхозной кузнице, в столярной мастерской. Руководство соседнего лесопункта запрашивало папу из колхоза жечь уголь, изготавливать сани и тележные колеса. В Лахоме папа нашел хорошую глину и организовал изготовление кирпича, там же работал мастером при строительстве клуба и щитовых жилых домов. На Полуволоке гнал деготь. После окончания второго класса папа взял меня на сезон в Полуволок, чтобы там подкормить. В столовую мне ходить было нельзя, поэтому папа брал обед из столовой в барак, сделал мне деревянную лопаточку, я лопаточкой вылавливала вермишель из супа, а папа ел жидкое содержимое, кашу мы делили пополам. Иногда мужчины из окрестных деревень приходили к папе за осмолем (мутная вода, остававшаяся при гонке дегтя, ее использовали для вымачивания шкур при выделке кожи) и приносили бутылочку молока.

Летом мы собирали ягоды. Я в подсечке и других укромных местах рвала траву для соседей с коровой. Принесу мешок травы, а старшая хозяйка меня покормит, а чтобы не ругалась сноха, даст мне ручку и бумагу, будто я письмо помогаю писать. Вечером нам давали за траву литр молока.

По рабочей карточке мама получала что-то похожее на маргарин, мы на нем жарили грибы. Суп варили из крапивы. Иногда папа приносил зайца. Зимой возвратится из леса и принесет мне кусочек мерзлого хлеба «от лисички». На мой вопрос о заиндевевшем кусочке хлеба «Почему он белый?» — папа отвечал, что это сахар. «А почему он несладкий?» — спрашивала я. Папа отвечал, что у лисички сахар несладкий, чтобы зубы не портились. Летом мы, ребяташки, рвали листья крапивы, мочи-

ли их в холодной воде и ели. Нам казалось, что листья пахнут огурцом, вкус которого мы не знали.

В Тальце учителем начальной школы был пожилой учитель из спецпереселенцев. Его перевели директором в другую школу. К нам прислали молодого учителя, этого в середине учебного года мобилизовали в действующую армию, а нас перевели учиться в поселок Заруба (название поселок получил от зарубок на деревьях, которые делали, когда намечали места для строительства поселков для спецпереселенцев), в четырех километрах от нашего дома. Я тогда училась в четвертом классе. В школу придем уставшие, замерзшие, в классе согреемся и заснем на уроках. Экзамены за четвертый класс сдавали в школе за 9 километров. В пятый класс надо было идти в деревню Семеновскую, за 25 километров. У меня не было ни одежды, ни обуви. Мама зарезала козочку и из невыделанной шкуры сшила нам тапочки. Год я не училась в школе. У мамы не было работы, дети в поселке подросли, ясли были закрыты. Папа работал в Лахоме.

Осенью мы с мамой работали в Лахоме в подсобном хозяйстве. Зимой папа перевез нас на лошади в Лахому на постоянное место жительства. Он работал завхозом в лесопункте. Как-то он принес три бобины ниток из ваты. Мама связала из этих ниток для меня платок с кистями и по носкам мне и папе. Папа купил для меня макинтош, кроме того, папе выдали заячью поддевку. В макинтоше, заячьей поддевке, белые рукава которой загибались поверх рукавов макинтоша, платке с кистями я выглядела нарядно. Подружки тогда сочинили частушку: «Что ты, Лена, задаешься./ макинтош да макинтош,/ Не ходи не задавайся,/ макинтош-то носят в дождь». После пропущенного учебного года я вновь пошла в четвертый класс, так как уроки в этом классе до этого я проспала.

В нашей начальной школе пионерской организации не было, не положено было вступать в пионеры детям спецпереселенцев. Мама выписывала мне газету «Пионерская правда», я ее читала и завидовала пионерам.

Однажды в четвертом классе получила единицу за то, что, вместо того чтобы пересказать сказку Пушкина «О царе Салтане» своими словами, я ее выучила наизусть. Пересказать своими словами у меня не получилось.

В школе мы тоже «долготье» (длинные лесины) пилили на чурки. Я в напарники себе звала Муманчана, мальчика из эвакуированных, он был левша, и у нас ловко получалось и пилить, и придерживать лесину ногами.

В нашем поселке кроме белорусов жили украинцы, поляки, прибалты. В Лахоме был построен отдельный поселок для военнопленных и репатриированных немцев. У них были гармошки, аккордеон, устраивались танцы, молодежь знакомилась, создавались семьи. Уезжать немцам в Германию удавалось только по вызову. Я бывала у них с подпиской. Когда я приходила, они совещались между собой на немецком языке, а я почему-то боялась.

Жили мы в бараке с двумя входами. С каждого входа по четыре комнаты. Икон ни у кого на виду не было. У мамы было распятие, в грозу она его ставила на подоконник. Молиться боялись, шепотом читали под одеялом перед сном «Отче наш». Как-то в Рождество мама поставила вместе две табуретки, поверх, на табуретки, положила сено и накрыла простыней. Поставила и зажгла свечку. Мне сказала, что это ясли. Я не поняла, так как знала только детские ясли. Рассказывать об этом было никому нельзя. «Праздник кончился, — говорила мама, — и все забыли».

Повторно в четвертом классе училась в поселке Вершина в трех километрах от Лахомы, училась хорошо. С пятого класса мы (примерно десять человек) учились в Семеновском, за 25 километров от дома. Раз в две недели нас отпускали с последнего урока, чтобы мы могли убежать домой. Несмотря на усталость, по вечерам еще ходили в кино. В воскресенье выспимся — и опять в дорогу. Мама соберет мне котомку с едой: буханку хлеба, крупки немного, сахарного песочка, лепешек («тяпочками» называли). Иногда часть пути ехали на попутном тракторе. Замерзшие и уставшие, не доходя до своих квартирных хозя-

ек, заходили в лесопунктовский дом для приезжих и лезли на печку греться, несмотря на возражения хозяйки дома Парани. Самовар она нам не грела, рано утром будила и отправляла нас по квартирам, чтобы учили уроки и не опаздывали в школу.

Буханку хлеба две недели кромсала мелкими кусочками. В магазине сельпо становились в конец очереди с надеждой, не останется ли хлеб в продаже после обеспечения местных жителей. Как правило, нам ничего не доставалось. Я покупала себе керосин и помногу читала. Хозяйка, тетя Настя, разрешала долго жечь лампу, так как керосин у меня был свой.

К чтению пристрастил меня папа. Еще до поступления в школу я выучила буквы и составляла из них слова на фанерной доске карандашом. Писала названия того, что видела. Вечером папа проверял написанное, исправлял ошибки и стирал. Моя фанерная тетрадь была опять готова к работе. Папа искусно делал деревянные игрушки. Когда в поселке стали пользоваться коромыслами, папа весь поселок снабдил удобными коромыслами.

Сестра приносила мне из школы книжки-раскладушки, а когда я пошла в школу, стала брать книжки в библиотеке сама. Маме полагалось получать по карточке керосин. Папа изготовил светильничек, и соседки по вечерам собирались у нас прясть шерсть. Чтобы соседки при этом не сказали чего лишнего, папа заставлял меня читать им книги вслух. Так у меня появились слушатели. В дни получки папа не отпускал нас гулять, так как в лесопункте рабочие пьянствовали.

Помню, как я возражала соседке, просившей меня подписать адрес на конверте для ее дочери в Магнитогорск, когда она называла номер барака. Я спорила, что в городе не может быть барачков, там дома. Соседка эта настолько обносилась, что обвязывала себя одеялом, когда шла на работу. Потом, перед сном, сушила это одеяло, чтобы не спать ночью под сырым.

Мама уговорила председателя колхоза направить старшую сестру Марию, которая уже работала дояркой в колхозе, на уче-

бу в ФЗО (на колхоз приходила разнарядка). Училась Мария в Красноборске. Однажды она привезла домой две списанные наволочки с разным рисунком, из которых мама сшила мне сарафан. Вообще, наша мама все умела делать. Жена председателя колхоза Ванда приглашала маму готовить угощение для гостей по случаю рождения очередного ребенка, а рожала она каждые два года. Мы с Марией и хозяйскими ребятами наблюдали за мамой с русской печки и ждали, когда она украсит торт начинкой. Для этого мама скручивала бумажку трубочкой и через эту трубочку наносила начинку. После этого мы бумажку со следами сладкой начинки резали на полоски и облизывали.

Когда я в первый раз поехала учиться в Семеновское, мама дала мне наматрасник и научила найти там солому, набить наматрасник, и получится постель. Я у хозяйки спросила про солому. Хозяйка сказала мне: «Зачем тебе солома, пойди на мост, возьми место и спи». Я ничего не поняла. Пошла на мост через речку искать какое-то «место». Ничего не нашла. Возвратилась, села на крыльцо и заплакала. Хозяйка вышла и говорит: «Что, место себе лень с моста занести?» Я призналась, что не знаю, что такое место и что на мосту я ничего не нашла. А следовало взять матрас в коридоре.

Когда я в первый раз мылась в черной бане, то вся испачкалась в саже. Пришли мы с тетей Настей и ее дочкой Аней из бани, хозяин спрашивает: «А эту-то зачем привела в избу, она в баню чище ушла». Хозяин был строгий, иногда выпивал, я его побаивалась.

Оканчивая семилетку, я понимала, что мне сразу надо будет работать. Для получения среднего образования в районном центре Черевково у нас не было материальных возможностей. Легких (для женщин) работ в лесопункте не предвиделось. То есть я должна была пойти работать сучкорубом. На здании столовой в поселке висел лозунг: «Не выполнив норму, не выходи из леса». Я была уверена, что норму я не выполню, а значит, не смогу выходить из леса. Мама тогда работала почтальоном от

лесопункта. В каникулы я помогала ей разбирать и разносить почту, которую доставляли не только проживающим в Лахоме, но и рабочим лесопункта, живущим в ближних деревнях. Ко времени окончания семи классов на почте появилась дополнительная рабочая единица, и меня взяли работать, и проработала я на почте сорок лет — всю свою трудовую жизнь.

В седьмом классе меня приняли в комсомол, я была очень активной. Участвовала в художественной самодеятельности. Наш комсорг устраивал трудовые вылазки: то на лесосеку — собирать и сжигать сучки, то в колхоз — отвозить от фермы навоз. Тогда меня поразила грязь на колхозной ферме в деревне Вершине. Я вспомнила, какой порядок и чистота были на ферме в Тальце.

Сестра Мария выучилась на слесаря, была направлена на работу в Ленинград, там работала на восстановлении разрушенных в войну заводов. Мария очень хотела учиться дальше, но ее никуда не взяли. Сказали: скажи спасибо, что разрешаем жить в нашем городе. Там она познакомилась со своим будущим мужем, курсантом военного училища. Много лет они ездили по гарнизонам. Мужа после повреждения ноги из армии комиссовали, и семья поселилась в Алма-Ате. В Казахстане прожили сорок пять лет. После кончины мужа переехала в Уфу к сыну. Проживает в Уфе и в настоящее время.

Родители похоронены в Лахте.

В Тальце, сплошь переселенческом поселке, мы все чувствовали себя равными. Некоторое отчуждение впервые почувствовала в Лахте, когда чем-то недовольный местный парень, а я тогда была депутатом сельского Совета, сказал: «Еще всякие Ленки-переселенки тут...». Иногда звучало «высланные». Тогда я заметила, что мы люди второго сорта. Одна подружка позднее рассказала, что в детстве очень боялась переселенцев.

В Белоруссию из наших двух семей никто не возвратился, так как возвращаться было некуда.

Записала Г. Шаверина, ноябрь 2015 года, Северодвинск

«Соседи раскулачили»

Вспоминает Валентина Федоровна Карабанова (род. 1935)

Мои родные: дедушка Матвей Никитич Сумкин, папа Федор Матвеевич (1902), мама Лидия Федоровна (1904) с детьми Анной (1925) и Федором (1928) — проживали в деревне Смоленец (Покшеньга) Карпогорского района Архангельской области. Семья имела хороший двухэтажный дом, лошадь, коров, овец, ткацкий станок, сельскохозяйственный инвентарь. Занимались сельским хозяйством, ткали, выделывали кожи.

В 1930 году семью раскулачили, отняли абсолютно все, выселили из собственного дома. Папа уехал из деревни в Архангельск, работал в разных местах. В 1933 году узнал, что на шпалозавод в Солзе требуются рабочие, и переехал туда.

Маму в 1932 году арестовали и два года содержали в городской тюрьме в Архангельске. Там она работала прачкой. Аня и Федор в эти годы находились в детском доме. Детей раскулаченных родителей там обижали, не разрешали встречаться или посещать родных. К тете Маремьяне (папиной сестре) бегали тайком, прячась в высокой траве. Тетя их накормит, и они тайком пробирались обратно в детдом.

После освобождения из тюрьмы мама забрала детей из детского дома и приехала к папе в Солзу. Там в 1935 году родилась я, Валентина. Аня и Федор посещали школу в Неноксе.

Папа вспоминал, что работу на шпалозаводе давали самую низкооплачиваемую. Проживали на съемной квартире. Денег постоянно не хватало.

Папа очень хотел построить собственный дом. В 1938 году семья из Солзы перебралась в Исакогорку, папа работал на лесобазе. Жили первое время на дебаркадере, оборудованном под жилье. Даже держали поросенка. Осенью 1939 года перебравшись в собственный дом, который построил папа. В 1941 году папу мобилизовали в действующую армию. С боями дошел до Берлина. Демобилизовали папу в августе 1945 года.

Мама всю жизнь боялась, не советовала мне хранить даже письма от мальчиков, мол, «*в жизни всякое бывает*». Папа на вопрос: «Обижен ли он на советскую власть?» — отвечал, что обижен на соседей, которые его ни за что раскулачили.

В Молотовск я переехала в 1959 году. Работала мастером на КСКМ. В 1954 году, в годы учебы, проходила производственную практику в Молотовске, работала на строительстве моста на остров Ягры. Там работали заключенные. На общих работах использовались врачи, бухгалтеры и другие специалисты. Охранники и стерегли их не очень бдительно, были уверены в надежности заключенных.

*Записала Г. Шаверина, март 2016 года,
Северодвинск*

«Детей выгнали из школы»

Вспоминает Людмила Александровна Бельшева

Мой дед Михаил Осипович Тюриков родился 5 октября 1883 года в деревне Студименское Архангельского уезда. Отец дедушки рано умер, а детей осталось много, поэтому дедушка воспитывался у дяди и тети. Получил образование четыре класса церковно-приходской школы, в те времена считался грамотным человеком.

Дедушка был призван в армию, служил в Финляндии, в Сибирской крепости, 3 года. После службы женился на Евдокии Николаевне Ермолиной, у них родились дети: Наталья (1912), Елизавета (1918), Мария (1921), Николай (1923), Григорий (1925). Дядя, у которого воспитывался дед, помог построить дом, передал большое хозяйство: пять коров, лошадь, кур. Они были великие труженики, это и сгубило деда.

В один зимний день 1933 года пришли трое в серых шинелях и начали обыскивать дом. Что искали — неизвестно, и увели

деда. Хозяйство все отобрали, детей выгнали из школы, бабушка была без работы.

Две старших дочери, Наталья и Елизавета, уехали в Архангельск, там поступили работать на биржу Молотова. Потом помогли и бабушке устроиться на работу на рыбный завод в Варавино. Дома остались трое младших, 12, 10 и 8 лет. Бабушка в выходной день проходила пешком двадцать километров до деревни, носила детям хлеб. Детям помогали выжить родственники из деревни Онишово, к которым они бегали ночью, чтобы никто не увидел и не взял на заметку.

Жители деревни написали письмо Молотову в защиту Михаила Осиповича, и его в 1936 году освободили. Дед три года и три месяца был на работах в Коми. После возвращения из лагеря дедушка поступил работать на лесозавод № 3. В 1939 году дом в деревне Студименское разобрали и перевезли на Варавино. Там младшие пошли в школу. Дед недолго прожил после освобождения, так как здоровье его было подорвано — 11 февраля 1942 года он умер на работе прямо у станка.

Воспоминания записаны лично Л. А. Бельшевой, 2016 год, Архангельск

«Даже голубки о нас плакали»

Вспоминает Мария Васильевна Феокистова (род. 1922)

Я родилась в селе Гартовка, которое находилось в сорока километрах от Саратова. Семья наша была большая: одиннадцать человек. Главой семьи был дедушка Федор Васильевич Феокистов. Хозяйство вел умно, хотя был неграмотный.

Грамотным был мой отец Василий Федорович. Он окончил четыре класса сельской школы, но в то время школа давала всесторонние знания. Учился он хорошо, но дедушка дальше учиться не пустил, так как Василий был старшим сыном, надо было работать. В семье еще был младший сын Дмитрий. Когда

папе исполнилось девятнадцать, отец заставил его жениться. Жену взял из другой деревни, звали ее Екатерина: это моя мама. Подрос дядя Дмитрий, тоже женился, на Евдокии.

У нас был надел земли, и мы занимались сельским хозяйством. Дом наш был деревянный, а в нем всего две комнаты. Я родилась в самый голодный год. В 1921—1922 годы в Поволжье была засуха. Народ вымирал семьями от голода и от тифа.

В 1929 году в сельсовет пришел приказ: назначить десять семей кулаков на высылку. Председателем сельсовета был племянник деда — Иван, брата Василия сын. В селе в основном были мазанки. На выселение назначить было трудно кого. А если не выполнит приказ — угрожали расстрелом. Вот и пришлось назначать тех, у кого дома были деревянные. На выселение назначил своего отца, дядю Федора и еще восемь семей.

2 февраля 1930 года у нас все было отобрано: и скот, и дом, и одежда. Вот и кончилось мое детство. Нас погрузили в товарные вагоны и повезли на Север, а дядю — в Казахстан. Семья дяди умерла в первый же год, не могли пережить зиму.

Нас везли хуже, чем скотину. В вагоне были нары и проведен электрический свет, так как окон не было, а для туалета было поставлено большое ведро. Мы-то были маленькие, нам было все равно, куда ходить в туалет, но были и молодые парни и девушки — каково было им? Отходы выливались в люк: в небольшое отверстие под потолком. Снаружи вагон был облит нечистотами: вонь сопровождала нас на всем пути.

Нас привезли в Архангельск вечером. На улице горели огни. Детей посадили на сани и повезли в Свято-Троицкую церковь, которая находится на Комсомольской улице. Взрослые шли пешком. Папу и дядю Митю увезли, мы не знали куда.

У мамы нас было четверо детей: я, Настя пяти лет, брат Ваня двух лет и грудной Гена. С мамой случилась беда — она заболела: все время спала — стоя, лежа, сидя, а нам с бабушкой приходилось следить за ней, чтобы не уронила ребенка, когда кормила грудью.

За водой мы ходили в прорубь на Двину с кружечкой — ведра не было. В церкви под потолком летали голуби, их воркование было похоже на плач. Люди говорили: даже голубки о нас плачут... Здесь нас долго не держали, вновь посадили на поезд, довели до станции Холмогорка и отправили в лес на озеро.

Высадили прямо на лед. Дедушка постелил тулуп, посадил нас всех, а другим накрыл сверху. Сам пошел с другими мужчинами строить шалаши из елок. Есть было нечего — мерзли от холода. Как мы выжили, трудно сказать. Умер братик Гена. Бабушка ходила просить милостыню на станцию, но подавали мало. Неожиданно пришел к нам папа и принес немного хлеба. Они с братом ели одну пайку, а другую берегли нам. Он как-то узнал, где мы находимся, и сбежал, а потом они пришли оба.

В мае месяце нас снова погрузили в вагоны и довели до разъезда Шелекса. Затем нас отвезли за семь километров на озеро Вшивое, потом за три километра от разъезда на другое озеро, где в 1931 году 2 мая родилась Шура. В этом же году нас перевезли в барак на разъезд Шелекса, в котором поселили кроме нас еще 3 семьи. Жили все дружно, работали в лесу.

В 1933 году стали мы жить одни, но этот год для нашей семьи был самым тяжелым. Заболел дядя Дмитрий, врачей не было. Жили под присмотром коменданта. Он был жестокий, злой. В марте месяце 1933 года дядя умер, оставил двух сыновей: Виктора и Валю. Вскоре умер Валя, потом в июле умер брат мой Ваня, 31 декабря 1933 года умерла бабушка Наталья.

В школу нас, детей, не принимали, но среди высланных были грамотные люди. Они написали в Москву Калининну письмо: «Если мы виноваты, то за что страдают наши дети?» Был получен приказ строить школы и учить детей.

Школу строил наш папа. Мы пошли учиться, но некоторые из нас были уже переростки. В школе мы учились вместе с местными ребятами. В пионеры нас не принимали, но нам хотелось

носить красный галстук. Учителя нас не любили, поскольку мы дети кулаков, иногда били линейкой за то, что случайно проливали чернила на парту.

Я окончила четыре класса, а дальше учиться было негде. Школа-десятилетка была только в Плесецкой, но там не было мест. Потом построили школу-семилетку только для детей высланных, в тринадцати километрах от Плесецкой. Мы пошли учиться туда в пятый класс. Жили в бараке, спали на мешке, набитом сеном. В конце сентября на первом уроке учительница сказала: «Можете поступать по месту жительства».

Мы пошли домой пешком — 33 километра, поступили в Савинскую школу-семилетку в пятый класс продолжать учебу. В этой школе я окончила семь классов. Жила в это время на квартире, за которую платила три рубля в месяц. Учиться дальше было негде. В восьмой класс мне пришлось поступать в железнодорожную школу в Исакогорке, но в интернат не приняли, пришлось вернуться домой. В это время был объявлен набор на курсы учителей начальных классов в Каргополе. Работала учителем в Няндомском, потом в Плесецком районах.

В 1950 году я вышла замуж за Михаила Елизарова из Архангельска. Он родился в 1919 году в семье крестьянина. Он мне рассказал, кто его родные: мать и три сестры — Шура, Мария и Настя, отец умер в колонии. За что его посадили, никто не знает. Тогда было такое время. Семья жила в деревне плохо, мать была неграмотная. Миша окончил только пять классов, а сестры Шура и Маша в школу не ходили: их отдали в няньки к чужим людям. Только Настя окончила семь классов. Миша служил в армии только один год, и тут началась война. Он был радистом. Попал под обстрел и был контужен в голову. За воинскую доблесть его наградили орденом Красной Звезды и многими медалями. В армии вступил в партию.

С войны вернулся в декабре 1945 года в Архангельск. Сюда же из деревни выехала и мать к сестре. Но жить было негде. Миша поступил работать грузчиком — разгружал вагоны с про-

дуктами, потом завскладом. Купил маленькую комнатку, где и поселились все вместе. Спали на полу (кровати не было), вместо стола был ящик.

Папа на войне не был: у него была бронь. Он у нас был мастер на все руки. Иногда его увозили надолго, он занимался ремонтом самолетов и еще чем-то секретным. Мама считалась колхозницей, но на трудодни ничего не давали, и карточку на хлеб не давали ни ей, ни детям. Шура и Тамара были на ее иждивении. Получали карточки только отец и дедушка. Семья голодала еще и потому, что кто-то сено из леса, заготовленное на зиму, украл: пришлось продать корову.

Настя окончила десять классов и поступила учиться в институт на учителя математики в Архангельске. Окончила успешно, и ее направили работать в школу. Она взяла к себе Шуру, а я брала к себе сестру Тамару. В 1948 году Настя вышла замуж.

Дедушка болел и все ждал, когда окончится война. Он умер 22 мая 1945 года.

Шура работала в Шелексе на железной дороге весовщиком, затем старшим товарным кассиром. Тамара окончила Архангельский техникум торговли, стала товароведом.

Мой муж погиб в 1959 году. Осталась одна с детьми — Сашей и Васей. Саша выучился на токаря. Вася окончил мореходку, работал механиком, возил грузы на северные точки.

В 1960 году умерла моя мама, папа дожил до 1980 года. Сын Вася заболел онкологией и умер в 1986 году.

Вся моя жизнь прошла в работе. Прежде всего думала о детях, чтобы они были сыты, одеты, обуты, а потому и работала на трех работах. После работы в школе шла работать техничкой в магазин, а ночью сторожем до 8 часов на стадионе «Динамо».

Мне 94 года. Я живу с сыном Сашей. Он заботится обо мне. Пока я сама обслуживаю себя, а там что Бог даст. Я счастлива тем, что выросли мои внуки, имеют свои семьи.

*Записала Светлана Андреевна Чаусова,
декабрь 2016 года*

«Разместили в соборе на нарах» Вспоминает Елена Тимофеевна Юрова (1923—2011)

Мой дед Иван Митрофанович Юров, бабушка Пелагея Харлампиевна родились и проживали с селе Ерок Мичуринского района (в советские годы) Тамбовской области, имели четырех сыновей: Тимофея, Михаила, Петра и Ивана. К началу тридцатых годов сыновья имели свои семьи, проживали все неподалеку от родителей.

Мой папа Тимофей Иванович Юров родился 19 января 1883 года в селе Ерок. Там же родилась в 1883 году и моя мама Елена Николаевна. У моих родителей в семье было восемь детей: Парасковья (1902), Василий (1904), Дмитрий (1909), Григорий (1911), Иван (1914), Георгий (1919), Вера (1920) и я, Елена (1923). Семья имела свое хозяйство: дом, лошадь, корову, много домашней птицы, мельницу на три хозяина.

Весной 1930 года семью признали социально опасной по классовому признаку (кулаками) и, изъяв все нажитое, выслали в административном порядке. Эшелоном в марте доставили в Вологду. Женщин и детей выгрузили, мужчин увезли дальше, как потом выяснилось, в Архангельскую область на лесозаготовки.

Из нашей семьи выселили кроме папы и мамы Григория, Ивана, Георгия, Веру и меня. Григория и Ивана из Вологды увезли с мужчинами дальше, а нас в двенадцать часов ночи повезли на подводах и доставили в местность недалеко от села Кубинского, разместили в соборе. Там были сооружены трехъярусные нары. Наша семья располагалась на первом ярусе. В подвале собора была поварня, нам готовили похлебку.

Вскоре брат Василий забрал нас с Верой обратно на родину. До 1937 года мы жили поочередно то у брата Дмитрия, то у сестры Парасковьи. Было очень голодно. Парасковья в 1936 году от голода умерла. Двоюродные братья били меня, как лишнюю нахлебницу. В возрасте одиннадцати лет я нанялась в няньки в

семью с тремя детьми и, кроме того, вела все хозяйство. Дмитрий был мобилизован в трудовую армию, служил в Белоруссии. Его жена с детьми жила очень бедно, с большим трудом добывали топливо, я тоже помогала им собирать хворост.

Старших братьев Григория с Иваном в 1930 году увезли на лесозаготовки в Пинежский район Архангельской области. Григорий позднее работал на ЛДК имени Ленина в Архангельске, а в 1936 или 1937 году переехал на Судострой. Он прислал Василию деньги, чтобы тот смог привезти нас с Верой к нему. Василий привез нас в марте 1937 года и сам остался на Судострое. К тому времени Григорий выписал к себе и Георгия из Пинежского района. Мы все вместе проживали в храме Никола-Корельского монастыря, около алтаря. Помню, что рядом проживали Брянцевы, Смолокуровы, Ореховы. Спали на кроватях, мылись на барже, питались в столовой.

Родители с сыном Иваном проживали в поселке Сенном Пинежского района. В октябре 1937 года я уехала из Судостроя к родителям. Там поступила учиться в Веркольскую школу (школа располагалась в здании Веркольского монастыря, там же мы, школьники, и жили). Меня определили в четвертый класс, хотя до этого я систематически нигде не училась. В 1941 году окончила семь классов, поступила в Архангельский электротехникум связи. Из техникума пришлось уйти, так как не хватало знаний для усвоения программы. Зимой 1941/42 годов опять жила в Молотовске с братьями Григорием и Георгием и сестрой Верой, которая работала официанткой в столовой. Затем возвратилась к родителям, в Карпогорской школе окончила девять классов. Летом работала на сенокосе. С 1944 по 1947 год училась в Архангельской фельдшерско-акушерской школе, получила диплом фельдшера. С тех пор жила и работала в Северодвинске.

Брат Василий (1904) был арестован в 1930 году, срок отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Возвратился домой, отремонтировал неисправную мельницу, стал работать. На него поступил донос. Председатель сельского Совета

предупредил Василия, предлагал скрыться. Василий к совету не прислушался, был повторно арестован, его судьба нам неизвестна. Василий был дважды женат, остались четверо детей.

Брат Иван работал на лесоповале, позднее, после женитьбы, кузнецом в селе Шотогорка Пинежского района. Тяжело заболел, был госпитализирован в областную больницу, там скончался.

Брата Григория из Молотовска снова забирали на лесоповал. У Георгия в Молотовске арестовали жену. Сам он уехал на Кубань, позднее увез туда родителей.

Всех братьев отца в том же 1930 году тоже раскулачили и выслали в разные места. С мест высылки они сбежали. Детей у меня не было. Мне помогает дочь брата Дмитрия.

*Записала Г. Шаверина, март 2010 года,
Северодвинск*

Еще до начала раскулачивания местные власти облагали крепкие крестьянские хозяйства дополнительным налогом, так как стране все больше требовалось хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. К процессу изъятия хлеба привлекались коммунисты и комсомольцы. Под влиянием партийно-воспитательной и агитационной работы большинство коммунистов и комсомольцев с энтузиазмом изымали хлеб у работающих односельчан. Но встречались и совестливые, которым было стыдно перед соседями, они оказывали посильное сопротивление.

«В колонне заключенных было много священнослужителей»

Вспоминает Давид Давидович Шевчук (1905—?)

Я родился и проживал в селе Стена Винницкой губернии. Был женат, имел дочь. В 1926 году вступил в комсомол. В те годы сельское население облагалось продовольственным налогом.

Чаще и тяжелее продналогом облагались крепкие, работающие хозяева. Нам, комсомольцам, давали задание по поиску хлеба у зажиточных односельчан. Зачастую посылали повторно к одним и тем же, давали винтовки для устрашения. Нам было стыдно перед односельчанами и однажды, после очередного распоряжения, мы побросали винтовки и отказались идти искать хлеб. После этого нас, четверых комсомольцев, в июле 1929 года арестовали.

Вначале мы не осознали, в чем провинились. Нас увезли в районный центр, а через неделю в Житомир. Там в течение месяца допрашивали, называли социально вредными элементами. Далее поместили в центральную тюрьму в Бреславле, опять допрашивали. Без допросов прошли сентябрь и октябрь. Мы написали заявление начальнику тюрьмы о своих делах. Начальник нам ответил, что дела рассматриваются в Особом отделе ОГПУ УССР в Харькове.

В ноябре 1929 года нас ночью взяли на пеший этап. Колонна была составлена приблизительно из ста человек, было много священнослужителей, многие с семьями. Вели до станции примерно десять километров, старенькие священнослужители пугались в рясах, падали на ходу. Сопровождающие колонну охранники были с винтовками, были и собаки.

В телячьих вагонах с решетками на окнах довели до Винницы. В Винницкой тюрьме сидели около двух недель. Затем нас перевезли в Киев. Там пробыли в тюрьме неделю. В Киеве нас не допрашивали. Следующим этапом повезли в Москву, для пропитания на день давали сухую воблу и кусочек хлеба. В Москве на «воронках» доставили в Бутырскую тюрьму. Допросов не было. Видимо, наша судьба была решена, только мы этого не знали.

В декабре того же 1929 года нас двоих с Рафаилом Олейником из нашей арестованной в селе четверки повезли по железной дороге в Архангельск. С левого берега пешком через Северную Двину доставили в городскую тюрьму. Мы предполагали, что нас везут на Соловецкие острова.

7 января 1930 года меня (без Рафаила) вызвали на этап (о дальнейшей судьбе Рафаила я ничего не знаю). Объявили, что следуем в Мезенский район. Колонна этаплируемых состояла из двадцати семи человек, сопровождающих было четверо с винтовками и собаками. На дорогу выдали сухой паек (сахар, воблу, хлеб). Добирались 350 километров, частично пешком, часть пути ехали на подводах. Ночевали в специально предназначенных избах. Так как нас арестовали в июле месяце, я был одет в легкое пальто, яловые сапоги и фуражку на голове. В пути обморозил уши, нос и подбородок, эти места до сих пор очень чувствительны к холоду. Охранники сдали Мезенскому ГПУ двадцать два человека.

Вместе с другими административно высланными (только здесь мы узнали свой «статус») меня определили в поселок Каменка на лесозавод. Работал на лесокатке, укладке пиломатериалов, иногда на пилораме. Жили в бараках вместе с вольнонаемными рабочими, за труд получали заработную плату. Освободили меня в 1932 году, выдали паспорт вначале сроком на один год, через год выдали постоянный без отметки о судимости. Я остался работать в Каменке вольнонаемным на том же заводе. Жена на Украине вышла замуж, а я повторно женился в Каменке.

В 1937 году по объявлению в газете с женой и ребенком приехал в Молотовск, устроился на работу в пожарную охрану. На работу вышел 28 августа 1937 года. На Беломорском проспекте нам дали комнату. В паспорте у меня не было отметки о судимости, поэтому я жил и работал спокойно. Но примерно через год после устройства на работу политработник пожарной части каким-то образом узнал, что я был административно высланным, и... *(далее Давид Давидович начал плакать и ничего не мог выговорить, я пыталась перевести разговор на другие моменты его жизни. — Г. Ш.).*

В 1939 году я ездил на Украину за своей дочерью от первого брака. Вслед за мною в деревню прибыл милиционер из район-

ного центра и приказал покинуть деревню в течение двадцати четырех часов.

В декабре 1941 года я ушел на фронт. Возвратился в 1943 году после тяжелого ранения, являюсь инвалидом войны первой группы. Вновь устроился на работу в пожарную часть. Работал до выхода на пенсию. В 1961 году награжден медалью «За безупречную службу в МВД СССР» второй степени и в 1963 году такой же медалью первой степени. Боевые награды: орден Отечественной войны первой степени, медаль «За боевые заслуги»; медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», юбилейные медали. После смерти Сталина обратился за реабилитацией. Реабилитирован.

Записала Г. Шаверина, январь 1990 года

Часть V. Везде чужие

О репрессированных советских немцах

Известно, что в годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе происходила депортация, принудительное насильственное переселение народов с мест их постоянного проживания в отдаленные, малообжитые районы страны. Всего в период репрессий было проведено более десятка операций этнического характера — против немцев, поляков, латышей, эстонцев, финнов, греков и других народов, которых сталинское руководство рассматривало как потенциальный «ресурс для шпионажа». Первыми депортации подверглись советские немцы Поволжья как этническая нация, с титульным государством которой шла война.

В свою очередь немецкие оккупационные власти перед отступлением с территории Украины погнали в Германию немецкое население из Николаевской области, проживавшее там с екатерининских времен. (Массовое переселение немцев в Россию на Юг Украины началось в годы правления Екатерины II (Манифест 22 июля 1763 г.) и Александра I (Манифест 22 февраля 1804 г.) и не прекращалось вплоть до начала XX века. Предоставлялись

льготы и субсидии немцам и другим иностранцам, желавшим осваивать новые территории.) В Германии советские немцы использовались как бесплатная рабочая сила. С приходом советских войск, после проверки в фильтрационных лагерях, все репатрианты были доставлены не по месту прежнего проживания, а в отдаленные регионы страны, в основном на лесозаготовки.

В Германию из зоны немецкой оккупации

Вспоминает Курт Иванович Гуссер (род. 1943)

Я родился в 1943 году в селе Потемкинском Вылониельского района Херсонской области. Наша семья имела собственный кирпичный дом, сарай, лошадь и корову. Родители занимались сельским хозяйством (до оккупации территории немцами, вероятно, работали в колхозе). В начале 1943 года умер папа. Вскорости немцы нашу семью: маму Марту Яковлевну (1903), сестер Эмилию (1928) и Валентину (1930), брата Вильгельма (1941) и меня, Курта, — угнали в Германию, в город Рудольфштадт.

В Германии мама сидела дома с малыми детьми, Эмилия работала.

В мае 1945 года мы оказались в оккупационной зоне США, в фильтрационном лагере № 272 в городе Гейсен (Саксония). Вскоре мы были переданы советским властям Восточной Германии и этапированы в Коми АССР, на станцию Мадмас. Все взрослые были направлены на лесозаготовки, младшие дети находились в круглосуточном детском саду.

Мама скончалась в Мадмасе в возрасте 73 лет. Сестра Валентина погибла от несчастного случая, оставив четверых детей. Эмилия проживает в Мадмасе. Нас с Вильгельмом в 1963 году призвали в армию, служили вместе в стройбате. В армии получили профессию шофера. После службы нас по разнарядке

направили в разные места: Вильгельма — в Зеленоградск Ленинградской области, меня — в Северодвинск. Здесь я 36 лет проработал водителем в Спецавтохозяйстве. Здесь и обзавелся семьей. Документы о реабилитации получил 2006 году.

Записал С. Н. Беляев, 2011 год, Северодвинск

«От Советов мне ничего не нужно»

Рассказывает Татьяна Сергеевна Борисенко (род. 1943)

Мой дед Константин Ротермель с бабушкой Амалией Карловной жили в Поволжье, в селе Пекордорф Маркштадтского района Саратовской области. Они проживали с многочисленными родственниками в большой усадьбе, имели два дома, маслобойку, землю.

Примерно в 1929 году деда Константина вывезли под Котлас, в Макариху. Там он работал на Лимендском судоремонтном заводе бухгалтером. В 1930 году вывезли в Макариху и бабушку с четырьмя детьми: Эйвальдом (1911), Тамарой, Анной (1919) и Константином (1921). Везли в телячьих вагонах, ничего не разрешив с собой взять.

В 1936 году дед был включен в расстрельные списки, как потом сказал бабушке его знакомый. Но деда не успели арестовать, он умер от малярии.

В начале войны русских немцев Сталин снял с передовой, мой дядя Костя (сначала он был призван на фронт) попал в лагерь смерти в селе Жешард Коми АССР. Смертность там была высокая. Они с другом выжили благодаря местным женщинам, которые их там подкармливали. Дядя потом, на поселении, и женился на одной из них.

Бабушка Амалия Карловна была верующим человеком, лютеранкой. В это трудное время ее молитвы сохранили и ее детей, и ее внуков.

В Макарихе она зарабатывала шитьем, потом шила обмундирование для армии. Каждый день немцы должны были отмечаться в комендатуре, только в 1956 году бабушка получила паспорт.

А мама паспорт получила совершенно чудесным образом в 1936 году, после смерти отца. Директор школы перед выпускным спросил: «Кому нужен паспорт?» Мама хотела дальше учиться и подняла руку. Ей выписали паспорт, и она единственная смогла уехать из Макарихи.

После войны, после освобождения из лагеря для русских немцев Константина, Амалия Карловна уехала к нему в Жешард.

Когда бабушке в 1956 году назначили пособие, она отказалась от этих денег, нам сказала: «От Советов мне ничего не надо, я сама заработаю».

Родных сестер Амалии Карловны выслали из Поволжья в Казахстан, связь с ними была потеряна, и только в конце жизни бабушка нашла одну сестру под Алма-Атой.

Амалия Карловна Ротермель прожила долгую жизнь, отошла ко Господу на 83-м году, до последних дней работала. Научила шить и меня; когда я приезжала в Жешард, помогала ей в работе. Вообще внуков она учила дисциплине и порядку. Помню ее с молитвенником в руках, воскресенье она посвящала Богу. Свою дочку я назвала Амалией, в честь бабушки.

Дядя Эйвальд работал на заводе в Лименде, женился на высланной немке, там и прожил всю жизнь. Тетя Тамара вышла замуж, жила поблизости, в деревне под Котласом.

А моя мама Анна Константиновна Ротермель вышла замуж за русского, Сергея Николаевича Беякова (1916). В семье родилось пятеро детей: Александр (1940), Виктор (1941), Татьяна (1943), Николай (1946) и Мария (1948). Папа всю жизнь преподавал в АЛТИ, был завкафедрой графики. Все пятеро детей получили высшее образование, учились в АЛТИ. Сейчас один брат живет в Северодвинске, остальные здесь.

Папин отец, Николай Александрович Беяков (1895), в 1937 году был тоже арестован по доносу соседа, по 58-й статье получил

10 лет за то, что слушал «Боже, царя храни». В лагере (Пуксолаг, Архангельская область) отсидел семь лет. В 1956 году дед был реабилитирован, папу пригласили в НКВД, показали дело.

Записала И. Горячева, апрель 2017 года, Архангельск

«Под надзором спецкомендатуры» Вспоминает Лилия Андреевна Наряденко (род. 1947)

Я родилась на спецпоселении в 1947 году. Моя мама Елизавета Андреевна Штреккер находилась под надзором спецкомендатуры до 14 января 1956 года в поселке Ивдель Свердловской области. Откуда были высланы родители, я не знаю, не расспросила маму.

Бабушка рассказывала, что много народа поздней осенью погрузили на открытую баржу без теплых вещей. Дедушка Андрей Штреккер умер в дороге от воспаления легких. Семью разбросали по разным местам. Бабушку с сыном Андреем, 1925 года рождения, сослали в село Сростки Алтайского края. Мою маму (1921) — в Ивдель Свердловской области. Мамина сестра Лилия (1923) тоже была сослана в Свердловскую область, но сестры долго не знали, что проживают недалеко друг от друга.

Мама работала пастухом, заправщицей, дояркой. На работу мама уходила в четыре часа утра, пыталась меня не разбудить. Но я спала очень чутко, помню, как однажды выбила окно и бросилась за мамой. Мама взяла меня на ферму и посадила доить корову.

Колхоз был крепкий, из молока варили сыр, сбивали масло, даже делали мороженое, которое продавали в клубе перед показом кино. Основную продукцию увозили в Серов.

Жили и питались мы скудно. Помню холодную перловую кашу, которую ела, сидя на печке.

В Ивделе треть населения составляли высланные немцы. Жили в деревянных домах. В школе было много немецких детей, нас никто не обижал. Правда, один раз мальчик обидел меня за то, что я немка. Я плакала, подруги меня успокаивали.

Покидать поселок без разрешения коменданта не разрешалось. Однажды мама, не найдя коменданта, ненадолго отлучилась без разрешения, за что была наказана.

Тете Лилии удалось разыскать бабушку в Сростках. В 1955 или 56-м году мы ездили к бабушке. Бабушка жила с Андреем в землянке с земляным полом, печь топилась кизяком и соломой.

После освобождения из-под надзора мы переехали жить к бабушке в Сростки. Я там окончила третий класс. Но выдержали всего 8 месяцев. Маме не нравилось заниматься заготовкой кизяка, топить печь соломой. Мы с мамой возвратились в Свердловскую область. После окончания восьмого класса я поступила в техникум.

Мама с тетей Лилией позднее жили в Омской области. Там тоже было много сосланных немцев.

Справку о реабилитации я получила в 2001 году.

Записала Г. Шаверина, 2014 год, Северодвинск

Высланные на вечное поселение

Вспоминает Маргарита Яковлевна Элес
(1928—2004)

Наша большая семья проживала в немецкой деревне, в Николаевской области. Запомнилась чистота в деревне, порядок, ряды посадок вдоль улицы, сады. Вокруг было много деревень с немецким населением. Все говорили на немецком языке. Родители работали в колхозе. У отца и матери было девять детей, я восьмая.

Хорошо помню, как 9 августа 1941 года в деревню вошли немцы. За два дня до прихода немцев деревню оставили со-

ветские войска, все были в ожидании неизвестного. Я помню, что мы, дети, прихода немецких войск боялись, так как ходили разные устрашающие слухи. При входе войск в деревню мы с подружкой спрятались на курятнике в бочках. Наш дом стоял на краю деревни. Немцы встали к нам на постой. Осенью 1943 года (мне шел пятнадцатый год) от немецких властей поступило распоряжение грузить вещи на повозки, нас повезли в Германию. Из нашей семьи поехали отец с матерью и четыре дочери. Перед отправкой порезали весь домашний скот.

Перезимовали у польской границы. Там лошадой у нас отняли, а весной 1944 года на поезде перевезли в Польшу, в лагерь Вартогол. Около одиннадцати месяцев жили в этом лагере, работали на мельнице и на сельскохозяйственных работах на одного хозяина. Папа был болен, мама тоже не работала, работали мы — дочери. В конце 1944 года нас всех перевезли в Германию. Нашу семью завезли на хутор (на хуторе было 5 или 7 хозяйств), определили в частное хозяйство. Работали на хозяина, жили в доме. Сестра там вышла замуж за местного немца. Все очень скучали по своему дому и оставленной деревне.

В мае 1945 года хутор заняли американские войска, мы их тоже боялись. Вскоре американцы отошли, их заменили советские войска. Нас всех поместили в фильтрационный лагерь, в котором мы провели около двух месяцев. Затем всех погрузили в эшелон и повезли на восток. Мы радовались — наконец едем домой, но скоро поняли, что везут нас в другом направлении.

В Москве помыли в бане и повезли на Север. В каком-то месте нас выгрузили из вагонов и две недели держали под открытым небом. Потом снова погрузили в вагоны и повезли дальше: как оказалось, в поселок Курган Плесецкого района Архангельской области. Прибыли туда 7 ноября 1945 года. Через две недели нас перевезли на санях в поселок Славный, разместили в бараках по пять семей в одной комнате с двухэтажными нарами.

Наша семья состояла из восьми человек: папы с мамой, нас, четырех дочерей, мужа старшей сестры, который последовал за

нами в Советский Союз, и их грудного ребенка. В поселке было восемь барачков для размещения репатриированных, пекарня, проживали комендант и завхоз. Без разрешения коменданта покинуть поселок было запрещено. Паспортов мы не имели.

На следующий день нас направили на заготовку леса. Наша бригада состояла из четырех человек: отца, зятя, сестры и меня. Одеты и обуты мы были не по сезону и не для работы в лесу зимой. На ногах ботинки с обмотками, вместо брюк старые кальсоны. Нам выдали пилы и топоры. По нетоптаному снегу привели в лес, отвели полосу, показали на елки, велели валить, обрубить и сжигать сучья. Мы, жители степной полосы, не имели навыка работать на валке леса, с большим трудом свалили первую ель, обрубили сучки, еле развели костер, чтобы сучки сжечь. На нас было страшно смотреть. В бараке после работы обувь с ног могли снять только после того, как она оттает.

Папа выдержал только три месяца, заболел, его увезли в районный центр, там судили, дали двадцать лет лагерей. Ребенок у сестры умер в августе 1946 года. Мужу сестры семья устроила побег, но не знаем, смог ли он добраться до Германии без знания русского языка, дальнейшая его судьба нам неизвестна. Сестру после побега мужа осудили на восемь лет. Первые письма от сестры приходили из Молотовска, затем из Казахстана. Там, в Казахстане, она осталась жить после освобождения.

В бригаде я осталась одна. Дневная норма была заготовить два метра кубических сосны. Я норму выполняла. Работала также на погрузке и на вывозке леса. Всегда полуголодная. Мама умерла 28 июля 1947 года. Осенью 1946 года, работая с бензопилой, я получила травму лица — пятнадцать рваных ран. Меня на фуфайках вынесли из леса, комендант не дал лошадь, чтобы меня отвезли в больницу. Двое суток лежала без медицинской помощи, мама кормила меня мусенкой — болтушкой из муки. 12 октября из поселка на лошади поехали в райцентр за овсом, взяли и меня, но в районной больнице мне в помощи отказали. Привезли обратно. Я очень ослабла от кровопотери и голода. Через месяц

вышла на работу, держать в руках пилу весом 23 килограмма я не могла, поручили обрубать сучки. Была еще одна травма, удар кабелем по лицу, опять кровотечение, слабость...

В конце концов, на поселении из всей семьи мы остались вдвоем с младшей сестрой. Весной 1948 года мы совсем ослабели от голода и без разрешения коменданта (за самовольный уход из поселка полагалось 10 лет лишения свободы) ушли просить подаяние в соседние деревни.

Поесть нам подавали, но на ночлег пускали не всегда, ночевали где придется, чаще в банях. Обычно ходили до 11—12 часов ночи. Так прошли март, апрель и май. Немного окрепли. Потом нас приютила женщина, у которой была на 10 лет осуждена дочь. Сестра вязала и вышивала, я нанималась на работу к сельским жителям, чаще заготавливала дрова. Платили нам реже деньгами, чаще картошкой.

В начале лета комендант через людей велел нам возвращаться, у него стали про нас спрашивать. Мы возвратились, наши места в бараке были заняты, вещи растащены. Жили на чердаке барака, спали на песке. Место в бараке мы получили тогда, когда построили новый барак, даже простыни выдали. В том поселке мы жили и работали до мая 1949 года.

В мае 1949 года нас повезли на пароходе в Пинежский район, поселили в поселке Лапа за Урой. В поселке было два барака, столовая, клуб, магазин, мастерские, конюшня.

Еще на пароходе мы познакомились с Яковом Экесом. Он до войны жил во Львове. Тоже был увезен немцами в Германию, репатриирован в Плесецкий район. В Лапе мы с Яковом пожили, жили в бараке. Первый ребенок родился мертвым, у него была раздавлена головка (я работала в лесу). При второй беременности с семимесячного срока меня перевели на легкий труд. Родился сын Виктор, которого до двух лет мы ежемесячно отмечали в комендатуре. Нам разрешили отгородить досками конец коридора в бараке. Я вырезала шторы из газет, мы считали, что хорошо устроились. В Лапе был случай, когда муж уго-

ворил жену не ходить на работу, так как у нее не было одежды. Обоих отдали под суд.

Однажды я на работе в лесу случайно повредила ногу топором. Самостоятельно вышла из леса до Лапы и далее до Уры. Но фельдшер мне помощи не оказала, сославшись на то, что среда — день неприемный, что надо было прийти вчера. Пришлось идти обратно. В четверг я уже не могла встать и пойти на работу. Фельдшер выдала мне больничный лист, но он мне уже не помог. На меня составили акт за прогул, судил выездной суд, приговорили вычитать из моего заработка 25 процентов в течение шести месяцев. На проживание у нас почти ничего не оставалось.

Потом нас перевели в поселок Ура, дали небольшую комнату (уголок в школьном классе). Работать в лесу я уже не могла по состоянию здоровья. Работала уборщицей в пекарне и училась на пекаря. Выучилась, стала работать пекарем. Заработная плата была мизерная. Ко мне, в Уру, возвратился из заключения папа, отбыл десять лет, почти весь срок лежал в больнице.

В нашем поселке в основном были мы — немцы, высланные на вечное поселение, и украинцы, высланные сроком на пять лет. Через пять лет приехал милиционер и объявил украинцам, что им тоже определено вечное поселение. Но слухи об освобождении уже ходили. Между немцами и украинцами было своеобразное соперничество: мы хотели, чтобы нас освободили раньше украинцев хотя бы на пять минут. Весной 1956 года нас (немцев) пригласили в комендатуру и объявили об освобождении. Наш двухлетний сын тоже стал свободным человеком. Мы имели право получить паспорта, за которыми надо было ехать в Пинегу, за 100 километров. Особой радости не испытывали, уезжать с поселения было некуда и не на что. За паспортами не поехали. Через две недели освободили часть украинцев. Освобожденные украинцы сразу поехали за паспортами в райцентр, с ними поехали и мы.

В 1960 году лесопункт в Уре закрыли. Мы переехали в поселок Кривые Озера. Там нам дали отдельную квартиру. Я рабо-

тала пекарем, муж — мастером на лесозаготовках. У нас родилась дочь Мария.

В 1988 году мы с мужем переехали к дочери в Северодвинск. Сын Виктор с семьей живет в Кривых Озерах. Муж Яков скончался в 1994 году.

Всю жизнь меня преследовало чувство бездомности. В Германии трудились на хозяина. Там чувствовали себя русскими. Здесь, на поселении, стали немцами. До сих пор сохранилось чувство отстраненности от окружающих, ощущение, что я везде чужая.

Записала Г. Шаверина, октябрь 1996 года.

Р. С. Маргарита Яковлевна в 2002 году побывала в Германии, у родственников. Скончалась весной 2004 года в Кривых Озерах. Вечная память светлому человеку, великой труженице и страдальце.

Приложения

1. «За отсутствием состава преступления...»

Дополнения к списку реабилитированных,
не вошедших в «Поморской Мемориал»

Спустя несколько десятилетий по окончании политических репрессий в стране стали публиковаться списки реабилитированных. В 1999—2001 годах в Архангельске в издательстве Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова вышла Книга памяти жертв политических репрессий «Поморский Мемориал» в трех томах. Кропотливая работа в архиве РУФСБ России по Архангельской области и сбор воспоминаний у старожилов позволили установить за последние 5 лет имена еще нескольких десятков пострадавших от политических репрессий, которые и приводятся ниже. Работа по установлению имен продолжается.

Аввакумов Василий Иванович, 1926*, уроженец Великолукской области, житель Молотовска, слесарь на заводе № 402. Арестован 27 августа 1948 года. Осужден Военным трибуналом войск МВД АО 8 октября 1948 года по ст. 17 и 58, п. 8 УК РСФСР к 25 годам заключения в ИТЛ и 5 годам поражения в правах. Освобожден из-под стражи 4 января 1955 года. Реабилитирован [1].

Александрова Екатерина Ильинична, 1900, уроженка Санкт-Петербургской губернии, образование 5 классов, строгальщица на заводе

* Здесь и далее год рождения.

№ 402. Арестована 8 декабря 1943 года. Осуждена Военным трибуналом Архангельского военного округа по ст. 58, п. 3 и п. 10, ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на 5 лет. Срок отбыла полностью, освобождена 9 декабря 1953 года. Реабилитирована 10 ноября 1960 года [2].

Анциферов Яков Иванович, 1893, уроженец д. Висаково Емецкого уезда Архангельской губернии, житель Судостроя, десятник лесного отдела на строительстве завода № 402. Арестован 8 января 1938 года. Осужден за «контрреволюционную клевету» тройкой УНКВД по Северному краю 11 января 1938 года на 10 лет ИТЛ [3].

Арнгольд Арнольд Эрнестович, 1883, уроженец Санкт-Петербурга, образование высшее, находился в распоряжении начальника строительства завода № 402. Арестован 2 июня 1937 года. 2 ноября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Расстрелян 2 ноября 1937 года. Место захоронения — Донское кладбище, Москва. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 31 октября 1961 года [4].

Баженов Константин Иванович, 1889, уроженец Коми, житель Судостроя, рабочий по бурению. Арестован 5 августа 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Северной области за «контрреволюционную агитацию» на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. 30 сентября 1937 года убыл в Устьвымлаг [5].

Бекетов Серафим Дмитриевич, 1905, уроженец Шенкурского уезда Архангельской губернии, житель Судостроя, нормировщик труда. По решению тройки УНКВД по Северной области за участие в «контрреволюционной, троцкистской, террористической организации» 19 ноября 1937 года расстрелян [6].

Боголюбов Сергей Александрович, 1907, директор завода № 402 с 1942 по 1949 г., уроженец д. Владимировка Николаевской губернии на Украине. Арестован 30 августа 1949 года. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР в сентябре 1951 года по ст. 58, пп. 8 и 10 УК РСФСР на 25 лет заключения в особых лагерях МГБ с поражением в правах на 5 лет. Освобожден и реабилитирован в декабре 1954 года [7].

Болтвилкс Карл Генрихович, 1899, родился в усадьбе Полтар Каткенской волости Вольмарского уезда, в Латвии. Латыш, образование 4 класса, из семьи безземельных крестьян, беспартийный, имел профессию плотника и столяра. Работал заведующим столовой № 5

Примторга завода № 402. Арестован 5 мая 1938 года. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 19 ноября 1940 года на три года ИТЛ, как «участник антисоветской националистической латышской организации». Реабилитирован 15 августа 1989 года [8].

Брюкман Карл Иосифович, 1894, уроженец г. Митава Курляндской губернии Латвии. Латыш, портной, заведующий швейной мастерской при военизированной охране Ягринлага. Арестован 10 декабря 1941 года. Осужден 20 декабря 1941 года Военным трибуналом войск НКВД СССР в городе Молотовске по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах на 5 лет, без конфискации имущества за неимением такового. Срок отбывал до 9 октября 1950 года, освобожден с зачетом 421 дня за хорошие производственные показатели. Реабилитирован 12 июля 1960 года [9].

Вавилова Александра Михайловна, 1910, уроженка Ивановского края (ныне Ивановской области), слесарь на заводе № 402. Арестована 27 ноября 1943 года. Осуждена Военным трибуналом Архангельского военного округа 1 марта 1944 года на основании ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года к ссылке в каторжные работы сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией личного имущества. Реабилитирована 18 июня 1999 года [10].

Вадзинский Владимир Владимирович, 1894, уроженец Варшавы, беспартийный, образование высшее, окончил Петроградский политехнический институт в 1917 году по специальности «инженер-механик». На Судострое главный энергетик завода № 402. Арестован 22 июля 1938 года. Предъявлено обвинение по ст. 58, пп. 6, 10 и 11 УК РСФСР. Следственное дело по обвинению Вадзинского 14 октября 1940 года было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. ОСО 26 ноября 1949 года приговорило Вадзинского за «шпионскую деятельность» к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывал срок в Ухтижемлаге НКВД СССР до 1 ноября 1944 года. Реабилитирован 17 июля 1954 года [11].

Вайнгарт Роберт Федорович, 1914, уроженец Украины, житель Судостроя, шофер. Арестован 12 сентября 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Северной области 23 октября 1937 года «за участие в контрреволюционной фашистской организации» к 10 годам ИТЛ. Убыл в Устьвымлаг в октябре 1942 года [12].

Василевский Александр Тимофеевич, 1889, уроженец Белоруссии, житель Судостроя, заведующий продовольственным складом Севторга. Арестован 5 августа 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Северной области «за контрреволюционную, террористическую агитацию в отношении Советского правительства и ВКП(б)» на 10 лет ИТЛ. Освобожден из Нядомской ИТК 5 августа 1940 года [13].

Венгеровский Евгений Георгиевич, 1902, уроженец Украины, житель Судостроя, грузчик на строительстве завода № 402. Осужден тройкой УНКВД по Северной области «за контрреволюционные измышления» 29 декабря 1937 года на 10 лет ИТЛ [14].

Выголовский Василий Дмитриевич, 1897, уроженец Костромской губернии, русский, беспартийный, образование высшее, в 1930 году окончил Московское высшее техническое училище. Холост. На Судострое занимал должность начальника кирпичстроя, проживал в Глинниках. Арестован 2 сентября 1938 года. 11—14 апреля 1939 года Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда приговорила В. Д. Выголовского по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР и ст. 111 УПК к 8 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года. 21 апреля 1939 года он написал кассационную жалобу в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР, которая на своем заседании 2 июля 1939 года отменила обвинение в части антисоветской агитации, оставила в силе обвинение по ст. 111, снизила меру наказания до 1 года исправительных работ. Отбытое время лишения свободы засчитала в срок наказания. Выголовского освободили из-под стражи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР 7 сентября 1940 года отменила и обвинение по ст. 111 УК РСФСР. Реабилитирован [15].

Гайворонский Александр Иванович, 1893, уроженец Украины, житель Молотовска, выполнял обязанности начальника гражданстроя завода № 402. Арестован 15 июня 1938 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, п. 7 УК РСФСР на 15 лет лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. При втором рассмотрении дела 17 апреля 1941 года оправдан [16].

Гейнц Георгий Александрович, 1910, уроженец села Бурсы Паллазовского кантона АССР немцев Поволжья, немец, гражданин СССР, образование 3 класса сельской школы, беспартийный, холост. Работал котельщиком в отделе главного механика на строительстве завода

№ 402. Арестован 16 июня 1938 года. Тройкой УНКВД по АО 2 октября 1938 года приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал в Севураллаге Свердловской области. Реабилитирован 26 сентября 1987 года [17].

Гольб Александр Владимирович, 1887, уроженец Москвы, немец, начальник станции железнодорожной ветки «Ст. Исакогорка — строительство завода № 402». Арестован 17 февраля 1938 года. Приговорен тройкой УНКВД по Архангельской области 26 октября 1938 года «за контрреволюционную фашистскую агитацию и организацию крушения товарного поезда» к расстрелу. Расстрелян 31 октября 1938 года [18].

Горкун Павел Андреевич, 1914, уроженец Украины, работал на заводе № 402 с 10 января 1946 года конюхом. Арестован 17 июня 1947 года. Осужден военным трибуналом Архангельского военного округа 18 августа 1947 года по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР (ст. 54-1 УК УССР) на 10 лет исправительных лагерей и 5 лет поражения в правах. По той же статье 17 сентября 1948 года осужден на 25 лет. Из пересыльной тюрьмы 31 марта 1950 года прибыл в Ягринлаг. 22 июня 1951 года был доставлен в Баженовский ИТЛ. Освобожден 12 января 1956 года из Восточно-Уральского ИТЛ по Указу от 14 июля 1954 года. После освобождения вернулся в Сумскую область. Реабилитирован [19].

Гуревич Абрам Давыдович, 1884, уроженец Харькова, еврей, образование среднее техническое, женат, с 1936 года управляющий в Московской конторе строительства завода № 402, проживал в Москве. Арестован 23 августа 1938 года на площадке строительства № 203, куда был вызван из Москвы начальником строительства. Предъявлено обвинение по ст. 58, пп. 11 и 10 УК РСФСР. Особым совещанием при НКВД СССР 22 июня 1940 года за участие в «антисоветской, троцкистской организации» осужден на 8 лет лагерей. Скончался в местах лишения свободы 14 июля 1941 года от пеллагры. Реабилитирован 17 июля 1959 года [20].

Деревлев Иван Ефимович, 1900, уроженец д. Сюзьма Архангельского уезда Архангельской губернии, счетовод колхоза «Надежда». Осужден тройкой УНКВД по АО 29 декабря 1937 года по ст. 58 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Умер в местах лишения свободы 26 ноября 1943 года. Реабилитирован 3 марта 1960 года [21].

Золотарев Георгий Васильевич, 1904, уроженец станицы Александровской Георгиевского района Терской области. Из крестьянской

семьи, русский, образование низшее, вагранщик в литейном цехе на строительстве завода № 402. Арестован 13 января 1938 года. Осужден тройкой УНКВД по АО 14 января 1938 года «за антисоветскую агитацию» к 10 годам лишения свободы. Срок отбывал в Онеголаг. Реабилитирован 20 февраля 1990 года [22].

Калистратов Владимир Федорович, 1907, уроженец Санкт-Петербургской губернии, начальник машиносчетной станции завода № 402. Арестован 11 июля 1941 года. Осужден Военным трибуналом войск НКВД СССР АО 18 сентября 1941 года по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР к лишению свободы на 8 лет с поражением в правах на 3 года. Повторно осужден в лагере 4 мая 1945 года по ст. 58, п. 10 на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Третий раз судим 5 апреля 1946 года Спецсудом Севдвинлага МВД СССР по ст. 58, п. 14, приговорен к расстрелу. 28 июля 1946 расстрел заменен 10 годами ИТЛ и 5 годами поражения в правах. Освобожден из лагеря 25 ноября 1955 года. Реабилитирован 17 мая 1956 года [23].

Карпов Марк Владимирович, 1911, русский, уроженец Санкт-Петербурга, режиссер и заведующий постановочной частью Молотовского драмтеатра. Арестован 26 марта 1938 года. Осужден тройкой УНКВД по АО 25 сентября 1938 года к расстрелу за «поджог драмтеатра при заводе № 402 и антисоветскую агитацию». Расстрелян 1 октября 1938 года. Реабилитирован 31 мая 1968 года [24].

Клементьев Михаил Петрович, 1906, уроженец Архангельска, беспартийный, русский, образование среднее, окончил среднюю школу и курсы радиотелеграфистов, до ареста работал инструктором производственного обучения в отделе подготовки кадров на заводе № 402 с 4 сентября 1939 года. Арестован 6 ноября 1940 года. Приговорен Военным трибуналом Архангельского военного округа 12 марта 1941 года по ст. 58, пп. 1-а, 10, ч. 1 и п. 11 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений к высшей мере наказания (расстрелу). Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1941 года расстрел заменен 10 годами лишения свободы и 5 годами поражения в правах [25]. Срок отбывал в Березлаг. Скончался в лагере 1 апреля 1942 года. Реабилитирован 19 апреля 1990 года [26].

Кобылин Федор Федорович, 1916, уроженец Архангельской губернии, русский, образование 4 класса сельской школы, бригадир плотников на строительстве завода на Судострое. Арестован 10 января

1938 года. 11 января 1938 года тройкой УНКВД по АО за «антисоветскую агитацию» осужден на 10 лет лагерей [27]. Скончался 5 апреля 1942 года в Онеголагере НКВД. Реабилитирован 20 февраля 1990 года [28].

Козел Корнил Алексеевич, 1876, уроженец Кубанской области, житель Судостроя, сапожник. Арестован 16 декабря 1937 года. Приговорен тройкой УНКВД по Северной области 5 января 1938 года за «контрреволюционную агитацию» к расстрелу. Расстрелян 17 января 1938 года [29].

Кольцов Прокопий Васильевич, 1901, уроженец Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, на заводе № 402 работал руководителем группы смазки в отделе главного механика. Имел двоих несовершеннолетних детей. Арестован 31 августа 1941 года. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 23 мая 1942 года по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы. Постановление ОСО приостановлено, Кольцов направлен в действующую армию. Реабилитирован 18 мая 1989 года [30].

Краснов Николай Алексеевич, 1896, уроженец Московской губернии, житель Молотовска, начальник финчасти завода № 402. Арестован 11 августа 1938 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года на 20 лет по ст. 58, п. 7 УК РСФСР с конфискацией всего личного имущества. При пересмотре дела 17 апреля 1941 года обвинение по ст. 58, п. 7 снято [31].

Левин Абрам Ильич, 1891, уроженец Украины, беспартийный, житель Молотовска, начальник снабжения завода № 402. Арестован 31 августа 1938 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, пп. 11 и 7 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. При вторичном рассмотрении дела 17 апреля 1941 года оправдан [32]. В 50-х годах работал начальником финчасти в Ягринлаге.

Левинский-Спектор Игнатий Павлович, 1900, уроженец Бессарабской губернии, Сорокского уезда, ст. Кобыльня, место жительства Судострой. Сметчик сметного отдела. Приговорен 15 сентября 1937 года тройкой УНКВД по АО за «контрреволюционную агитацию» к расстрелу. Расстрелян 16 сентября 1937 года [33].

Либеров Алексей Владимирович, 1891, уроженец Костромской губернии, житель д. Ненокса, священник. Арестован 27 октября 1937 года. Тройкой УНКВД по Северной области за «контрреволюци-

онную агитацию» 14 ноября 1937 года осужден на 10 лет ИТЛ. Умер 25 февраля 1938 года [34].

Лихно Елисей Федорович, 1896, уроженец Черниговской губернии, житель Судостроя, бухгалтер на строительстве завода № 402. Арестован 16 декабря 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Северной области 5 января 1938 года за «контрреволюционную агитацию» на 10 лет ИТЛ [35].

Лунин Николай Михайлович, 1882, уроженец Каргопольского уезда Архангельской губернии, житель Судостроя, плотник. Арестован 29 июня 1937 года. По решению тройки УНКВД по Северной области 15 февраля 1938 года «за участие в контрреволюционной фашистской группе церковников» расстрелян [36].

Лысак Денис Степанович, 1901, уроженец Черниговской губернии, житель Молотовска, инженер для особых поручений при начальнике строительства завода № 402. Имел несовершеннолетнего ребенка. Арестован 5 сентября 1938 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, пп. 11 и 7 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. При вторичном рассмотрении дела 17 апреля 1941 года оправдан [37].

Максимов Василий Иванович, 1876, уроженец Холмогорского уезда Архангельской губернии, десятник на строительстве завода № 402. Арестован 10 октября 1937 года. Осужден тройкой УНКВД Северной области за «контрреволюционную агитацию» 23 ноября 1937 года на 10 лет ИТЛ [38].

Малинский Владимир Фердинандович, 1896, уроженец Польши, поляк, гражданин СССР. Прораб коммунстроя завода № 402. Осужден тройкой УНКВД по АО 25 марта 1938 года за проведение «шпионской и диверсионной деятельности» к расстрелу. Реабилитирован 25 марта 1958 года [39].

Малюсов Александр Иванович, 1888, уроженец Московской губернии, русский, образование среднее, окончил годичные курсы бухгалтеров в 1903 году, беспартийный. На строительстве завода № 402 занимал должность заместителя начальника планово-экономического отдела. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 26 ноября 1940 года за «антисоветскую агитацию» к ссылке на 5 лет в Красноярский край. Реабилитирован 6 октября 1989 года [40].

Мовш Самуил Владимирович, 1899, уроженец Полтавской губернии, еврей, специального образования не имел. На Судострое занимал должность помощника заведующего лесным отделом. Арестован 11 июня 1938 года. Тройка при Управлении НКВД на своем заседании от 31 октября 1938 года обвинила Мовша в «шпионской деятельности в пользу английской и японской разведок». Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 5 ноября 1938 года. Реабилитирован 4 февраля 1957 года, восстановлен в партии посмертно [41].

Мошников Иван Кузьмич, 1890. Родился в д. Уна Архангельского уезда Архангельской губернии в семье крестьянина, русский, беспартийный, образование 3 класса. В Молотовске проживал с 1936 года, работал бухгалтером на шпалозаводе № 1 (о. Ягры), имел двоих несовершеннолетних детей. Арестован 8 января 1938 года. Тройкой УНКВД по АО 11 января 1938 года за «контрреволюционные измышления» приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован 17 июля 1989 года [42].

Останин Николай Германович, 1890, уроженец Житомира, немец. Образование среднее специальное, экономист, беспартийный, начальник отдела кадров строительства завода № 402. Арестован 19 июля 1937 года в Харькове по телеграмме УНКВД по Северной области за № 4150, в тот же день увезен в Архангельск. Тройкой УНКВД по Архангельской области 25 сентября 1938 года приговорен к расстрелу. Расстрелян 1 октября 1938 года. Реабилитирован [43].

Павлинов Виктор Алексеевич, 1890, уроженец Смоленска, житель Молотовска, инженер-плановик. В 1931 году по делу Промпартии был осужден на 5 лет по ст. 58, пп. 7, 9, и 11 УК РСФСР. Срок отбывал в Усвирлаге. С 1932 года работал на Краммашстрое начальником планового отдела. На Судострой приглашен И. Т. Кирилкиным и Л. Х. Коппом, прибыл в августе 1937 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, пп. 11 и 7 УК РСФСР к 20 годам лишения свободы с конфискацией личного имущества. При вторичном рассмотрении дела 17 апреля 1941 года оправдан [44].

Пантелеев Александр Андреевич, 1915, уроженец Московской губернии, русский, житель Молотовска. Слесарь-электрик на заводе № 402. Арестован 26 июня 1957 года. Осужден Судебной коллегией областного суда Архангельской области по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Реабилитирован [45].

Полякова Антонина Павловна, 1923, уроженка Вологодской губернии, русская, образование 6 классов. Заточница на заводе № 402. Арестована 6 декабря 1943 года. Осуждена Военным трибуналом войск НКВД СССР по АО 11 февраля 1944 года по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР на 8 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТЛ, с последующим поражением в правах на 3 года, с полной конфискацией лично ей принадлежащего имущества [46]. Из лагеря освобождена 18 января 1947 года. Реабилитирована в 1991 году [47].

Прихода Павел Маркович, 1924, уроженец города Николаева, русский, беспартийный, образование 8 классов. В Молотовск прибыл в составе рабочего батальона в 1946 году. Работал газосварщиком на заводе № 402. Арестован 29 сентября 1947 года. Осужден Судебной коллегией по уголовным делам Архангельского областного суда по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 3 года [48]. Освобожден по отбытии срока в 1954 году. Реабилитирован 9 декабря 1991 года [49].

Попов Григорий Степанович, 1899, уроженец Тамбовской губернии, житель Молотовска, старший инженер при Управлении строительства завода № 402. На Судострой прибыл в июле 1936 года. Имел сына трех лет. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, пп. 11 и 7 УК РСФСР на 15 лет лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. При вторичном рассмотрении дела 17 апреля 1941 года оправдан [50].

Пугачев Василий Капитонович, 1886, уроженец Ржевского уезда Тверской губернии, родился в крестьянской семье, русский. Образование 7 классов, член ВКП(б) с 1930 года, по профессии мастер сантехнических работ, женат, работал в котельной на заводе № 402. Арестован 3 сентября 1940 года. Осужден 21 октября 1940 года Судебной коллегией по уголовным делам Архангельского областного суда города Молотовска по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах [51]. Скончался в лагере 3 ноября 1941 года. Реабилитирован 26 февраля 1993 года [52].

Ронжин Иван Филимонович, 1910, уроженец Нижегородской губернии, русский, беспартийный, образование 3 класса сельской школы. Плотник промстроя завода № 402. Семья отца в 1931 году раскулачена и выслана в Северный край. Имел жену домохозяйку, троих несовершеннолетних детей, мать — инвалида. Арестован 12 января 1938 года.

Осужден тройкой УНКВД по АО 14 января 1938 года за «антисоветскую агитацию и принадлежность к контрреволюционной вредительской группе» на 10 лет лагерей. Срок отбывал в Онеголаге. Освобожден 11 апреля 1939 года. Реабилитирован 6 июня 1957 года [53].

Сапрыкин Василий Андреевич, 1890, уроженец Кабардино-Балкарии, житель Молотовска, главный инженер завода № 402. Прибыл на Судострой в марте 1937 года из Магнитогорска. Арестован 1 июля 1938 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, пп. 11 и 7 УК РСФСР к 20 годам лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. В апреле 1941 года оправдан за недоказанность преступления [54].

Переведен на стройки НКВД на Урале. В период с 1942 по 1946 год был главным инженером на металлургических предприятиях Балакстры и Челябинметаллургстроя. В 1943 году награжден вторым орденом Красного Знамени, в 1945-м — орденом Ленина.

С 1946 по 1950 год ему поручено строительство производств А, Б и В комбината «Маяк» (горно-химический комбинат по выработке оружейного плутония). За достижения в выполнении задания В. А. Сапрыкину в 1949 году присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В июне 1951 года Сапрыкин был переведен на строительство № 565 МВД СССР (создание системы ПВО Москвы) также на должность главного инженера. Позже был переведен в Москву на должность заместителя начальника Главспецстроя.

В ноябре 1953 года уволен из армии по состоянию здоровья, в 1953—1954 годах работал начальником строительства Московских высоток.

В 1956—1957 годах занимал пост заместителя председателя технического совета Госстроя СССР, был заместителем начальника Главспецстроя.

С 1957 года избран действительным членом Академии строительства и архитектуры СССР. В том же году занял должность заместителя директора научно-исследовательского института организации и механизации строительства Академии строительства и архитектуры СССР.

Умер в 1964 году, похоронен на Новодевичьем кладбище (участок 6, ряд 5, могила 4).

В память о В. А. Сапрыкине была названа улица в городе Озерске.

Сандомирский Лев Исакович, 1897, уроженец Полтавы, начальник материально-финансовой части строительства завода № 402. На Судострой прибыл из Новокраматорска в июле 1936 года. Арестован в апреле 1937 года. Осужден Архангельским областным судом 15 апреля 1939 года по ст. 58, пп. 11 и 7 УК РСФСР на 12 лет лишения свободы с конфискацией всего личного имущества. При вторичном рассмотрении дела 17 апреля 1941 года оправдан [55].

Ситкин Александр Степанович, 1883, уроженец Вологодской губернии, житель Судостроя, плотник на строительстве завода № 402. Арестован 10 января 1938 года. Осужден 11 января 1938 года тройкой УНКВД по Северной области за «контрреволюционную агитацию» на 10 лет ИТЛ [56].

Скачков Федор Герасимович, 1881, уроженец Владимирской губернии, администратор Молотовского драмтеатра. Осужден тройкой УНКВД по АО 28 августа 1938 года и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 13 сентября 1938 года. Реабилитирован [57].

Смирнова Мария Николаевна, 1906, уроженка Ярославской губернии, образование 4 класса, электромонтер на заводе № 402. Осуждена Военным трибуналом Архангельского военного округа 1 марта 1944 года по ст. 58, п. 3 УК РСФСР на 7 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях и 3 года поражения в правах. Срок отбыла полностью в Архангельском лагере. Освобождена 27 ноября 1950 года. Реабилитирована 10 ноября 1960 года [58].

Соколов Константин Яковлевич, 1908, уроженец Астрахани, русский, житель Молотовска, бухгалтер Севзапэлектромонтажа. С марта 1939 года по 18 августа 1941 года отбывал срок в Ягринлаге по ст. 74, ч. 2. Арестован 24 апреля 1942 года. Осужден Военным трибуналом войск НКВД 27 мая 1942 года по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР на 10 лет с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях, с поражением в правах на 3 года. Умер в Ягринлаге 30 сентября 1942 года. Реабилитирован 5 марта 1992 года [59].

Суканец Василий Павлович, 1889, уроженец Польского государства, Львовской губернии, украинец. Окончил в Харькове строительный университет имени Постышева, беспартийный. Женат, жена на момент ареста беременна. На Судострой прибыл 14 июля 1937 года по направлению Наркомтяжпрома, работал десятником в промстрое № 1. Арестован 26 сентября 1937 года. Обвинялся в том, что, прожи-

вая в Польше, мог быть завербован польской разведкой для шпионско-диверсионной работы на территории СССР и с этой целью нелегально перешел границу Советского Союза. Особым совещанием при НКВД СССР 16 февраля 1938 года заключен в ИТЛ сроком на 10 лет. Срок отбывал в Ухтпечлаге. Освобожден 29 сентября 1947 года. Реабилитирован 16 января 1989 года [60].

Танеев Измаил Мухаметтанович, 1896, уроженец Енисейской губернии, электромонтер на Судострое. По решению тройки УНКВД по Северной области за «террористическую деятельность против руководителей партии и Советского правительства» 28 октября 1937 года расстрелян [61].

Триполко Николай Александрович, 1880, украинец, уроженец Харькова, главный бухгалтер строительства завода № 402. На Судострой прибыл в июне 1936 года. Арестован в сентябре 1938 года. Скончался во время следствия [62].

Тышова Екатерина Васильевна, 1921, уроженка Холмогорского уезда Архангельской губернии, русская, беспартийная. Окончила Молотовский судостроительный техникум. Конструктор завода № 402. Арестована 23 января 1948 года. Осуждена Особым совещанием при МГБ Союза ССР по ст. 58, п. 1 «а» УК РСФСР сроком на 10 лет. Освобождена из-под стражи 15 мая 1956 года. Реабилитирована 15 ноября 1956 года [63].

Фаслер Вильгельм Фомич, 1888, уроженец Новочеркаска, немец, беспартийный. Образование незаконченное высшее, женат. С 1929 по 1936 год работал в Краматорске главным инженером Индустроя. На Судострое работал начальником металлостроя завода № 402. Арестован 28 января 1938 года. На заседании тройки при Архангельском УНКВД 31 октября 1938 года приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 11 ноября 1938 года. Реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года [64].

Хабаров Василий Иванович, 1888, уроженец Вологодской губернии, участник Первой мировой войны, житель Молотовска. Плотник на КЭП Молотовского гарнизона Беломорской военной флотилии. Арестован 31 июля 1944 года. Осужден Военным трибуналом войск НКВД 1 сентября 1944 года по ст. 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР на 8 лет лишения свободы и 3 года поражения в правах. 9 сентября доставлен в Талажскую ИТК. Освобожден 1 августа 1947 года [65].

Черненко Антон Иванович, 1903, уроженец села Яблонюк Черниговской губернии, украинец. Образование 1,5 класса, беспартийный, чернорабочий гидростроя завода № 402. Арестован 13 января 1938 года. 14 января тройкой УНКВД по АО приговорен за «антисоветскую агитацию» к 10 годам лишения свободы. Срок отбывал в Онеголаге. Реабилитирован 20 февраля 1990 года [66].

Чистов Борис Михайлович, 1913, уроженец г. Кологривы Нижегородской губернии. Преподаватель немецкого языка в средней школе при заводе № 402. Арестован 16 июля 1938 года. Осужден 26 октября тройкой УНКВД по АО за «антисоветскую агитацию и угрозу террора по отношению представителей Советской власти» и приговорен к расстрелу. Расстрелян 1 ноября 1938 года. Реабилитирован 22 июня 1966 года [67].

Читалов Василий Васильевич, 1915, уроженец Вологодской губернии, житель Судостроя. Старший табельщик автопарка на строительстве завода № 402. Арестован 11 декабря 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Северной области 29 декабря 1937 года за «контрреволюционную агитацию» на 10 лет ИТЛ. 30 января 1938 года направлен в Онеголаг НКВД. В 1939 году подлежал освобождению [68].

Фомин Василий Калистратович, 1881, уроженец Архангельского уезда Архангельской губернии, житель Судостроя, рабочий шпалозавода на строительстве завода № 402. Арестован 16 декабря 1937 года, приговорен тройкой УНКВД по Северной области за «антисоветскую агитацию» к расстрелу. Расстрелян 17 января 1938 года [69].

Щеконь Иван Григорьевич, 1909, уроженец Украины, житель Судостроя, слесарь на строительстве завода № 402. Арестован 16 декабря 1937 года. Осужден тройкой УНКВД по Северной области по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР 4 января 1938 года на 10 лет ИТЛ [70].

Юзевович Андрей Алексеевич, 1909, уроженец города Курган, поляк, артист драмтеатра при заводе № 402, имел несовершеннолетнего ребенка. Арестован 26 марта 1938 года. Приговорен тройкой УНКВД по АО 2 октября 1938 года по ст. 58, пп. 6—9 и 10 УК РСФСР к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 8 октября 1938 года. Реабилитирован в 1968 году [71].

Якименко Карп Тимофеевич, 1910, уроженец Харьковского округа, украинец, участник Великой Отечественной войны, такелажник завода № 402. Имел троих несовершеннолетних детей. Арестован 24 апре-

ля 1951 года. Осужден Военным трибуналом Беломорского военного округа 7 августа 1951 года по ст. 54, п. 16 УК УССР и ст. 58, п. 8 и 10, ч. 2 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы. Освобожден 18 июня 1956 года. Реабилитирован 18 октября 1991 года [72].

Примечания

1. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-464.
2. Там же. Д. № П-20009.
3. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 57 от 11 января 1938 года.
4. Сталинские расстрельные списки [Электронный вариант]. Режим доступа: Stalin.memo.ru.
5. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-5564.
6. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 31 от 14 ноября 1937 года.
7. Сталинские расстрельные списки. Список 23.03.1950 (Архив РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 100. Л. 2—54).
8. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-5564.
9. Там же. Д. № П-9613.
10. Там же. Д. № П-18677.
11. Там же. Д. № П-5573.
12. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 28 от 23 октября 1937 года.
13. Там же. Протокол № 14 от 29 сентября 1937 года.
14. Там же. Протокол № 43 от 29 декабря 1937 года.
15. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-3249.
16. Там же. Д. № П-18677.
17. Там же. Д. № П-15005.
18. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 91/16 от 26 октября 1938 года.
19. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-8079.
20. Там же. Д. № П-18677.
21. Семейный архив дочери Э. И. Алексеевой.
22. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-15311.
23. Там же. Д. № П-6926.
24. Там же. Д. № П-11851.
25. Там же. Д. № П-15 712.
26. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/1474 от 22.01.2015.

27. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-15313.
28. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/4662 от 05.04.2014.
29. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 53 от 5 января 1938 года.
30. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-18677.
31. Там же. Д. № П-18677.
32. Там же. Д. № П-19134.
33. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 6 от 15 сентября 1937 года.
34. Там же. Протокол № 31 от 14 ноября 1937 года.
35. Там же. Протокол № 53 от 5 января 1938 года.
36. Там же. Протокол № 48 от 2 января 1938 года.
37. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-18677.
38. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 34 от 23 ноября 1937 года.
39. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-8041.
40. Там же. Д. № П-18677.
41. Там же. Д. № П-6780.
42. Там же. Д. № П-15314.
43. Там же. Д. № П-6887.
44. Там же. Д. № П-18677.
45. Там же. Д. № П-10648.
46. Там же. Д. № П-19134.
47. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/1474 от 22.01.2015.
48. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-16648.
49. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/1474 от 22.01.2015.
50. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-18677.
51. Там же. Д. № П-18349.
52. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/4662 от 05.04.2014.
53. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-6947.
54. Там же. Д. № П-18677.
55. Там же.
56. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 57 от 11 января 1938 года.
57. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-11834.
58. Там же. Д. № П-20009.

59. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-19022.
60. Там же. Д. № П-15142.
61. Архив РУФСБ России по АО. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 43 от 29 декабря 1937 года.
62. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-18677.
63. Там же. Д. № П-29369.
64. Там же. Д. № П-6887.
65. Семейный архив сына Т. В. Хабарова.
66. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-15310.
67. Там же. Д. № П-15310.
68. Там же. Протокол заседания тройки УНКВД по Северной области № 50 от 4 января 1938 года.
69. Там же. Протокол № 43 от 29 декабря 1937 года.
70. Там же. Протокол № 91/16 от 26 октября 1938 года.
71. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-11852.
72. Там же. Д. № П-21264.

2. О дальнейшей судьбе арестованных

Уточненные данные о судьбах репрессированных, дополнения к «Поморскому Мемориалу»

В «Поморском Мемориале» (Книге памяти жертв политических репрессий Архангельской области. Архангельск, 1999, 2001) информация о реабилитированных в большинстве случаев заканчивается фразой «сведений о дальнейшей судьбе нет». В результате проведенных поисков у части реабилитированных жителей Судостроя—Молотовска удалось установить их дальнейшую судьбу.

Автомонов Николай Александрович, 1894, уроженец Вологодской губернии, житель Молотовска, плотник водоканалстроя. Арестован 15.08.38. Архангельским областным судом 13.11.38 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. **Скончался в лагерях Пермского края***. Полностью реабилитирован 28.02.92 [1].

* Новая информация жирным шрифтом.

Алексеев Александр Викторович, 1902, уроженец Тверской губернии, житель Молотовска, начальник финотдела завода. Арестован 25.03.41. Архангельским областным судом 13.06.43 по ст. 58-10, ч. 1 и ст. 182-1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 6 лет. **Освобожден из Архангельской трудовой колонии для несовершеннолетних в 1943 году.** Полностью реабилитирован 30.04.92 [2].

Алеценко Егор Тихонович, 1915, уроженец Орловской губернии, житель Молотовска, грузчик торгового порта. Арестован 23.10.42. Военным трибуналом Северного бассейна 25.11.42 по ст. 58-14 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 7 лет с поражением в правах на 3 года. **Освобожден из Архперпункта в 1943 году.** Полностью реабилитирован 30.03.92 [3].

Амшель Григорий Кретьянович, 1889, уроженец Риги, житель Молотовска, старший мастер завода, на иждивении имел несовершеннолетнюю дочь. Арестован 01.03.43. Военным трибуналом войск НКВД СССР по Архангельской области 07.05.43 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 8 лет с поражением в правах на 2 года. **11 мая 1943 года направлен в Архбумлаг НКВД, умер 9 июля 1945 года.** Полностью реабилитирован 28.04.92 [4].

Арланов Кузьма Кириллович, 1922, уроженец Татарии, житель Молотовска. 15.07.49 Архангельским областным судом по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. **Освобожден 23 июня 1954 года.** Полностью реабилитирован 13.08.90 [5].

Батуру Борис Петрович, 1916, уроженец г. Харбин, житель Молотовска, рабочий завода № 203, 10.01.38 особым совещанием НКВД по ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Освобожден из 4 ОЛП 3 декабря 1946 года.** Арестован 09.02.49 по той же статье УК РСФСР. Особым совещанием МГБ СССР 13.04.49 незаконно выслан на поселение без указания срока и места. Полностью реабилитирован 26.10.92 [6].

Батунов Николай Александрович, 1895, уроженец Вологодской губернии, житель Молотовска, начальник караула пожарно-вахтерской службы. 23.07.51 Архангельским областным судом по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. **30 июня 1952 года прибыл в Ягринлаг МВД, умер 14 февраля 1953 года.** Полностью реабилитирован 22.07.92 [7].

Бедняк Захарий Ицкович, 1898, уроженец Херсона, житель Молотовска, прораб строительства № 203. Арестован 25.09.40. Архангельским областным судом 25.02.41 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 6 лет с поражением в правах на 3 года. *Убыл в УИТЛ и строительство Вытегорской ГЭС 5 июля 1941 года.* Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 10.12.92 [8].

Беляев Анатолий Григорьевич, 1920, уроженец Вологодской губернии, житель Молотовска, боец военизированной охраны Ягринлага. 04.10.41 Военным трибуналом войск НКВД СССР по Архангельской области по ст. 58-10, ч. 2, УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 6 лет. *Умер в Ягринской ИТК 26 июня 1942 года.* Полностью реабилитирован 11.09.91 [9].

Березнев Михаил Панкратович, 1908, уроженец Воронежской губернии, житель Молотовска, мастер завода № 402, на иждивении имел двоих несовершеннолетних детей. Арестован 24.02.43. Военным трибуналом войск НКВД СССР по Архангельской области 13.05.43 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. *Освобожден 10 января 1944 года.* Полностью реабилитирован 29.04.92 [10].

Бидниченко Василий Антонович, 1926, уроженец Николаевской губернии, житель Молотовска, грузчик завода № 402. Арестован 16.08.48 по ст. 58-1 «а». 25.12.48 незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. *Убыл в Волголаг МВД 15 марта 1950 года.* Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 16.12.55 [11].

Благовисный Иван Евментьевич, 1893, уроженец Украины, житель Молотовска, кочегар парохода. 18.10.41 военным трибуналом войск НКВД СССР по Архангельской области по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 7 лет. *Умер в Ягринлаге 22 июня 1942 года.* Полностью реабилитирован 28.08.91 [12].

Богатюк Николай Павлович, 1910, уроженец Украины, житель Молотовска, сапожник Леннефестроя. Военным трибуналом войск НКВД СССР по Архангельской области 23.06.44 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 7 лет с поражением в правах на 3 года. *Освобожден из Каргопольлага 27 января 1951 года.* Полностью реабилитирован 14.03.90 [13].

Бородин Александр Трофимович, 1910, уроженец Омской губернии, житель Молотовска. Архангельским областным судом 16.06.39 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. **Содержался в Ярославле НКВД с 22 апреля 1940 года.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 02.03.92 [14].

Булгаков Герасим Федорович, 1903, уроженец Украины, житель Молотовска, инженер по труду завода № 402. Особым совещанием НКВД СССР 07.10.42 за «антисоветскую агитацию» незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Освобожден из Воркутлага 14 апреля 1951 года.** Полностью реабилитирован 28.02.57 [15].

Вальдман Владимир Карлович, 1911, уроженец Санкт-Петербургской губернии, житель Молотовска, электрик автопарка завода № 402. Арестован 08.02.38. Архангельским областным судом 12.12.38 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 7 лет с поражением в правах на 3 года. **Умер в Архбумлаге 10 апреля 1948 года.** Полностью реабилитирован 28.02.92 [16].

Вахрушин Георгий Кондратьевич, 1903, уроженец Вятской губернии, житель Молотовска, заместитель начальника планово-экономического отдела завода № 402, на иждивении имел троих детей. Арестован 06.11.41. Особым совещанием НКВД СССР 16.05.42 по ст. 58-6, -10 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Переведен в Воркутлаг НКВД 6 июля 1942 года.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 19.05.89 [17].

Вишневский Александр Артемьевич, 1891, уроженец Белоруссии, житель Молотовска, машинист депо. Арестован 08.03.41. Архангельским областным судом 26.06.41 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. **Переведен в УИТЛиК города Архангельска 2 марта 1941 года.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 22.12.92 [18].

Ворохобин Яков Александрович, 1908, уроженец Курской губернии, житель Молотовска, плотник завода № 402. Тройкой УНКВД по Архангельской области 14.01.38 за «антисоветскую агитацию» незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Срок отбыл полностью.** Реабилитирован 06.06.57 [19].

Гавриленко Егор Николаевич, 1923, уроженец Сумской губернии, житель Молотовска, токарь завода № 402. Особым совещанием МГБ

СССР 31.12.49 по ст. 54-1 «а» УК УССР, ст. 58-10, ч. 1 и ст. 121 УК РСФСР лишен свободы сроком на 10 лет. **Освобожден 6 июня 1956 года.** Полностью реабилитирован 25.05.92 [20].

Генералкин Павел Алексеевич, 1905, уроженец Санкт-Петербурга, житель Молотовска, инженер-механик завода № 402. Арестован 06.04.44. Военным трибуналом 09.08.44 по ст. 58-1 «а», 58-10, ч. 2, 58-11 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 20 лет. **17 сентября 1944 года прибыл в Устьвымлаг МВД, умер 14 сентября 1945 года.** Полностью реабилитирован 25.09.61 [21].

Герасимов Андрей Николаевич, 1897, уроженец Смоленской губернии, житель Молотовска, мастер цеха № 6 завода № 402. Военным трибуналом войск НКВД по Архангельской области 04.08.44 незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 3 года. **Освобожден из Енисейстроя МВД 23 октября 1952 года.** Полностью реабилитирован 23.04.92 [22].

Горбатовский Василий Филиппович, 1898, уроженец Брянской губернии, житель п. Судострой о-ва Ягры, старший моторист шпалзавода № 1. Арестован 18.12.37. Тройкой УНКВД по Архангельской области 29.12.37 по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Убыл в Онеголаг НКВД 30 января 1938 года.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 05.03.59 [23].

Горбунов Владимир Иванович, 1899, уроженец Нижегородской губернии, житель Молотовска, рабочий склада топлива. Военным трибуналом Северной железной дороги 01.08.45 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. **Освобожден из Ягринлага МВД 28 октября 1954 года, убыл в город Нижний Тагил Свердловской области.** Полностью реабилитирован 11.06.92 [24].

Гордеева Ульяна Прокопьевна, 1891, уроженка д. Баламутовская Вельского уезда, жительница Молотовска. Особым совещанием 18.03.44 как «член семьи изменника Родины» незаконно выслана в Коми АССР сроком на 5 лет. **Выслана 24 апреля 1944 года.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирована 14.04.89 [25].

Григорьев Иван Федорович, 1910, уроженец Санкт-Петербургской губернии, житель Молотовска, старший товаровед завода № 402. Арестован 16.06.41. Особым совещанием НКВД СССР 31.01.42 по ст. 58-6 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Освобожден**

из лагеря 20 апреля 1954 года, направлен на поселение в Коми АССР. Полностью реабилитирован 27.12.56 [26].

Гришкин Андрей Васильевич, 1921, уроженец Калужской губернии, житель Молотовска. Архангельским областным судом 31.05.51 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. **23 октября 1951 года прибыл в УИТЛ и строительство УМВД Казахской ССР.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 04.06.92 [27].

Грошевой Иван Акатьевич, 1909, уроженец Молдавии, житель Молотовска, боец военизированной охраны Ягринлага. Военным трибуналом войск НКВД СССР Архангельской области 18.10.41 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 6 лет. **29 апреля 1942 года прибыл в Талаги, умер 14 июня 1942 года.** Полностью реабилитирован 28.08.91 [28].

Гурьев Афанасий Алексеевич, 1894, уроженец Архангельской губернии, житель Молотовска, заместитель начальника по снабжению отдельной рабочей колонны № 1154, имел на иждивении троих несовершеннолетних детей. Арестован 30.12.41. Особым совещанием НКВД СССР 23.05.42 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 8 лет. **6 июля 1942 года переведен в Воркутлаг НКВД.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 19.05.89 [29].

Добронравов Владимир Михайлович, 1902, уроженец д. Турчасово Онежского уезда Архангельской губернии, житель Молотовска, диспетчер завода № 402. Арестован 24.07.40. Архангельским областным судом 10.10.40 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 4 года. **Направлен в УИТЛК 19 октября 1940 года.** Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 20.11.92 [30].

Иогельсен-Маковская Галина Николаевна, 1915, уроженка Киева, жительница Молотовска, художник-постановщик драмтеатра. Арестована 26.07.47. Архангельским областным судом 09.09.47 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осуждена к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. **Срок отбывала в Мордовской АССР, в Дубровлаге. В 1955 году писала просьбу о пересмотре дела, в пересмотре было отказано. Освобождена по отбытии срока.** Полностью реабилитирована 24.03.92 [31].

После освобождения из лагеря занималась книжной графикой. В 1986 году создала цикл из 20 работ, посвященных «Слову о полку Игореве». В 1986 году этот цикл был издан как комплект картин с методическими рекомендациями для использования их на уроках в школах Украины.

Иогельсен Владимир Сергеевич, 1913, уроженец Санкт-Петербурга, житель Молотовска, режиссер-постановщик драмтеатра. Арестован 17.02.47. Военным трибуналом Архангельского военного округа 31.10.47 по ст. 58-1 «а» УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 20 лет. 13.10.56 срок наказания сокращен до 10 лет лишения свободы. **Срок отбывал в УИТЛК Дорожное, строительство № 12, в Омской области. В 1954 году ему отказано в пересмотре дела. Освобожден из-под стражи 20 декабря 1955 года в связи с прекращением дела.** Полностью реабилитирован 30.09.92 [32].

После освобождения работал режиссером драматических театров в Омске, Архангельске, в Алма-Атинском ТЮЗе, Ташкентском драмтеатре им. Горького и др. С 1968 по 1973 год возглавлял Андижанский театр кукол «Лола» в Узбекистане. За творческие успехи был удостоен звания заслуженного артиста Узбекской ССР. Ушел из жизни 23 апреля 1995 года. Похоронен в Ташкенте на мемориальном кладбище Боткинское.

Казаков Иван Алексеевич, 1889, уроженец Тамбовской губернии, житель п. Судострой Приморского района, бухгалтер завода № 402. Арестован 08.01.38. Тройкой УНКВД по Архангельской области 11.01.38 за «ведение контрреволюционных разговоров» незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Скончался в Онеголаге 20 февраля 1939 года.** Полностью реабилитирован 27.09.89 [33].

Карчебный Владимир Илларионович, 1909, уроженец Белоруссии, житель Молотовска, жестянщик завода № 402, на иждивении имел четверых детей. Арестован 25.02.47. Военным трибуналом Архангельского военного округа 14.05.47 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР, 63-2 УК БССР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества. **Из лагеря освобожден условно-досрочно 10.02.55.** Полностью реабилитирован 21.06.99 [34].

Кирилкин Иван Тарасович, 1890, уроженец г. Шахты, житель Молотовска, начальник строительства судостроительного завода. 02.05.41

Военным трибуналом Архангельского военного округа по ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР и Закону от 07.08.32 незаконно осужден к лишению свободы сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет. **Скончался в Вятлаге 25 марта 1942 года.** Полностью реабилитирован 25.08.56 [35].

Копп Леонид Харитонович, 1886, уроженец Москвы, житель Молотовска, технический директор строительства судостроительного завода. 02.05.41 Военным трибуналом Архангельского военного округа по ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 8 лет с поражением в правах на 3 года. **Срок отбывал в Ягринлаге. Скончался в лагере 16 июня 1950 года.** Полностью реабилитирован 25.08.56 [36, 37].

Курячий Николай Семенович, 1886, уроженец Украины, житель Молотовска, заместитель начальника финотдела завода № 402. Тройкой УНКВД по Архангельской области 11.01.38 за «антисоветскую агитацию» незаконно приговорен к расстрелу. **Приговор приведен в исполнение 20 января 1938 года.** Полностью реабилитирован 18.07.59 [38].

Куницын Георгий Иванович, 1914, уроженец Воронежской губернии, житель Молотовска, тракторист завода № 402. 30.04.38. Арестован за «антисоветскую агитацию». **24.09.38 умер в местах лишения свободы (в Архтюрьме).** 01.10.38 дело прекращено в связи со смертью. Посмертно полностью реабилитирован 11.08.92 [39].

Мальцев Владимир Васильевич, 1899, уроженец Польши, житель Молотовска, начальник технологического отдела завода № 402, на иждивении имел двоих детей. Арестован 09.09.38. Архангельским областным судом 19.03.39 по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. **Умер 11 августа 1943 года.** Полностью реабилитирован 02.10.63 [40].

Мионов Илья Тихонович, 1892, уроженец Екатеринбургской губернии, житель Молотовска, рабочий завода № 402. Арестован 29.05.39. Архангельским областным судом 02.08.39 по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 3 года. **В августе 1939 года срок наказания снижен до 5 лет лагерей и 2 лет поражения в правах. Срок отбывал в Ягринской ИТК (Талажское отделение). Освобожден из-под стражи 16 февраля 1943 года.** Полностью реабилитирован 20.03.92 [41].

И. Т. Мионов скончался в 1946 году, так и не оправившись от лагеря.

Молодцов Сергей Авдеевич, 1888, уроженец Московской губернии, житель Молотовска, служащий. Военным трибуналом войск НКВД по Архангельской области 10.11.41 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Срок отбыл полностью.** Реабилитирован 24.06.55 [42].

Олейник Федор Александрович, 1910, уроженец Курской губернии, житель Молотовска, плотник завода № 402. Тройкой УНКВД по Архангельской области 14.01.38 за «антисоветскую агитацию» незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Скончался в лагере 22 мая 1942 года.** Полностью реабилитирован 06.06.57 [43].

Опракундин Михаил Александрович, 1904, уроженец Санкт-Петербурга, житель Молотовска, главный технолог завода. Арестован 12.12.41. Особым совещанием НКВД СССР 06.06.42 по ст. 58-14 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 5 лет. Исполнение постановления Особого совещания при НКВД СССР приостановлено в связи с направлением осужденного на фронт в действующую армию. **Служил с июля 1942 года на 2 Украинском фронте. Был дважды ранен, в звании ефрейтора. 5 апреля 1944 года под артиллерийским минометным обстрелом с высот с. Оксентия с риском для жизни исправил два порыва на линии, тем самым восстановил бесперебойную связь КП 49 СК с подчиненными ему наступающими частями. Награжден медалью «За отвагу». Дата подвига 12 июля 1944 года. Номер записи: 31307708.** Полностью реабилитирован 06.01.71 [44].

Панфилов Иван Васильевич, 1899, уроженец Одесской губернии, житель Молотовска, заведующий овощехранилищем, на иждивении имел троих детей. 15.09.37 тройкой УНКВД по Северной области по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 8 лет. Освобожден 2 апреля 1952 года, убыл в Грозненскую область. Полностью реабилитирован 03.06.64 [45].

Попов Павел Петрович, 1863, уроженец д. Зовза Архангельского уезда, житель Молотовска, сторож. Арестован 02.01.38. Тройкой УНКВД по Архангельской области 05.01.38 за «антисоветскую агитацию» незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. **Скончался в лагере 4 января 1941 года.** Полностью реабилитирован 10.08.92 [46].

Рогожникова Людмила Евстигнеевна, 1917, уроженка Сибири, жительница Молотовска, художник. Арестована 05.02.44. Военным трибуналом Архангельского военного округа 26.07.44 по ст. 58-1 «а»,

58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осуждена к лишению свободы сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет. **Освобождена из Воркутлага 29 августа 1955 года.** Полностью реабилитирована 27.10.59 [47].

Рябинов Иван Александрович, 1895, уроженец Вологодской губернии, житель Молотовска, рабочий. Арестован 04.12.43. Архангельским областным судом 12.01.44 по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 10 лет. **Наказание отбыл полностью.** Реабилитирован 09.06.60 [48].

Сысоев Николай Александрович, уроженец д. Щильниковская Каргопольского уезда, житель Молотовска, художник театра. Арестован 24.04.47. Архангельским областным судом 18.10.47 по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно осужден к лишению свободы сроком на 7 лет. **Наказание отбывал в Архангельской области. Освобожден из колонии № 1 УИТЛиК 30 января 1954 года.** Полностью реабилитирован 28.06.90 [49].

Шпановер Яков Абрамович, 1910, уроженец Санкт-Петербурга, житель Молотовска, строитель, на иждивении имел троих детей. Арестован 13.12.41. Особым совещанием НКВД СССР 06.06.42 по ст. 58-10, ч. 2, 58-14 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 5 лет. **Наказание отбывал в Устьвымлаге Коми ССР, освобожден 20 апреля 1943 года.** Полностью реабилитирован 06.01.71 [50].

Примечания

1. Семейный архив внучки Л. Л. Артюшкиной.
2. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/20553 от 07.12.2015.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.

15. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/20553 от 07.12.2015.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же. № 18/4662 от 25.04.2014.
20. Там же. № 18/20553 от 07.12.2015.
21. Там же. № 18/5662 от 15.04.2016.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. № 18/1474 от 19.02.2015.
31. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-18512.
32. Там же. Д. П-17893.
33. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/4662 от 25.04.2014.
34. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-21233.
35. Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001, Т. 1. С. 186.
36. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-5573.
37. Шмигельский Л. Памятник Леониду Коппу // Северодвинск. Испытание на прочность / Ред.-сост. А. Масленников. Северодвинск, 1998. С. 218.
38. Архив РУФСБ России. Протокол заседания тройки УНКВД по АО № 57 от 11.01.1938.
39. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/5662 от 15.04.2016.
40. Там же. № 18/20553 от 07.12.2015.
41. Семейный архив дочери Д. И. Тюлиной.
42. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-8731.
43. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/4662. 25.04.2014.
44. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-12030.
45. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/879 от 10.02.2017.
46. Там же. Письмо № 18/1474 от 19.02.2015.

47. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/1474 от 10.02.2015.

48. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-9539.

49. По сведениям ИЦ УМВД России по АО. Письмо № 18/20553 от 07.12.2015.

50. Архив РУФСБ России по АО. Д. № П-12030.

3. Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (от 22 ноября 1926 года, с последующими изменениями)

58-1. Определение контрреволюционной деятельности. «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и... правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

- **58-1а.** Измена Родине: расстрел с конфискацией имущества или 10 лет с конфискацией имущества.
- **58-1б.** Измена со стороны военного персонала: расстрел с конфискацией имущества.
- **58-1в.** В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются — лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет.

- **58-1г.** Недонесение о военных изменниках: лишение свободы на 10 лет. Недонесение на других граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58-12.

58-2. Вооруженное восстание или вторжение с целью захватить: расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

58-3. Контакты с иностранным государством в «контрреволюционных целях» или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, караются по статье 58-2.

58-4. Оказание помощи «международной буржуазии», которая не признает равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть ее, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазии общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности: наказание аналогично статье 58-2.

58-5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества, разрыву дипломатических отношений и другим агрессивным действиям против СССР: наказание аналогично статье 58-2.

58-6. Шпионаж: наказание аналогично статье 58-2.

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, то есть промышленный саботаж: наказание аналогично статье 58-2.

58-8. Террористические акты, направленные против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций: наказание аналогично статье 58-2.

58-9. Причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях: наказание аналогично статье 58-2.

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2—58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении: наказание аналогично статье 58-2.

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется Уголовным кодексом по соответствующим статьям.

58-12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении: от 6 месяцев лишения свободы.

58-13. Активная борьба против революционного движения, проявленная на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период гражданской войны: наказание аналогично статье 58-2.

58-14 (добавлено 6 июня 1937 г.). Контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до расстрела с конфискацией.

Содержание

От составителя.....	4
Часть I. «В Северной области расстрелять 750 человек» (Краткие сведения о расстрелянных жителях Судостроя)...	7
Часть II. «Банда во главе с Кирилкиным» (Воспоминания детей и внуков арестованных на Судострое).....	19
С мечтой о будущем заводе и городе... (Об И. Т. Кирилкине)	21
«Выстрел в портрет Ленина» (Из воспоминаний С. А. Боголюбова).....	26
Первый технический директор (О Л. Х. Коппе)	39
Расстрелян в день суда (Об А. Э. Арнгольде)	41
«Восхваляя монархический строй» (О Н. А. Автомонове)....	43
«Забрали даже детские хлебные карточки» (Об И. Н. Агапове)	47
«Через месяц умер в Ягринлаге» (Об А. А. Богданове)	48
«Отрубить палец, чтобы побыть на больничном» (Об А. А. Вохмянине)	50
Переселили в бывший туалет (О Н. И. Кушникове).....	53
«Если не буду писать — живым из кабинета не выйду» (Об И. Т. Миронове)	55
«Убеждал веровать в Бога» (О П. П. Попове)	59
Всю жизнь под колпаком (Об И. М. Тарасове).....	60
«За связь с иностранными моряками» (О Е. В. Тышовой)....	62
«В 1948 году срок увеличили до 25 лет» (О В. И. Шостенко)	65
Часть III. «Мама тоже исчезла на пять лет» (Воспоминания детей и внуков «врагов народа»)	68
Отпустили домой умирать (Об И. А. Амосове)	70
«Помню молчаливые колонны заключенных» (О С. А. Андрееве)	74
«Расстреляли как ослабевшего» (О Ф. С. Батурине).....	78
«Власть только готовое разоряет» (Об И. Е. Бобрецовe)	80

Умер от тоски и несправедливости (О Н. Г. Бушманове)	83
«Мы не уверены, что это наши настоящие имена» (О родителях А. Т. Василевского)	85
Из-за арестов спать ложились в верхней одежде (О Н. Н. Загородникове)	86
«Семьи куда-то исчезали» (Об А. А. Клоковском)	88
«Всё молоко сдавали "товарищам"» (О Н. А. Колодкине).	90
«Папа был прямым человеком» (О Ф. К. Кривополенове).	94
«А вдруг у вас там золото припрятано?» (Об А. Я. Кузьмине)	97
Козу и швейную машинку за неуплату налога (Об А. Д. Кырчакове)	100
«Туалет пристроить к дому нельзя: мы лишенцы» (Об А. П. Лоскутове)	103
«Всегда помни, чей ты сын» (О С. Г. Макаренкове)	104
«Семью в 24 часа выгнали из квартиры» (О В. Я. Плешкове)	107
«Истинная причина смерти — расстрел» (Об А. С. Попове)	109
«При царе при Николашке ели белые олашки...» (Об И. Д. Слuzове)	111
«Называли сталинскую Конституцию филькиной грамотой» (О В. В. Таранковском).	113
«Мама тоже исчезла на пять лет» (О В. Е. Ширяеве).	115

Часть IV. «Умерших детей выкинули из вагона»

(Трагические судьбы раскулаченных)	121
«Описали тесовые ворота» (О семье Алексеевых)	123
«Одна в огромном бараке» (О семье Брайко).	125
«Умерших зимой складывали в сарай» (О семье Буслаевых)	127
«Дама с козой» (О семье Волковых)	130
«Женщин и детей выгнали на улицу» (О семье Гавриленко)	133
Выжили благодаря бабушке (О семье Гусак).	140
«Где тут у вас ребенок работает?» (О семье Капинус)	141
«Отдайте ее в детдом» (О семье Карнауховых)	144
«Доставить мельницу для ремонта в Шелексу» (О семье Керовых)	147
«Ослабевших в пути расстреливали» (О семье Кобзевых)	149

«Пятерых детей похоронили» (О семье Кривенко)	150
Связь между собой не теряли (О семье Курицыных)	153
«Говорила одно слово — прикло» (О семье Кухаренок)	157
«Вот когда раскулачивать-то меня надо» (О семье Лепехиных)	161
А делить общественный хлеб выбрали бывшую «кулачку» (О семье Марковых)	163
«Мама не пустила меня учиться в седьмой класс» (О семье Нехведович)	165
«Упавших не разрешали поднимать» (О семье Поповых)	167
«Умерших детей охранники выкинули из вагона» (О семье Савиных)	168
«Сахар» у лисички был несладкий (О семье Станкевич)	172
«Соседи раскулачили» (О семье Сумкиных)	182
«Детей выгнали из школы» (О семье Тюриковых)	183
«Даже голубки о нас плакали» (О семье Феоктистовых)	184
«Разместили в соборе на нарах» (О семье Юровых)	189
«В колонне заключенных было много священнослужителей» (Воспоминания Д. Д. Шевчука)	191

Часть V. Везде чужие (О репрессированных советских немцах)	195
В Германию из зоны немецкой оккупации (О семье Гуссер)	196
«От Советов мне ничего не нужно» (О семье Ротермель)	197
«Под надзором спецкомендатуры» (О семье Штреккер)	199
Высланные на вечное поселение (Воспоминания М. Я. Экес)	200

Приложения

1. «За отсутствием состава преступления...» (Дополнения к списку реабилитированных, не вошедших в «Поморской Мемориал»)	206
2. О дальнейшей судьбе арестованных (Уточненные данные о судьбах репрессированных, дополнения к «Поморскому Мемориалу»)	222
3. Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (от 22.11.1926)	233

Большая благодарность Сергею Леонидовичу Шергину, руководителю ООО «Магистраль», за помощь в издании книги.

Благодарим также за помощь в издании книги

Э. М. Адамантову, С. И. и Е. А. Барминых, А. В. Горячева, С. В. Калинин, Э. Н. Карнеевич, Р. Н. Карташову, М. В. и Н. В. Корельских, Т. Н. Кудряшову, С. Е. Кузнецову, М.Ф. Ларичкину, Н. Ю. Малышеву, Е. Н. Новикову, Т. П. Опарину, А. В. Переверзину, О. А. Пунанову, А. Я. и С. И. Рогоушиных, А. В. и С. А. Русановых, В. В. Третьякову, О. Н. Тушину и В. В. Мымрина, С. А. Чаусову, Л. Н. Шулеву, М. Д. Яндиеву

ФОТОГРАФИИ НА ВКЛЕЙКЕ

Фото А. И. Назанского, В. И. Аввакумова, К. Г. Болтвилкса, А. М. Вавиловой, В. Ф. Калистратова, В. К. Пугачева, М. Н. Смирновой, К. Я. Соколова, В. М. Добро-нравова, С. А. Молодцова, Н. А. Сысоева, В. С. Иогельсена, Г. Н. Иогельсен-Маковской — из архива УФСБ России по Архангельской области.

Также использованы фотографии из семейных архивов Е. М. Аксеновой, О. В. Амелиной, А. С. Андреева, О. И. Антуфьевой, Л. Л. Артюшкиной, Л. А. Бельшевой, Б. Е. Бреславец, В. И. Буслаева, Е. С. Витязевой, Н. Н. Ельцовой, В. М. Капинус, В. Ф. Карабановой, А. В. Керова, Р. В. Космыниной, А. Н. Кри-венко, В. А. Кузьмина, Р. С. Курочкиной, Т. Н. Лисиной, А. А. Лоскутова, О. Г. Ляпуновой, Г. С. Макаренкова, Л. В. Мартыновой, Л. А. Мякишевой, М. Н. Махсма, Л. Н. Налетовой, М. В. Поляковой, Г. А. Попова, Г. Н. Пятуниной, А. Д. Роговой, Г. Е. Семеновой, Е. И. Слузовой, Л. А. Тарантиной, Д. И. Тюлиной, Г. И. Тюриной, М. В. Феоктистовой, Н. Н. Шиловой, О. В. Шостенко, А. А. Шубиной, А. А. Чики-ной, А. А. Хрушковой, Л. С. Хруцкой.

С интернет-сайтов фото:

И. Т. Кирилкина — http://www.edu.severodvinsk.ru/after_school/nit/2008/work/klikova/page2.html;

Л. Х. Коппа — http://krampravda.dn.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=364:2012-04-06-07-15-05&catid=40:history&Itemid=57;

С. А. Боголюбова — http://www.vdvsn.ru/novosti/korabelnaya_storona/legendarnyy_direktor/;

В. А. Сапрыкина — http://www.biblioatom.ru/founders/saprykin_vasilij_andreevich/

Информационное издание

«ОБО ВСЁМ, ЧТО СОВЕРШИЛОСЬ ТУТ»

Воспоминания, материалы
о репрессированных жителях Судостроя—Молотовска
и о репрессированных родственниках жителей
Архангельска и Северодвинска

С разрешения правообладателя (Лицензионный договор о предоставлении права на использование произведения от 27.04.2017) использованы строка из стихотворения Лидии Чуковской в качестве названия книги и фрагмент стихотворения в качестве эпиграфа к книге.

Отзывы, предложения можно посылать
по электронному адресу
shaverina.galya@yandex.ru

Набор *Г. В. Шавериной*
Редактор *И. В. Горячева*
Компьютерная верстка *М. М. Антоновой*
Корректор *С. В. Калинина*
Ответственный за выпуск *А. В. Горячев*

16+

Подписано в печать 02.06.2017. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 1000 экз. Заказ № 569.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»,
г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
E-mail: zakaz@ippps.ru, www.ippps.ru

Расстрелянные на Судострое

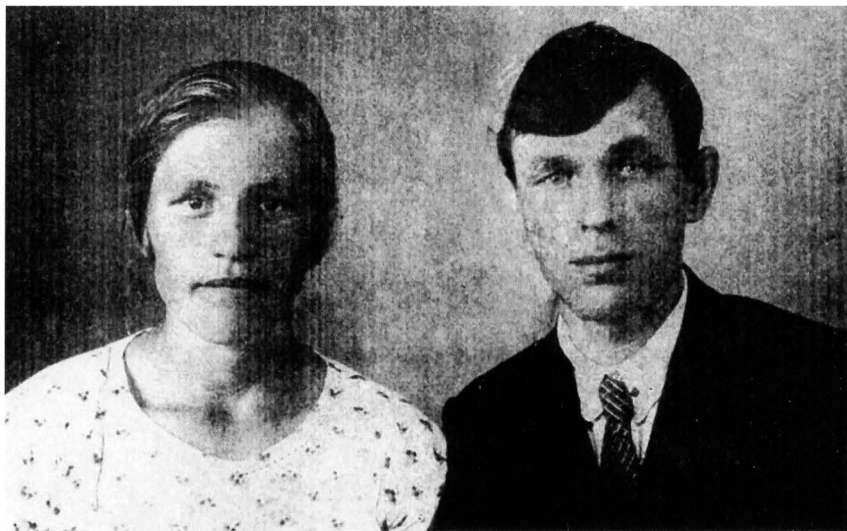

Аркадий Ильич Назанский
(1890—1938), актер
Молотовского драмтеатра.
Расстрелян в 1938

55

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 96/21
ЗАСЕДАНИЯ ТРОЙКИ при УПРАВЛЕНИИ НКВД по АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.
26. ОКТЯБРЯ 1938 г.

с л у ш а л и:	п о с т а н о в и л и:
<p>Дело № 24097-3 отдела УГБ по обвинению НАЗАНСКОГО Аркадия Ильича-1890 г. рожд., уроженец гор. Умень, Киевской области, по национальности еврей, сын торговца, беспартийный. До ареста работал артистом Драмтеатра при заводе № 402.</p> <p>ОБВИНЯЕТСЯ в том, что занимался шпионажем в пользу Японии. Вел к-р. фашистскую агитацию.</p>	<p>НАЗАНСКОГО Аркадия Ильича- РА С С Т Р Е Д Я Т Ь.</p> <p>Отобранный при аресте фотоаппарат - конфисковать.</p> <p>Дело сдать в архив.</p>
<p>Верно: Нач. 1 Спецотдела УНКВД АО Ст. лейтенант Гос. безопасности (РУДНЕВ)</p> <p style="text-align: right;"><i>M 47</i></p>	

Изосим Матвеевич Тарасов (1898—1938) с женой,
слесарь на Судострое. Расстрелян в 1938.
Отец четверых несовершеннолетних детей

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 87

по следственному делу № 20921 _____ РО УНКВД Архобласти

подлежащему разбору на тройке УНКВД по Архобласти.

1. Фамилия ТАРАСОВ 178

2. Имя, отчество Изосим Матвеевич

3. Год рождения 1898 и количество исполнившихся лет _____

4. Место рождения Гондовского сельсовета, Пинежского района.
(область, район, сельсовет, деревня)

5. Место жительства до ареста Завод № 402

6. Место работы и должность Слесарь завода № 402

7. Имел ли судимость, высылку (когда, откуда и на какой срок, за что). Отбыл-ли:

а) НЕТ

б) _____

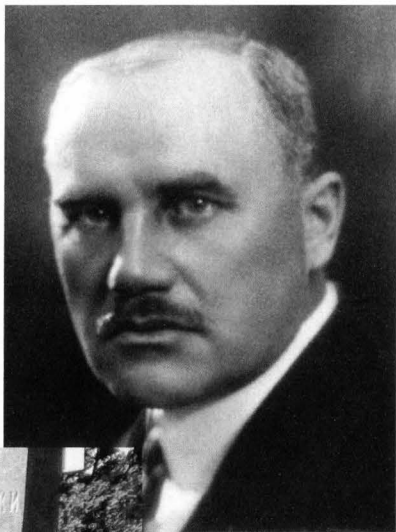
в) _____

8. В каких партиях состоял в прошлом (имея и причины прибытия) Воспитанный Беспартийный

9. Социальное происхождение Белогвардеец

Заключение
по следственному
делу Тарасова,
подлежащему
разбору на тройке
УНКВД

Арнольд Эрнестович Арнгольд
(1881—1937),
инженер на Судострое.
Расстрелян в 1937
в Донском монастыре

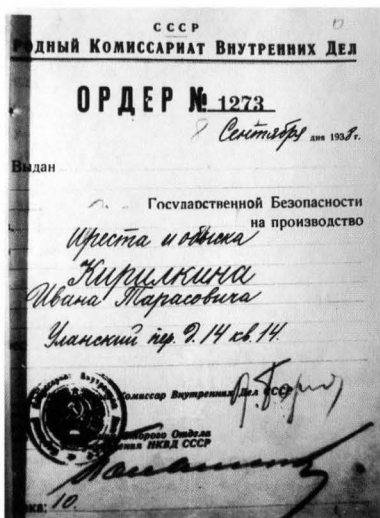

Памятник невинно
замученным
и расстрелянным
в Донском
монастыре.
В 2016 там
появился портрет
А. Э. Арнгольда

Арестованные на Судострое

Иван Тарасович Кирилкин (1890—1942), первый начальник строительства завода № 402. Арестован в 1938, осужден в 1941 на 15 лет. Скончался в Вятлаге

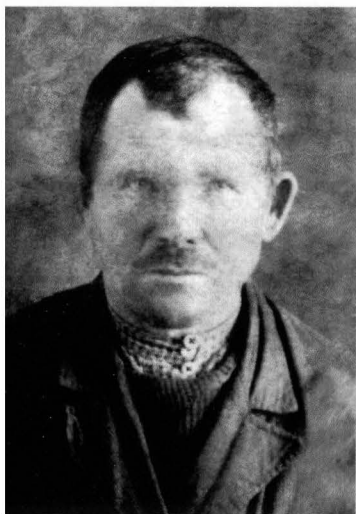
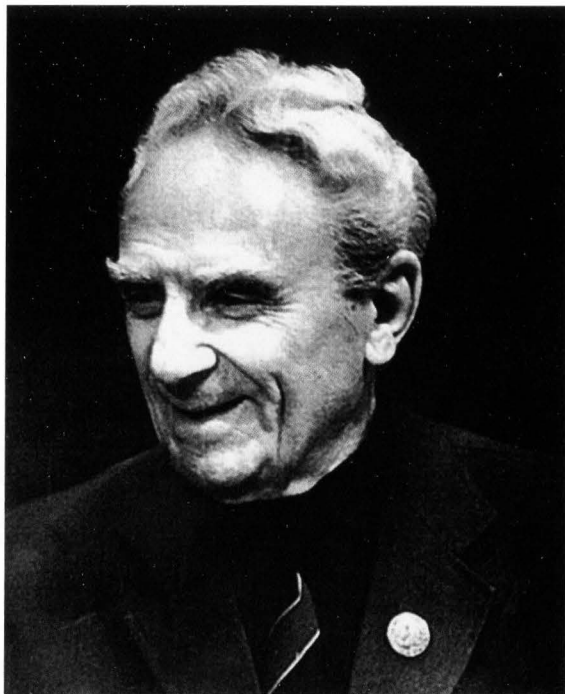

Ордер на арест
И. Т. Кирилкина

Леонид Харитонович Копп (1886—1950) (на фото с сыном), технический директор строительства завода № 402. Арестован в 1937, осужден в 1941 на 8 лет лагерей, в 1942 приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет лагерей. Скончался в Ягринлаге

Сергей
Александрович
Боголюбов
(1907—1990),
директор завода
№ 402 в 1942—1949.
Осужден в 1951
на 25 лет.
Освобожден в 1954

Николай Александрович Автомонов
(1928—?), плотник на Судострое.
В 1935—1937 узник Дмитровлага.
Повторно арестован в 1938, осужден
на 10 лет лагерей. Дата и место
смерти неизвестны

Александр Афанасьевич
Вохмянин (1889—1942),
плотник на Судострое.
Осужден в 1937 на 10 лет
лагерей.
Скончался в Усть-Вымлаге

Уважаемая семья Вохмянина,
ваш Отец и сын Александр Вохмянин
ожили до старости. Больше счастья
Бог не даст; Он велел всем долго жить
и не плакать неужиком, так
судьба; Мать просит воспитывать детей
отцу долго жить, и это не исполнилось
плохим.
Неизвестный друг
его не стало 15 декабря 42 года
25 Января 43.

Записка друга из лагеря о смерти А. А. Вохмянина

Справа Александр Александрович Богданов (1915—1944), слесарь на заводе № 402. Осужден на два года. Скончался в 1944 в Ягринлаге от пеллагры. Жена умерла еще при родах. Двое детей остались сиротами

 РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

ЖЦ № 132903

Гр. Богданов
Александр Александрович
 умер (ав) 28.11.1944 Ягринский исправительный лагерь
от пеллагры вследствие болезни в Ягринском лагере

возраст 29 лет в годах, месяцах и днях

Причина смерти Пеллагра

о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
 19 44 года ноября месяца 28 числа
 произведена соответствующая запись за № 285

Место смерти: город, селенье Скитовинск
 район Степавиновский область, край,
 республика Ленинградская

Место регистрации: Введенский ст.
д. 59-10 1914 г.

Дата выдачи 10 ноября 19 44 г.

 Заместитель бюро записей актов
 гражданского состояния Иванов

Г.Иван. 1944.

Павел Петрович
Попов (1863—1941)
с женой, бывший
староста
Воскресенского
храма д. Солзы.
Сторож
на Судострое.
Осужден в 1938 на
10 лет лагерей. Умер
в лагере

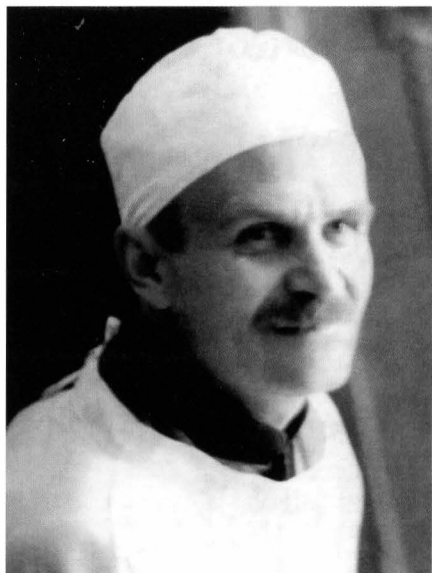

Екатерина Васильевна
Тышова (1921—?),
конструктор на заводе
№ 402. Осуждена в 1948
как «американская
шпионка» на 10 лет
лагерей. Освобождена
в 1956

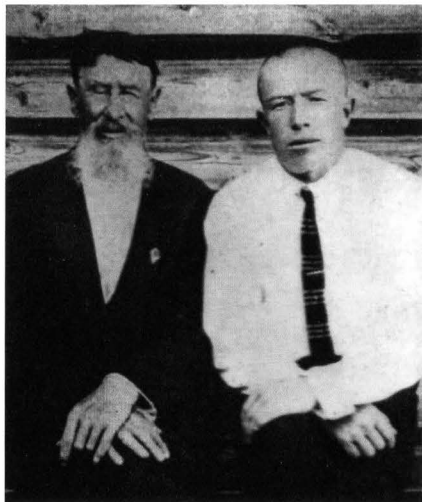
Вячеслав Иванович
Шостенко (1922—1998),
актер драмтеатра.
Осужден в 1948
на 25 лет лагерей.
Вернулся из лагеря
в 1956

Невинно осужденные по статье 58

Второй слева Иван Антонович Амосов (1905—1964) с сестрами и братом, начальник ОТК Архбумкомбината (фото 20-х годов). Осужден в 1941 на 10 лет лагерей. Освобожден в 1943, как умирающий

Сергей Алексеевич Андреев (1909— ?), врач-хирург. Арестован в Онеге в 1941, осужден на 5 лет. Освобожден из лагеря по болезни в 1944

Бушмановы Григорий Ефимович и Николай Григорьевич (1905—1938), ветеринарный врач. Арестован в 1937 в Вологодской области, осужден на 10 лет. Скончался в лагере

Анна Александровна Бушманова с детьми, 1937. Фото Николай Григорьевич прислал жене из лагеря. На обороте: *«Милые дети, вспоминайте своего папу, слушайте маму, растите и учитесь. Папа»*

Илья Енвареевич Бобрецов (1874—1938), крестьянин. Арестован в Лешуконском районе в 1937. В 1938 расстрелян за «ведение контрреволюционной агитации против лесозаготовок»

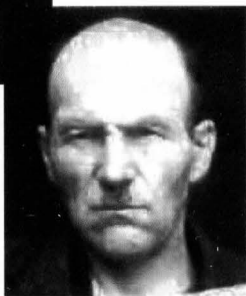
Арнольд Тафельевич
Василевский (1931—2009).
Родители репрессированы.
Выросли с сестрой
в детском доме

Инженер Никифор
Николаевич Загородников
(1888—?) с семьей. В 1937
приговорен к 5 годам
тюрьмы, где потерял рассудок
и скончался

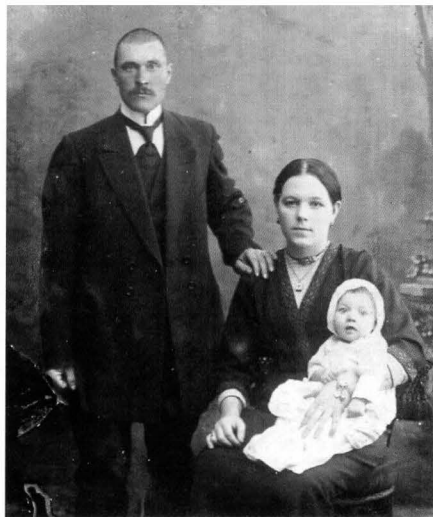
Александр Алексеевич
Клоковский (1893—1947)
с женой и сыном. 1921.
Механик мясокомбината.
Арестован в 1938, осужден
в 1940 на 7 лет лагерей

Александр
Алексеевич
после
освобождения
из лагеря

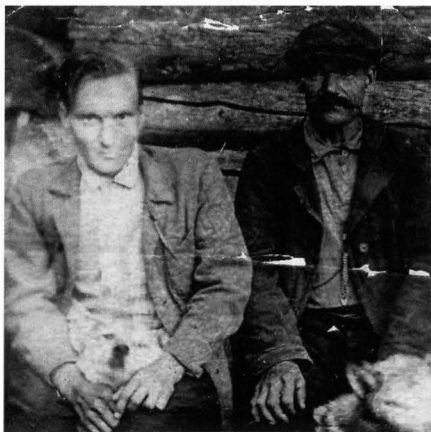

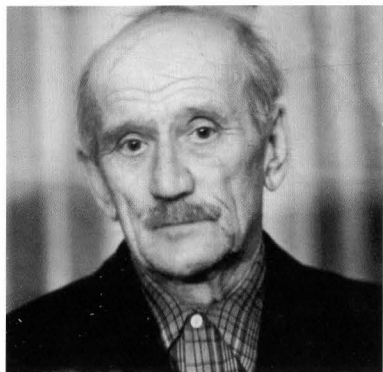
Слева Николай Александрович Колодкин (1895—1935), крестьянин из Виноградовского района. За отказ вступать в колхоз получил 5 лет лагерей в 1931. Освобожден через 2,5 года по зачету (год за два). Фото из лагеря

Александр Яковлевич Кузьмин (1887—1945) с женой и дочкой, 1915. Старший бракер на Онежском лесозаводе. В 1944 осужден на 10 лет. Умер в лагере

Денис Александрович (1912—1938) и Александр Денисович (1884—1942) Кырчаковы, крестьяне из Мезенского района. Денис Александрович арестован в 1937, отец в 1942, осуждены на 10 лет лагерей, скончались в тюрьме

Василий Яковлевич Плешков (1901—1991), статистик в конторе треста кафе-ресторанов в Архангельске. Арестован в 1937 после общего собрания в коллективе. 10 лет отбывал на лесозаготовках в Коми АССР

Алексей Петрович Лоскутов (1875—1938), крестьянин из Устьянского района. В 1937 осужден на 10 лет, погиб в лагере

Сергей Григорьевич Макаренков (1910—1941), крестьянин из Вологодской области. В 1940 осужден на 7 лет лагерей. Скончался в лагере в 1941

С гармошкой Иван Данилович
Слузов (1893—?), колхозный
бригадир. В 1937 осужден
на 10 лет лагерей. Семья о судьбе
отца ничего не знает

Владимир Владимирович
Таранковский (1905—1939),
начальник части техснабжения
в отделении милиции,
Архангельск. В 1937 осужден
на 10 лет. Умер в лагере

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-ЖЛ № 004710

Гр. Попов

Фамилия Афанасий Владимирович
имя Афанасий
отчество Владимирович
полное наименование отца
родился 24.09.1894 г. Саратовская область
возраст 63 лет

Причина смерти язва желудка
и чем в книге актов гражданского состояния о смерти
1957 года 17 числа
происшедшая соответствующим записи за № 45
Место смерти: горы, солонч. область, край,
республика _____
Место регистрации: Виноградовский рай.
зона в Виноградовском
районе 25.09.1961

Свидетель Афанасий

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гр. Попов

Фамилия Афанасий Владимирович
имя Афанасий
отчество Владимирович
полное наименование отца
родился 24.09.1894 г. Саратовская область
возраст 63 лет

Причина смерти язва желудка
и чем в книге актов гражданского состояния о смерти
1957 года 17 числа
происшедшая соответствующим записи за № 45
Место смерти: горы, солонч. область, край,
республика _____
Место регистрации: Виноградовский рай.
зона в Виноградовском
районе 25.09.1961

Свидетель Афанасий

Два свидетельства о смерти Афанасия
Степановича Попова. Выданы Виноградовским
ЗАГСом с разницей в 29 лет с датой — 17 сентября
1957 года. В 1961 причина смерти — язва
желудка, в 1990 — истинная причина — расстрел

Раскулаченные

Семен Никитич
Брайко (1910) с женой
Антониной Егоровной.
Он раскулачен в 1929
вместе с родителями
в Полтавской
области из-за отказа
вступить в колхоз.
Семья этапирована
в Холмогорский
район. Погиб
на фронте в 1942

Василий Иванович
Буслаев (1893)
с женой Лукерьяй
Георгиевной,
раскулачены в 1930
в Верхневолжском
крае. Мужа
из Вологды увезли
в Казахстан, жену
с детьми этапировали
на Пинегу, в поселок
Рожево

Егор Данилович (1914) и Федора Григорьевна Волковы.
Оба из раскулаченных семей: муж из Саратовской, Федора
из Курской областей. Высланы в Орлецы Холмогорского района

Семья Гавриленко: Ефим Григорьевич, Афанасий Ефимович,
Парасковья Васильевна, Полина (жена Афанасия), Мария Ефимовна
(в замужестве Бреславец) на поселении в Коношском районе.
Раскулачены на Украине в 1929

УКРАЇНА
Барвінківська районна рада
 ХАРКІВСЬКА ОБЛАСТЬ
 РАЙОННА КОМІСІЯ ПО РЕАБІЛІТАЦІЇ ЖЕРТВ ПОЛІТИЧНИХ
 РЕПРЕСІЙ

64701 м. Барвінкове, вул. Леніна, 8 тел. 4-18-33, 4-18-34

Вих. № 2
 Від « 21 » серпня 2009р.

СПРАВКА

Дана гр. КАПІВІУС Вері Михайлою, 1929 года рождения в том, что она действительно была принудительно выселена в 1931 году вместе со своими родителями: КАПІВІУС Михайлом Марковичем, 1906 года рождения, КАПІВІУС Прасковей Лавраровной, 1909 г.р., из хутора Капінус Семейновского сельсовета Барышевского района Харьковской области на спецпоселение в Маймакский район г. Архангельска, что подтверждается архивной справкой УВД Архангельской области и Госархива Харьковской области.

Согласно ст.3 Закона Украины от 17.04.1991г. «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» КАПІВІУС Михана Маркович и члены его семьи реабилитированы.

Копия решения Барышевской районной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий прилагается.

Президент районной комиссии по
 реабилитации жертв политических
 репрессий, заместитель председателя
 районного совета

В.С.Шолох

Семья Гусак: сидят Тимофей
 Васильевич, Матрена
 Константиновна, Александр.
 Стоят: Николай (слева), Матрена
 Федоровна, Иван. На коленях
 у бабушки Лидия. Раскулачены в
 1930 в Кировоградской области.
 Фото конца 30-х годов, на поселении
 в Приморском районе

Справка о выселении
 и реабилитации семьи
 М. М. Капинуса

Семья Мелединых:
Слева стоит Раиса
Алексеевна (1915),
сидят Алексей
Федорович
(1870) и Мария
Павловна (1875).
Раскулачены
в 1930
в Куйбышевской
области, выселены
в Плесецкий
район.
1927—1929

Семья Карнауховых:
в первом ряду стоит
Анна (1928), сидят
Аким Иванович
(1902), Иван
Николаевич (1870),
стоит Николай
(1925); за ними стоят
Пелагея Яковлевна
(1902), Александра
(1920), Анна
Карповна (1872),
бабуня. Раскулачены
в Сталинградской
области.
Этапированы в Коми
АССР. 1935

Семья Кривенко: Николай Иванович (1906) и Елена Ивановна (1911) с сыновьями Валентином и Алексеем, родившимися на поселении. Пятеро привезенных из Белгородской области детей умерли. Адрес поселения — Плесецкий район, Северная железная дорога, 9 километров в сторону. 1937

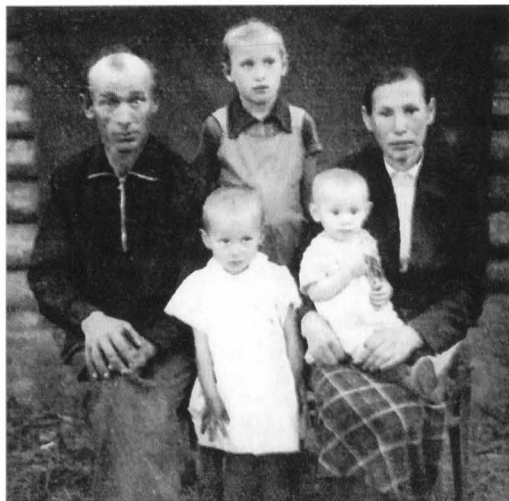
1-й класс Шеленковской семилетней школы, 1953/54 учебный год. Саша Кривенко первый слева в нижнем ряду

Курицыны: Мария Ивановна (1919), Анисья Григорьевна (1874). Дети: Владимир (1941), Надежда (1940), Лидия (1944) на коленях у мамы, Виктор (1943). Семья раскулачена в Онежском районе в 1931, выселена в Коми АССР. 1946

«Но я всегда узнаю деда дом...» Отобранный дом Ивана Ивановича Курицына в деревне Ворзогоры Онежского района

Семья Кухаренок:
Владимир Маркович
(1899) и Ольга
Анатольевна (1903),
Ольга (1938, стоит
между родителями),
Тамара (1943) и Лидия
(1946) на коленях
у мамы. Раскулачены
в 1930 в Минской
области, этапированы
в Верхнетоемский район.
1947

Детские ясли на лесобазе Турдово Верхнетоемского района
Архангельской области. 1947

Семья Лепехиных: в центре бабушка Елена Ильинична, слева Сергей Максимович (1907) с женой. Раскулачены в 1930, высланы из Астраханской области в Приморский район. В дороге умерли трое детей

Николай Иванович Попов (1920?). Из раскулаченной в Саратовской области семьи. Братья умерли на поселении, могилы неизвестны: охрана куда-то увозила умерших

Семья Савиных: в первом ряду
 Степан Савельевич (1915),
 Елизавета Савельевна (1925),
 Елена Савельевна (1917), Даниил
 Савельевич (1914), стоит Елизавета
 Александровна.
 Раскулачены в 1930 в Пензенской
 области. Двух умерших по дороге
 детей охранники выбросили
 из вагона в снег. 1950-е

ОПИСЬ
 имущества гр-на с. Безобразовка Савина Савелия
 на 1930 г.

Наименование предмета	Кол-во	Оценка	Кому имущество
	пред- метов	Руб.Коп.	переда- но
			в
Дом с надворной постройкой	1	550	колхозу
Конюшня с деревом	1	35	тоже
Амбар с приделом	1	100	за с/с на торг
Кладовая саманная	1	30	колхозу
Сенки на гумне железная	1	20	колхозу
Донья	1	100	колхозу
Корова	1	75	колхозу
Жеребенок	1	15	колхозу
Ведька	1	15	колхозу
Вилы железные	2	2	колхозу
Дров малярок	1	5	колхозу
Тес	100	50	с/с на торги
Конюшня кирпичная	1	10	колхозу
Решето половальное	1	2	колхозу
Самков	1	3	колхозу
Подвал	1	15	колхозу
Сундук большой	1	1	с/совету
Шкаф для посуды	1	1	колхозу
Дубов	7	3	с/совету
Кучка дров	1	2	с/совету
Кадюшка пустая	1	2	колхозу
Кадюшка с надустом	2	3	колхозу
Кадюшка с огушком	1	1	колхозу
Свеклы	5	2	колхозу
Полуфурок	1	3	колхозу
Лагуш	1	2	колхозу
Ларек	2	10	колхозу
Полуфурок с огушком	1	2	колхозу
Дровни	2	15	колхозу
Кадюшка	1	2	колхозу
Колесы стальные	4	6	колхозу
Вочка для сабы	1	3	колхозу
Луханка	1	1	колхозу
Дрожки	1	3	колхозу
Огни	1	1	колхозу

Опись имущества семьи
 Савелия Савина

Семья Станкевичей
до раскулачивания.

1-й ряд (слева
направо): Лена
(1911), Миля (1905),
Стас; 2-й ряд: Франц
Робертович (1868),
Мария (1870); 3-й ряд:
Анна, Каспор (1902),
Елизавета (сестра
Марии), Антон (1895).

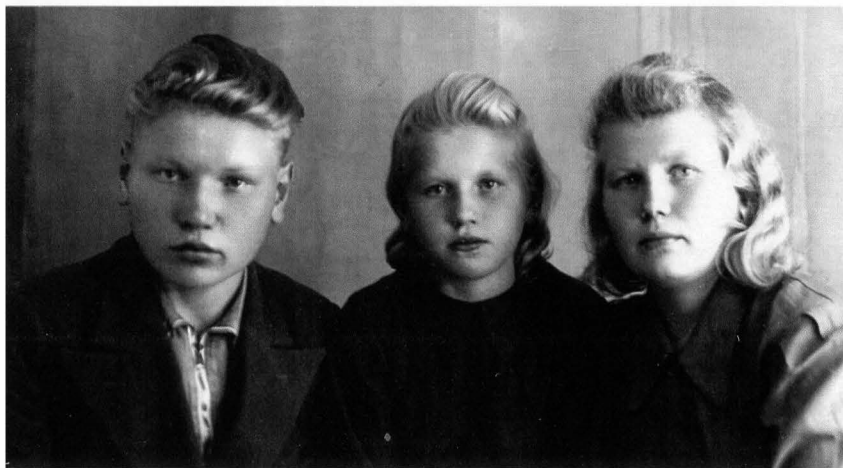
Жили в Полоцком
округе. Раскулачены
в 1930, высланы
в Черевковский район

Недзвецкие с детьми: сидят Анна Францевна (1890) с внучкой Любой,
Степан Иосифович (1887), зять Павлин Иванович Витязев с сыном
Сашей; в нижнем ряду: Мария Степановна (1928, слева), ее дети
Тамара и Эрик, Елена Степановна (1934). Раскулачены и выселены из
Белоруссии в 1930 через Макариху в Черевковский район

Сумкины Федор
Матвеевич (1902)
и Лидия Федоровна
(1904). Раскулачены
в Карпогорском
районе в 1930.
Все нажитое отняли
и выселили из дома.
Федор Матвеевич
уехал работать
в Архангельск.
Лидию Федоровну
в 1933—1935
содержали в тюрьме

Сумкины Федор (1928), Валя (1935), Нюра (1925).
Пока мама была в тюрьме, жили в детском доме

Михаил Осипович
Тюриков (1883—1942),
житель Приморского
района. После службы
в царской армии
обзавелся семьей
и хозяйством. В 1933
раскулачен и отправлен
в Коми АССР

Феоктистовы: Тамара (1935), Василий Федорович (1890), Екатерина
Федоровна (1891), Шура (1932), за ними — Настя (1925) с мужем.
Раскулачены в 1930 в Саратовской области, вывезены в Шелексу

Реабилитированные жители Молотовска, не вошедшие в «Поморский Мемориал»

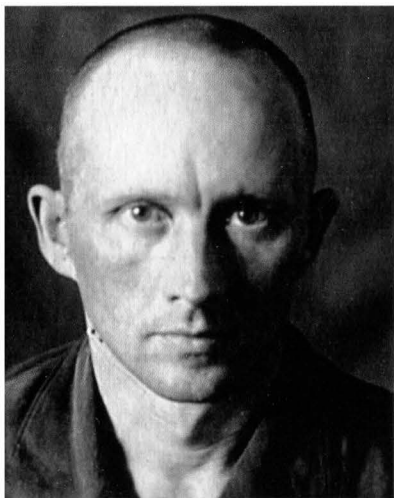
Василий Иванович Аввакумов
(1926), слесарь на заводе
№ 402, осужден в 1948 на 25 лет
заключения в ИТЛ

Карл Генрихович Болтвилкс
(1899), заведующий столовой
на заводе № 402.
Осужден в 1940 на 3 года
лагерей как «участник
антисоветской латышской
организации»

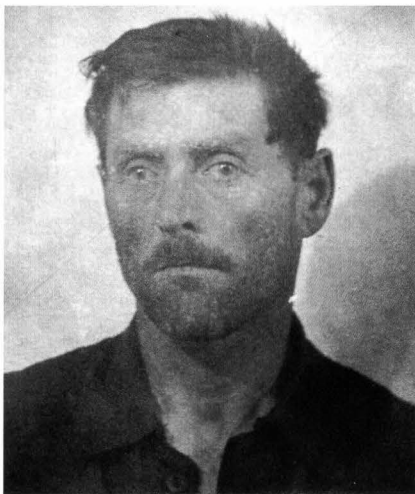

Александра Михайловна
Вавилова (1910), слесарь
на заводе № 402, осуждена
в 1944 на 15 лет каторжных
работ

Владимир Федорович
Калистратов (1907), начальник
машиносчетной станции завода
№ 402, трижды судим по ст. 58.
В 1946 приговорен к расстрелу.
Расстрел заменен на 10 лет ИТЛ

Мария Николаевна Смирнова
(1906), электромонтер
на заводе № 402. Осуждена
в 1944 на 7 лет ИТЛ. Срок
отбыла полностью

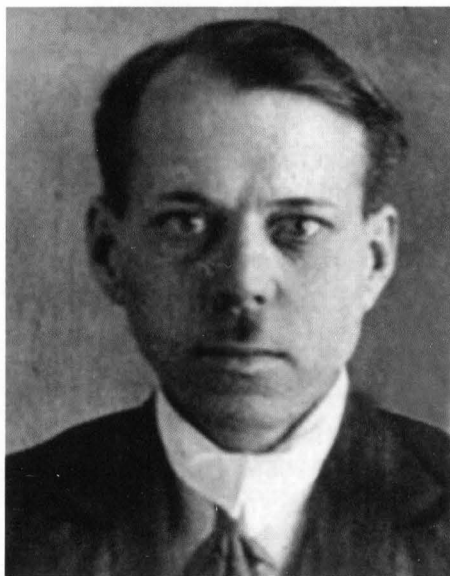

Василий Капитонович Пугачев
(1886), мастер сантехнических
работ на заводе № 402. Осужден
в 1940 на 10 лет лагерей.
Скончался в лагере в 1941

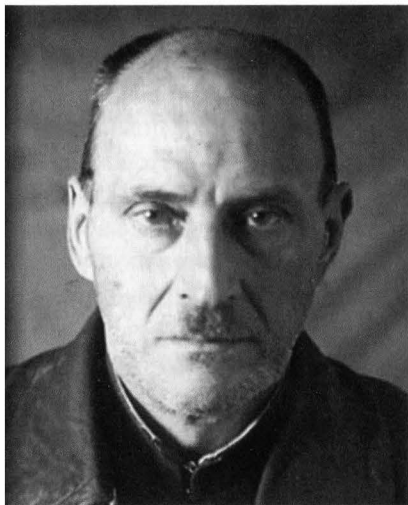

Василий Андреевич
Сапрыкин (1890—1964),
главный инженер
строительства завода
№ 402. В 1938 осужден
на 20 лет лагерей.
В 1941 оправдан. Герой
социалистического труда

Константин Яковлевич
Соколов (1908), бухгалтер.
В 1942 осужден на 10 лет.
Скончался в Ягринлаге в 1942

**Репрессированные
из списка «Поморского Мемориала»,
дальнейшую судьбу которых удалось выяснить
(все реабилитированы)**

Сергей Авдеевич Молодцов
(1888), житель Молотовска,
служащий. Осужден в 1940
на 10 лет ИТЛ. Срок отбыл
полностью

Николай Александрович Сысоев
(1921), художник-декоратор
Молотовского драмтеатра.
Находился в немецком плену.
В 1947 осужден на 7 лет лишения
свободы

Владимир Михайлович
Добронравов (1902), диспетчер
завода № 402. В 1940 осужден
на 4 года лагерей

Галина Николаевна
Иогельсен-Маковская
(1915—1992), художник-
декоратор Молотовского
драмтеатра, из династии
художников Маковских.
В 1947 осуждена на 10 лет.
Срок отбывала в Дубровлаге

Владимир Сергеевич
Иогельсен (1913—1996),
режиссер Молотовского
драмтеатра. В 1947 осужден
на 20 лет лагерей.
Освобожден в 1955.
Заслуженный артист
Узбекской ССР

Посадка кленов в память о репрессированных родных, 30 сентября 2010 года, Северодвинск. А. А. Чикина, Э. М. Адамантова, Г. С. Макаренков, О. В. Амелина, Т. А. Клименко, М. А. Фомина, М. Ф. Ларичкина, Л. Л. Артюшкина, Г. В. Шаверина

О СОСТАВИТЕЛЕ

Галина Викторовна Шаверина родилась в 1940 году в деревне Вонге Пинежского района Архангельской области. В 1965 окончила Архангельский мединститут. Работала главным врачом Сурской участковой больницы, заместителем и главным врачом Пинежского района.

С 1982 года 20 лет преподавала в медицинском училище Северодвинска, восемь лет была его директором.

С 1989 она руководитель объединения пострадавших от политических репрессий «Совесь». Собирает воспоминания пострадавших от репрессий, занимается восстановлением имен репрессированных жителей Судостроя—Молоотовска. Ведет просветительскую работу, выступая с сообщениями о репрессиях на Севере.

В 1990 вместе с активистами общества «Совесь» Галина Викторовна организовала сбор останков на Ширшемском кладбище заключенных Ягринлага, которое было нарушено при строительстве лесхоза.

Благодаря активистам «Совести» и при поддержке Северодвинского горисполкома создан мемориал «Невинным жертвам Ягринлага».

У нее дочь, три внучки и правнук.